

НОВЫЕ СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

АНДРЕЙ
САЛОМАТОВ

В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНОГО КАМНЯ

САМОУВАР

АНДРЕЙ САЛОМАТОВ

В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНОГО КАМНЯ

ХУДОЖНИК
БОРИС ПУШКАРЁВ

САМОУВАР

*Делай, что должен,
и будь, что будет.*
Рыцарский девиз

ВСТУПЛЕНИЕ

В одном из московских переулков, вблизи современных многоэтажных домов, и по сей день стоит старая пожарная каланча, похожая на крепостную башню. Каждую весну ее древние кирпичные стены покрываются зеленым мхом, а когда на кустах и деревьях появляется густая листва, пожарная каланча сливается с ней, и ее почти не видно со стороны дороги. Местные старожилы рассказывают, что ее несколько раз пытались уничтожить, чтобы освободить место для жилого дома. Под каланчу подкладывали взрывчатку, но та почему-то не взрывалась. Ее таранили мощными бульдозерами, били по стенам огромным железным шаром, но и это ни к чему не привело. И тогда старую каланчу решили оставить в покое и даже повесили на ней бронзовую табличку, на которой было написано: «Памятник пожарной архитектуры конца XIX столетия». Так и дожила она до наших дней, обрстая самыми невероятными легендами и мифами. О каланче говорили разное, но все истории были почему-то одинаково страшные. Один рассказывал, что проходил ровно в полночь мимо башни и из-за толстых стен до него донесся душераздирающий крик. Другой утверждал, что по пятницам в башне собираются на свой шабаш ведьмы и прочая нечисть. Находились люди, которые видели, как опять же ночью оттуда выходили люди. Но не обычные, а с большими ушами и перепончатыми крыльями за спиной. Некоторые жильцы соседнего дома рассказывали, что через щели в забитых окнах иногда виден яркий свет и слышны визгливые голоса. А местный водопроводчик Иван Петрович однажды наблюдал, как под утро над пожарной каланчой зависла настоящая

летающая тарелка, и оттуда вниз спустились восемнадцать зеленых человечков. Водопроводчик настаивал, что инопланетян было не десять, не двадцать, а именно восемнадцать, и с ним никто не спорил. В общем, старая каланча пользовалась дурной славой, и родители строго-настрого запрещали своим детям подходить к ней близко не только вечером, но и днем. И дети, как это ни странно, слушались, обходили загадочную башню стороной. Правда, иногда мальчишки швыряли в нее камнями, а самые смелые даже писали на ее стенах разные слова. Но это не в счет. Дальше наш рассказ пойдет не о таинственной каланче и даже не о летающих тарелках и зеленых человечках, а о десятилетнем мальчишке Филиппе или просто Филе, которому это жуткое архитектурное сооружение давно не давало покоя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Все самые интересные истории случаются, как правило, летом. Когда дни становятся длинными и теплыми, дома сидеть не хочется, а на улице надо обязательно чем-то себя занять. Иначе зачем вообще выходить на улицу?

День, когда все это произошло, начался для Филиппа не очень удачно, а если выражаться точнее, то просто скверно. С утра из-за сущего пустяка он поссорился с мамой. Она попросила его погулять с собакой Джимом, а он почему-то уперся, начал говорить, что ему некогда, что у него болит голова и вообще его давно уже на улице ждут друзья. Все вместе это было враньем: времени у него было сколько угодно, голова не болела, и на улице его никто не ожидал, потому что почти все его друзья разъехались по бабушкам, дедушкам и разным спортивным лагерям.

— Хорошо, тогда я пойду погуляю с Джимом, а ты вымой посуду,— спокойно предложила мама.

— Не буду я мыть посуду,— грубо ответил Филипп и заперся у себя в комнате.

Тогда мама постучала в дверь и сказала:

— Мало того, что ты врешь, ты еще ленишься и дерзишь. И все только из-за того, что не хочешь выгуливать собаку.

— Ну и пусть,— тихо пробурчал Филипп.

Надо сказать, что характер у Филиппа был непростой. Он любил настоять на своем, частенько упрямился, но не был ни злым, ни грубым, ни ленивым. Врать ему, конечно же, приходилось, хотя и не очень часто. Как и каждый нормальный человек, иногда он любил побездельничать, но учился хорошо и даже занимался в театральном кружке. Просто сегодня у него было отвратительное настроение, и Филипп не знал, как из него выкарабкаться.

Походив бесцельно по комнате, Филипп все же решил не ссориться с мамой и сходить погулять с Джимом. Он вышел в прихожую, взял поводок и начал обуваться. Джим в это время вертелся вокруг своего хозяина и радостно лаял. И тут Филипп сделал нечто такое, о чем потом сильно пожалел. Ни с того ни с сего он хлестнул собаку поводком, да так чувствительно, что Джим взвизгнул и убежал прочь.

— Не надо идти с ним гулять,— появившись в дверях, холодно сказала мама и отобрала у него поводок.— И посуду не надо мыть. А то ты, чего доброго, ударишь и меня. Я все сделаю сама.

Пристыженный, Филипп отправился на улицу один. Он и сам не понимал, зачем ударил собаку и обидел маму, и от этого на душе у него сделалось совсем противно.

Погода стояла по-летнему ясная и безветренная. В голубом небе висело белесое солнце и, несмотря на утро, палило совершенно по-дневному. Животные и птицы от жары попрятались в тень. Не было видно даже прожорливых сизарей и вездесущих воробьев. И только редкие бабочки своим изящным порханием оживляли замершую до вечера природу.

Филипп не заметил, как дошел до пожарной каланчи. Он опомнился только, когда его кто-то окликнул. Филипп оглянулся и увидел своего одноклассника Петьку, который так же забрел в это место из-за плохого настроения.

— Привет,— постукивая палкой по дереву, поздоровался Петька.— Гуляешь?

— Да,— ответил Филипп и показал на башню.— Давай залезем туда. Вдруг найдем что-нибудь интересное — старинную пожарную каску или ремень с бляхой.

— Так просто туда не залезешь,— задрав голову, со знанием дела ответил Петька.— Дверь и окна забиты.

— А мы по дереву заберемся на балкончик,— сказал Филипп.— А там наверняка есть дверь или окно. Я давно хотел обследовать, что там внутри. А то врут про нее всякую всячину.

— Конечно, врут,— согласился Петька и оглядел тополь, который рос всего в нескольких метрах от каланчи. Для того, чтобы добраться до балкона, нужно было вскарабкаться почти на самую верхушку дерева и проползти по ветке толщиной с руку. Но куда более опасным Петьке представлялось возвращение по той же ветке назад.— А как мы оттуда спустимся? — спросил он.

— Дверь закрыта изнутри. Наверное, на засов,— ответил Филипп.— Откроем ее и выйдем.

Петьке не хотелось показывать, что ему страшно, и он согласился, но про себя подумал: «Только я полезу вторым».

Вскарабкаться на высокий тополь оказалось совсем не трудно. Тем более что у Филиппа в этом деле уже был большой опыт. Верткий и легкий, он забрался на самую верхотуру, где тонкие ветви раскачивались даже от легкого дуновения ветра.

Сверху глядеть на землю было страшно, потому Филипп старался этого не делать. Ветка, по которой он пополз на смотровую площадку каланчи, от тяжести клонилась вниз, но возвращаться было поздно.

— Знаешь, на кого ты похож? — снизу крикнул Петька.— На ящерицу. Ползи-ползи, ящерка!

Стиснув зубы, Филипп добрался до почерневших от времени деревянных перил, ухватился за них рукой и попытался спуститься на балкон. Прогнившие перила угрожающе заскрипели, но вес десятилетнего мальчишки выдержали. А еще через пару секунд Филипп соскочил на смотровую площадку.

— Ну как там? — крикнул Петька. Задрав голову, он наблюдал за акробатическим прыжком Филиппа и со страхом думал, что сейчас ему придется проделать тот же путь.

— Нормально, — бодро ответил Филипп. Он уже оправился от испуга и по-хозяйски прошелся по балкончику. — Давай сюда. Ветка крепкая, слона может выдержать.

— Да, крепкая, — прошептал Петька, который был значительно тяжелее своего друга. Но чтобы не показать себя трусом, на дерево все же полез. Он не успел добраться даже до нижней ветки, как услышал голос мамы:

— Петя, сейчас же иди сюда. Хватит по деревьям лазить. Сходи за молоком.

Петька тут же сполз по стволу вниз, виновато посмотрел на Филиппа и развел руками.

— Мама зовет, — сказал он и опустил голову. — В магазин вот посылает... Так я пойду?

— Ну и иди, — обиделся Филипп. — Без тебя обойдусь. Сам потом жалеть будешь.

Оставшись один, Филипп решил, что коль забрался сюда, то так просто не уйдет. Обойдя смотровую площадку по кругу, он обнаружил заколоченную дощатую дверь и припал к широкой щели. Внутри башни было достаточно светло. Солнце проникало туда через многочисленные щели, и Филиппу удалось рассмотреть небольшую комнату и лестницу, уходившую круто вниз. Он даже почувствовал запах пыли, нагретого дерева и еще чего-то такого, чему он не знал названия. Запах показался Филиппу столь же таинственным, как и сама каланча. В его воображении сразу возник средневековый замок с каменными подвалами, в которых по ночам разгуливают привидения.

Затаив дыхание, Филипп приложил ухо к щели и прислушался. Но из башни не доносилось ни единого звука. И тогда он начал действовать. Обеими руками вцепился в трухлявую доску, которой была забита дверь, изо всех сил дернул и вместе с доской едва не полетел с каланчи. Оказалось, что за многие годы сгнило не только дерево, но и железные гвозди.

Ударившись спиной о ветхие перила, Филипп с ужасом посмотрел на землю и даже представил свое падение. От страха все тело покрылось мурашками, и он отшатнулся от края площадки. «Чуть не кувырнулся! — подумал Филипп и бросил трухлявую доску вниз. Через несколько секунд послышалось глухое «бум!». — Я бы долетел гораздо быстрее», — решил он.

За много лет дверные петли так заржавели, что Филиппу стоило немалого труда открыть дверь.

Помещение, куда он попал, ничего особенного собой не представляло и было совершенно пустым, если не считать пачки старых пожелтевших газет и нескольких деревянных брусков. На полу лежал такой толстый слой пыли, что от каждого шага она серым облаком поднималась вверх. Со стен свисали тяжелые пыльные полотнища паутины с засохшими мухами, а верх каланчи венчал продырявленный во многих местах, ржавый купол. Из отверстий в куполе до самого пола тянулись тонкие световые лучи, в которых медленно клубилась пыль.

Не обнаружив ничего стоящего, Филипп осторожно ступил на железную винтовую лестницу. Чем ниже он опускался, тем темнее становилось. Здесь не было щелястых ставен, через которые внутрь проникал бы солнечный свет. Сюда не добирался свежий воздух, а потому внутри каланчи пахло, как в склепе, — землей, нагретым кирпичом и сухими травами. Шаги Филиппа звучали гулко, и от этого ему делалось еще страшнее. Ему представлялось, что вот-вот из глубины чернильного мрака появится какое-нибудь ночное чудовище и набросится на него. Филипп давно пожалел, что не вернулся домой и не взял с собой фонарик или хотя бы спички. Идти вперед в крошечной

темноте было чрезвычайно жутко, но возвращаться, не облизав башню, казалось ему глупым и чем-то постыдным.

Добравшись до самого низа, Филипп остановился, чтобы перевести дух.

— И ничего здесь страшного нет, — чтобы подбодрить себя, вслух сказал он.

Вытянув руки вперед, Филипп пошел вдоль кирпичной стены. Он остановился, только когда обошел всю башню и уткнулся в винтовую лестницу. Он удивился, что на всем пути не встретил ни одного препятствия. На всякий случай пошарил рядом с собой руками, уцепился за какую-то длинную железяку и навалился на нее всем телом. Вслед за этим раздался металлический скрежет, и наш исследователь куда-то провалился.

Открыв глаза, Филипп увидел, что находится в незнакомом сарае, который ничем не напоминал пожарную каланчу. Было светло, по-летнему душно и пахло болотной водой. Земляной пол сарая был сплошь заставлен большими стеклянными сосудами и глиняными горшками самых причудливых форм. Каким образом Филипп сюда попал, он не представлял. Это перемещение показалось ему не просто странным, а более чем фантастическим.

Филипп подошел к двери, толкнул ее, и та легко отворилась. То, что он увидел, поразило его еще больше. Вместо привычного московского двора с гаражами и высотными домами перед ним открылся совершенно незнакомый пейзаж. Недалеко от сарая тянулась покосившаяся изгородь, а в ста метрах от нее начинался густой лес.

— Вот это каланча! — изумленно прошептал Филипп и подумал, что лучше поскорее вернуться домой и как следует подготовиться к дальнейшему перемещению. Взять с собой все необходимое: топорик, спички, котелок и прочие мелочи, без которых в настоящем походе не обойтись. Кроме того, Филипп решил дожидаться Петьки, чтобы вернуться в сарай вместе. Заниматься исследованием незнакомой земли в одиночку было и боязно, и не так интересно.

Филипп осмотрел весь сарай, но так и не обнаружил ни подземного хода, ни тайной двери, через которую он сюда попал. В поисках рычага — железаки, на которую он нажал, — Филипп обследовал все стены, ощупал пол и даже заглянул в несколько глиняных горшков. Ничего похожего на рычаг нигде не было, и он озадаченно подумал: «Вот это влип! Меня же мама будет искать. Она, конечно, позвонит Петьке, а тот скажет, что знать ничего не знает и утром не видел меня. Не станет же он рассказывать, как я полез на каланчу».

Выбравшись на улицу, Филипп увидел аккуратный одноэтажный дом, сложенный из нетесаного дикого камня. Дверь дома была приоткрыта, но Филипп на всякий случай решил постучать. Так и не дождавшись разрешения войти, он на цыпочках проник внутрь, миновал маленькую прихожую и от изумления застыл на месте. Внутри дом напоминал жилище колдуна или лабораторию алхимика, какие Филипп не раз видел в кинофильмах. Все стены были увешаны грубо сколоченными полками, на которых стояли разнокалиберные стеклянные банки, колбы и реторты. Половину комнаты занимал огромный стол, и на нем возвышалось сложнейшее сооружение из химических приборов. Самые разные по форме сосуды соединялись между собой целой системой стеклянных трубок. В древних колбах и ретортах, похожих на перевернутые запяты, бурлили и исходили паром разноцветные жидкости. Они смешивались между собой и оседали на стенках сосудов искрящейся влагой.

За этим сложным химическим процессом наблюдал глубокий старик в просторном черном балахоне. Он стоял спиной к двери и не видел гостя. У хозяина лаборатории были длинные седые волосы, такая же длинная борода, а на самой макушке лежала крохотная черная шапочка. В одной руке старик держал стеклянную палочку, а в другой — пробирку с золотистым порошком. При этом он бормотал себе под нос загадочные слова:

— Золото и серебро, одаренные совершенной, драгоценной тинктурой, пойдите вспать...

«Вот это да! — раскрыв от удивления рот, думал Филипп. — Вот так попал! И ведь никто не поверит. Ну и дурак же Петька. За молоком его послали! Молокосос!»

— Здравствуйте, — тихо поздоровался Филипп.

— А?! Что?! — испуганно вскрикнул старик и обернулся. Но, увидев мальчишку, алхимик успокоился. — Ф-фу, как ты меня напугал. Сюда уже два десятка лет никто не заходил. Ты, наверное, из того мира? — Старик покрутил в воздухе стеклянной палочкой.

— А что, есть какой-то другой мир? — спросил Филипп.

— Все понятно, ты попал сюда случайно. — Алхимик покачал головой. — Это сказочная страна. А я ее вечный хранитель.

— Сказочная? — не веря своим ушам, переспросил Филипп. — А разве бывает?..

— Станный ты мальчуган, — усмехнулся хранитель. — Находишься в сказочной стране и спрашиваешь, бывает ли она. Бывает, голубчик. Вот уже много тысяч лет я охраняю вход в эту страну.

— Много тысяч?! — недоверчиво воскликнул Филипп.

— Да, — приосанившись, ответил старик. — Ровно пять тысяч пятьсот семдесят восемь лет назад я нашел эликсир бессмертия и поселился здесь. И вот уже почти две тысячи лет я ищу средство от бессмертия. Другими словами, эликсир смертности. О, я несчастный бессмертный! Сколько трудов!

— Почему же несчастный? — не понял Филипп. — Ведь вы никогда не умрете.

— В том-то и дело, — печально ответил хранитель. — Оказывается, жить вечно не так легко и приятно. Но я уже почти у цели. Очень скоро я получу эликсир смертности и тогда наконец смогу отдохнуть от жизни. Две тысячи лет я отдал этой работе! Кстати, за это время я научился готовить прекрасный

клюквенный морс. Хочешь попробовать? — Алхимик снял со спиртовки колбу с ярко-красной жидкостью и протянул гостю.

— Нет, спасибо, я недавно завтракал, — сказал Филипп. — Лучше расскажите мне, как вернуться домой.

— О, это гораздо сложнее, чем попасть сюда, — ответил хранитель. — Вернуться в ваш мир можно, только пройдя всю сказочную страну от начала до конца. В самом конце ее ты найдешь Черный Камень. Он-то и вернет тебя назад.

— А по-другому никак нельзя? — жалобно спросил Филипп.

— Нет! — воскликнул старик. — Ты когда-нибудь забирался в узкую трубу?

— Забирался, — ответил Филипп. Он вспомнил, как два года назад прополз по трубе, которая пролежала под дорогой. По ней протекал ручей, и, хотя она была не очень длинной, Филипп испытал несколько очень неприятных минут.

— Тогда ты знаешь, что по узкой трубе можно ползти только вперед, — сказал алхимик. — Так и в сказочной стране: попал — назад дороги нет.

— А в какую мне идти сторону? — спросил Филипп. Пересечь целое государство, да еще сказочное, казалось ему делом долгим и опасным. Тем более что дома его ждала мама, и он давно уже созрел для того, чтобы помириться и попросить прощения за утреннюю ссору.

— В сказке можно идти в любом направлении, — ответил хранитель. — И поторопись. Если не успеешь проделать этот путь за семь дней и семь ночей, останешься здесь навсегда.

— Да?! — вконец испугался Филипп. — А как же мои родители? Они же сойдут с ума!

— Не волнуйся: в сказочной стране время не играет роли. Если ты успеешь добраться до Черного Камня за положенный срок, то попадешь домой в тот же самый день, в тот же час и ту же минуту. Никто ничего и не заметит.

— Тогда я побежал! — сказал Филипп и направился к двери.

— Беги, голубчик, — ласково проговорил бессмертный хранитель. — Но помни: на пути ты не один раз встретишься со злом. И тебе придется бороться с ним.

— А как?.. — растерялся Филипп. — У меня же ничего нет. Даже рогатки.

— Чем можно победить жажду? — спросил старик.

— Водой, — ответил Филипп.

— А чем можно уничтожить тьму?

— Светом, — быстро догадался Филипп.

— Молодец! — похвалил его алхимик. — В таком случае, чем нужно бороться со злом?

— Добром? — неуверенно спросил Филипп.

И хранитель одобрительно кивнул:

— Правильно. Только добром. Народ в этой сказочной стране живет очень разный, дорога тебе предстоит трудная, поэтому много раз захочется попросить помощи, и ее тут же предложат. Но кто предложит и какую за это потребует плату, неизвестно. Поэтому постарайся пройти весь этот путь сам. Чтобы не пришлось платить слишком дорогую цену. Все понял?

— Да, — ответил Филипп. — Кажется, понял. Спасибо. А теперь я пойду.

— Иди, голубчик. Ни пуха тебе, ни пера. — Старик махнул Филиппу рукой и вернулся к своим химическим приборам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Попрощавшись с хранителем сказочной страны, Филипп вышел из дома, миновал ворота и обернулся. К его удивлению, каменный дом бесследно исчез. Вместо него прямо за его спиной начиналась знойная пустыня с ослепительным солнцем и величественными оранжевыми барханами. Горячее дыхание пустыни Филип почувствовал сразу, тогда как справа на него повеяло прохладой.

— Чудеса, — прошептал Филипп. — Если здесь все так запросто появляется и исчезает, значит, точно сказочная страна. И куда мне теперь? — Тут он вспомнил слова алхимика, что здесь для достижения цели можно идти в любую сторону. Филипп представил, как бредет по жаре от одного бархана до другого, и содрогнулся. Добираться семь дней и семь ночей по безводным пескам казалось ему самоубийством. У него не было ни продуктов, ни флаги для воды.

Справа от Филиппа темнела водная гладь то ли огромного озера, то ли моря. Вода тянулась до самого горизонта, а на берегу, на мелкой волне покачивалась легкая лодочка с мачтой и дырявым треугольным парусом. Пускаться на хлипком суденышке в такое далекое путешествие и умереть от голода среди водной пустыни ему тоже не хотелось. А сделать хотя бы простенькую удочку для ловли рыбы было не из чего. У себя в карманах Филипп обнаружил только перочинный ножичек, с которым он никогда не расставался, и носовой платок.

Слева высились горы, да такие зловещие и крутые, что он сразу отказался от этого пути. Горные вершины терялись в облаках, а мрачное ущелье, которое начиналось всего в двухстах метрах, внушало ему ужас. Зато впереди темнел лес, такой густой, что в сплошной зеленой стене не было видно ни одного прохода. Филипп частенько на даче ходил с родителями за грибами или просто погулять. Он даже пару раз заблудился и точно знал, что в лесу главное — не паниковать. Нужно спокойно отыскать дорогу или тропинку, и она обязательно куда-нибудь да выведет. Вот этот путь он и избрал.

Потоптавшись на месте, Филипп тяжело вздохнул, собрался с духом и отправился в лес. Почти сразу он обнаружил едва заметную, заросшую лопухом и крапивой тропку. Лес в сказочной стране мало чем отличался от подмосковного. Разве что деревья были чуточку потолще и повыше, а трава иной раз доходила до груди. Была у сказочного леса и еще одна особенность — животные здесь не боялись людей. Несколько раз Филиппу

попадались на тропинке мелкие зверушки, но при виде человека они не убегали, а просто уступали ему дорогу. «Совсем ручные, — подумал Филипп. — Интересно, а медведи и волки здесь водятся? Не хотелось бы встретиться с кем-нибудь из них».

Поначалу идти было страшновато. Филипп настороженно смотрел по сторонам, вздрагивал от малейшего шороха, часто останавливался и крутил головой. Про себя он все время повторял поговорку, которую не раз слышал от отца: «Дорогу осилит идущий». И это как будто придавало ему силы. Но через два часа пути он так привык к мирному шелесту листвы и пению птиц, что весело засвистел и пошел не останавливаясь. На всякий случай Филипп все же отыскал себе большую суконную палку и на ходу принялся лихо рубить крапиву с лопухами. «И что в этом лесу такого страшного?» — подумал он. Вдруг где-то жутко захохотала птица, и Филипп невольно поежился: «Эх, сюда бы Петьку. Путешествовать вдвоем было бы интереснее. Сказочная страна — это тебе не наш двор со сломанными качелями. Здесь, наверное, и драконы водятся».

Филипп несколько раз останавливался на короткий привал: собирал на полянах крупную душистую землянику, пил из лесных ручьев холодную и удивительно вкусную воду, а затем отправлялся дальше. Когда же солнце начало клониться к закату, он впервые задумался о ночлеге и порядком испугался. Провести ночь одному в диком лесу без костра было страшно. «Лес как лес, — мысленно уговаривал он себя. — Чудовищ не видно, животные на человеческом языке не говорят, волшебного ничего не происходит. Может, надул меня хранитель сказочной страны? А может, он и не хранитель вовсе? Какой-нибудь учитель химии. Каникулы, вот он и решил надо мной подшутить. — Затем Филипп вспомнил, как сюда попал и как потом исчез дом вместе с алхимиком. — Нет, все-таки это сказочная страна. Но если она сказочная, куда подевались все колдуны и разные там Сивки-Бурки? Ладно, заберусь на толстое дерево и как-нибудь переночую».

Внезапно в стороне от тропинки раздался душераздирающий вопль. Филипп вздрогнул, остановился как вкопанный и прислушался. Через несколько секунд крик повторился, и Филипп, не разбирая дороги, бросился в лесную чащу.

Бежать ему пришлось недолго. Метров через пятьдесят он увидел небольшое лесное болотце, густо заросшее кубышками и камышом.

В одном месте камышинки с коричневыми бархатными колбасками на верхушках ходили ходуном. В мутной жирной воде отчаянно барахтался мальчишка. Несчастный взбивал болотную воду руками и пытался дотянуться до ближайшей ветки поваленного дерева. Но у него ничего не получалось. Трясина крепко держала его за ноги.

— Ты что, тонешь? — крикнул Филипп и в растерянности заметался по берегу.

Мальчишка в ответ только громко булькнул и в очередной раз глотнул грязной болотной воды. Он смотрел на Филиппа вытаращенными от ужаса глазами и как будто просил о помощи. И, только поймав этот испуганный, умоляющий взгляд, Филипп догадался, что надо сделать. Он добрался до воды и протянул утопающему свой посох.

— Хватайся, я тебя вытяну, — приказал Филипп.

Мальчишка судорожно вцепился в палку и уже через минуту выбрался из черной болотной жижи.

Спасенный оказался настоящим дикарем. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка. На спине у него висел лук из крепкой дубовой ветки и лыковый колчан с тремя короткими стрелами.

Древнее оружие совсем не походило на игрушку и придавало мальчишке очень воинственный вид. Длинные спутанные волосы у юного охотника торчали в разные стороны, но даже они не могли скрыть больших оттопыренных ушей. Глаза сверкали, как два уголька, зубы лязгали то ли от холода, то ли от страха, но физиономия была хитрая и дерзкая.

— Ты в воду свалился? — спросил Филипп.

— Сам ты свалился,— стряхивая с себя болотную ряску, почему-то обиделся мальчишка. Он решительно двинулся на своего спасителя и задиристо проговорил: — Ты кто такой? Что ты делаешь в моем лесу?

— А почему он твой? — нисколько не испугавшись, спросил Филипп и тоже принял бойцовскую позу.

— А потому,— напирая грудью, ответил мальчишка.— Сейчас как дам в ухо, узнаешь почему.

— Да ты что, белены объелся? Я же тебя спас! — возмущенно воскликнул Филипп.

— Это еще надо посмотреть, кто кого спас,— презрительно сказал мальчишка и сквозь зубы сплюнул на землю.— Я, может, искупаться захотел, а ты мне помешал. Знаешь, что я тебе за это сделаю? По шее накостилю так, что на всю жизнь запомнишь.

Он поднял с земли дубину, с помощью которой Филипп помог ему выбраться из трясины, широко замахнулся, но в следующий момент опустил палку и рассмеялся.

— Ну что, струсил? — насмешливо спросил он.— Не бойся, это я так шучу. Я вообще очень веселый, люблю пошутить.

— Ничего себе шуточки!

— Нормальные,— ответил мальчишка.— Всем нравятся. Хочешь, в лоб тебя тресну? У меня это очень смешно получается.

— Нет, не хочу,— ответил Филипп и вдруг спросил: — Ты дикарь?

— Нет, я Кинтохо-подменыш,— с достоинством ответил мальчишка.— Но ты можешь звать меня просто Кинтохо. Я хозяин этого леса.

— Хозяин? — удивился Филипп.— Всего леса?

— Всего,— подтвердил мальчишка и снова сплюнул.— Стану, когда вырасту. Мне маманя сказала. А она у меня все знает. А вообще-то я тоже когда-то был в вашем мире человеком. Но потом лешачиха украла меня, а моим родителям подложила своего лешачонка. А потом проиграла меня

в карты кикиморе. Лешачонок через три дня сбежал назад в лес, а я навсегда остался здесь. Так я и сделался лесной нечистью. Но ты не бойся, я умею помнить добро.

— А я и не боюсь,— ответил Филипп и спросил: — А кого ты теперь считаешь своей мамой?

— Как кого?— удивился Кинтохо.— Кикимору. Она же выиграла меня в карты. Как говорит сосед-упырь, кто ребенка воспитывает, тот ему и маманя, и папаня, и пирог с грибами. Тебя как звать?

— Филипп. Но ты можешь звать меня просто Филя.

— Странное имя — Простофиля,— сказал Кинтохо.

— Не Простофиля, а просто Филя,— поправил его Филипп.— Слово «просто» не надо говорить.

— Ну и что ты делаешь в моем лесу, простой Филя?— скаля зубы в улыбке, спросил Кинтохо.

— Мне нужно успеть дойти до Черного Камня. Ты не мог бы показать дорогу?— попросил Филипп.

— Значит, ты из того мира? — сразу догадался Кинтохо и оценивающе оглядел своего спасителя с ног до головы.— То-то я смотрю, ты как-то странно одет. И волосы у тебя пострижены. Так и хочется треснуть тебя дубиной по башке. У нас в лесу такие, как ты, редко появляются. В прошлом году один тоже к Черному Камню торопился. У всех дорогу спрашивал. Ну кикимора и показала ему самый короткий путь.— Кинтохо развел руками и очень неприятно рассмеялся.— Так и сгинул в лесу. Но ты не бойся: за то, что ты меня спас, я тебе настоящую дорогу покажу. Лучше меня здесь никто леса не знает. Пошли.

Они полезли напролом через невероятно густые заросли малины, бузины и орешника. Кинтохо, который провел в чащобе почти всю свою жизнь, очень ловко проскальзывал меж ветвей, затем дожидался своего спутника и без умолку тараторил:

— Здесь, в лесу, жить страшно скучно. Даже поговорить не с кем. Нечисть днем отсыпается, а ночью выходит на охоту. А на кого здесь охотиться? В лесу остались одни зайцы, ежи,

В древних колбах и ретортах бурлили и исходили паром разноцветные жидкости. За этим сложным химическим процессом наблюдал глубокий старик в просторном черном балахоне.

Филипп настороженно смотрел по сторонам, вздрагивал от малейшего шороха, часто останавливался и крутил головой. Про себя он все время повторял поговорку: «Дорогу осилит идущий».

змеи и земляные жабы. Ну, жаб-то они уважают. Это их первое лакомство. А мне противно на них смотреть. Вот и приходится весь день бродить по лесу. К тому же я люблю, когда светит солнце. Это у меня от человека осталось. Хожу, собираю грибы, ягоды и орехи. У меня дома есть небольшие запасы. Сейчас мы зайдем ко мне, хорошенько подкрепимся и переночуем. А то ночью по лесу столько всякой нечисти шастает. Сожрут и имени не спросят. Только запомни: ничего не бойся, никому не верь и ни у кого ничего не бери. Это у нас такой закон. Чуть зазеваешься: или заманят куда-нибудь в болото, или отравят, или схрюпают, даже косточек не останется. Сам понимаешь, нечисть. Все понял?

— Все, — ответил Филипп и даже поежился от страшноватого рассказа Кинтохо. — А драконы у вас водятся? — чтобы перевести разговор на другое, поинтересовался Филипп.

— Нет, сюда они не заползают и не залетают. Этим громилам в лесу негде развернуться. Сам понимаешь, сплошные деревья. Они там живут, — Кинтохо махнул рукой в сторону, — в горах, в пустыне и в море. А у нас здесь тихо и спокойно: лешие и упыри, кикиморы и вурдалаки. Да еще от анчутков покоя нет. А в озерах еще и водяные с русалками водятся. Веселый народ.

«Ничего себе, спокойно, — подумал Филипп. — Верить никому нельзя, брать ничего нельзя, того и гляди, отравят, или слопают. Вот дорожку себе выбрал!.. Как хорошо, что я встретил этого дикаря! Он все-таки со всей нечистью знаком».

— И каждая нечистая рожа норовит меня уму-разуму поучить, — беспечно продолжал болтать Кинтохо. — Я уже столько всяких гадостей могу, о-го-го! Хочешь, с десяти шагов попаду тебе шишкой в лоб?

— Нет, не хочу, — ответил Филипп.

— Жаль. — Кинтохо лукаво сверкнул глазами. — Я каждый день учусь стрелять в цель из лука. Я бы показал, но боюсь стрелу потерять. Зато кидаюсь я... Вчера один знакомый леший

хотел что-то спросить, разинул пасть, а я ему туда сосновой шишкой — р-раз! Проглотил, даже не подавился. Вот все хохотали...

— Эй, Кинтохо! — неожиданно услышали ребята.

Несколько в стороне, между двух могучих дубов, образовался столб пыли выше деревьев. Затем он распался, и на его месте остался кургузый старичок, похожий на замшелый пенек. Нос у старика походил на сучок, зато глаза были такими яркими и синими, словно в них отразилось весеннее небо. Старик был невероятно лохмат, одет в грязное рванье, а на ногах у него были липовые лапти. Причем, левый лапоть лесной чудака надел на правую ногу, а правый — на левую.

Одной рукой старичок опирался на палку, а в другой держал огромный красный мухомор. Он нюхал его, словно цветок, вздыхал и даже причмокивал от удовольствия.

— Куда это ты закусточку тащишь? — ласково поинтересовался старичок и показал на Филиппа.

— Домой, куда же еще, — ответил Кинтохо. — А ты что не спишь, старая кочерыжка?

— Как же, уснешь здесь, — широко зевнув, проворчал старик. — Жрать охота. Может, поделишься мальчишкой? А я тебя потом научу превращаться в лесного зверя.

— Черта лысого тебе, а не мальчишку, — сказал Кинтохо. — Опять обманешь, не научишь.

— Конечно, обману, — охотно согласился старик.

Внезапно он раскрыл рот, сунул туда мухомор и разом проглотил его. Филипп даже испугался. Рот у тщедушного старичка оказался таким огромным, что он спокойно мог бы заглотнуть целого гуся.

— Нам самим мало, — сказал Кинтохо и поволок Филиппа дальше. — У меня едоков полон дом.

— Тогда подойди, я тебе что-то дам, — вслед им крикнул старичок и начал рыться в своих лохмотьях.

— Не дашь, — обернувшись, ответил Кинтохо. — Я тебя знаю. Палкой огреешь.

— Конечно,огрею,— признался старик и обиженно добавил: — Жадина. Да и мальчишка дрянь. Одни кости. Чтоб вы подавились им!

— Что?! — в ужасе пролепетал Филипп. От страха у него подкосились ноги, и он остановился.— Вы меня хотите съесть?!

— Да ты не бойся.— Кинтохо успокоил его и похлопал по спине.— Это я для лешего сказал, чтобы отстал. Я тебя никому в обиду не дам. Пока ты со мной, тебя никто не тронет.

Мальчишки продолжили путь. Продираться сквозь густые заросли было нелегко. Уже через каких-нибудь полчаса Филипп исцарапал себе лицо и руки, голова его покрылась сухими хвойными иголками, листьями и паутиной. И если бы не джинсы и яркая майка, Филипп вполне сошел бы за лесного жителя, какого-нибудь начинающего лесовика.

— А ты помнишь, откуда тебя украли? — на ходу спросил Филипп.

— Нет, я же был совсем маленьким,— ответил Кинтохо.— Я и имени своего не помню. Это меня уже здесь так называли.

— Давай вместе пойдем к Черному Камню,— неожиданно предложил Филипп.— Попросишь у Камня вернуть тебя настоящим родителям. Будешь жить, как все люди. Я тебя научу играть в футбол и на компьютере.

От этих слов Кинтохо даже остановился. Он во все глаза посмотрел на своего спутника, затем опустил голову и с горечью ответил:

— Я давно забыл, как живут люди. И не знаю, что такое компуктер. Ты вон какой чистый, и волосы у тебя пострижены. А я? Кому я такой нужен?

— Нужен-нужен! — горячо проговорил Филипп, которому сделалось ужасно жалко этого дикаря.— Своим родителям нужен. Отмыть тебя и постричь — плевое дело.

— Мои родители давно обо мне забыли,— еще более по-мрачнев, произнес Кинтохо.

— Родители не могут о тебе забыть,— продолжал уговаривать его Филипп.— Это я точно знаю. Мои мама с папой даже через тысячу лет меня не забудут.

— Они что, вечные, что ли?

— Не вечные,— вздохнул Филипп. Он вспомнил, как утром обидел маму, и добавил: — Вот поэтому тебе и надо вернуться.

— Ладно, заткнись,— пробурчал Кинтохо. Лицо его сделалось злым, а на глаза навернулись слезы.— Пойдем. И больше не лезь ко мне с этой ерундой, а то получишь по загривку.

Солнце почти совсем завалилось за горизонт. Лес становился все более густым и мрачным. Продираться сквозь сплошные заросли было все труднее, и Филипп невольно подумал: «Куда этот дикарь меня ведет? Сейчас затащит в самую глушь и отдаст на съедение своим лешим да упырям. И зачем я согласился с ним идти? Шел бы себе по тропинке». А Кинтохо, как будто прочитав его мысли, вдруг сказал:

— Не знаю, как в вашем мире, а у нас в лесу чем короче дорога, тем она непроходимее.

Филипп на это ничего не ответил, но про себя подумал: «Хранитель не зря предупреждал меня, что я должен пройти этот путь сам. Что за помощь придется платить. Этот Кинтохо просто заговаривает мне зубы. Сам же говорил: «Никому не верь», а я ему поверил. Эх, Петьки здесь нет! С ним было бы легче отбиваться. А если бы нас съели, вдвоем не так обидно. Может, пока не поздно, убежать? А если догонит, с одним я как-нибудь справлюсь. Да и переночевать можно на дереве».

В этот момент они выбрались на большую круглую поляну, и Кинтохо остановился.

— Ну вот и пришли,— сказал он и радостно подмигнул Филиппу.— Здесь я и живу. Нравится?

— М-м-м,— только и сумел ответить Филипп.

Поляна, где они оказались, была окружена сплошной стеной леса. В самой ее середине возвышался потемневший от времени

столб, на котором были вырезаны загадочные фигурки и значки. По краям там и сям виднелись большие кучи валежника, из-под некоторых в небо поднимались сизые струйки дыма. За свою жизнь Филипп прочел очень много сказок, но даже не представлял, что именно так будет выглядеть место, где обитает нечистая сила. Попади он сюда без своего провожатого, ни за что не догадался бы, что здесь кто-то живет.

— А это бревно для чего? — спросил Филипп и показал на столб.

— Сам ты бревно, — ответил Кинтохо. — На этом столбе вырезаны магические заклинания от всех напастей. Кто умеет их читать, тому ничего не страшно.

Они подошли к столбу, и Кинтохо с благоговением провел по нему пальцем.

— Я знаю только одно заклинание, — сказал он. — Вот это. Повторяю его каждый день, поэтому со мной не случается ничего плохого.

— Да, а сегодня чуть не утонул, — вспомнил Филипп.

— Чуть-чуть не считается, — ответил Кинтохо и отрешенно добавил: — Как раз сегодня я забыл его прочитать. «Меня победить нельзя», — словно во сне, шепотом проговорил он, и Филипп догадался, что это и есть магическое заклинание.

— А можно, я? — попросил Филипп.

Он потянулся было к магическому знаку на столбе, но Кинтохо вдруг словно очнулся. Он ударил Филиппа по руке и с досадой сказал:

— Тебе нельзя. Пойдем домой, а то я что-то разболтался.

— А где дом? — несколько не обидевшись, спросил Филипп. Он сообразил, что Кинтохо случайно проговорился и при нем произнес заклинание.

— Слепой, что ли? Вот он, перед тобой, — грубо ответил Кинтохо. Он показал на большую кучу хвороста и двинулся к одному из завалов. — Пойдем, маманя уже проснулась.

Последние отсветы зари погасли, и в лесу окончательно стемнело. И сразу, словно по команде, в противоположных сторонах заухали два филина. Их голоса прозвучали настолько зловеще, что у Филиппа сжалось сердце и он с тревогой подумал: «Как там мама с папой? А что, если я больше никогда не вернусь домой? Останусь здесь, как Кинтохо, одиночаю и сделаюсь, как он, нечистью. И почему я не попал в какую-нибудь добрую сказку, поближе к дому?»

Подменыш провел своего гостя к валежнику, и там меж корней старой лиственницы Филипп увидел вход в жилище кикиморы. Мальчишки спустились по ступенькам и попали в просторную землянку, которая мало походила на обычное жилье и больше напоминала пещеру первобытного человека. Посреди землянки стояли шаткий, перекошенный стол из связанных сучьев и несколько таких же корявых табуреток. Земляные стены причудливым узором покрывали корни деревьев. Кругом были развешаны пучки засохших трав и веники из рябины и бузины с большими кистями ярко-красных ягод. Потолок из трухлявых стволов и сучьев угрожающе нависал над головами, а по всем углам серебрилась паутина.

В противоположном углу на сухой подстилке из болотных трав сидела безобразная старуха с жидкими спутанными волосами. В ее маленьких злых глазках отражалось пламя светильника, и оттого казалось, что зрачки старухи горят желтым огнем. Одета кикимора была в такие же лохмотья, что и леший, которого они давеча встретили в лесу. В руке у нее было веретено, она пряла серую пряжу.

Одним глазом костлявая старуха продолжала следить за пряжей, а другим сурово посмотрела на вошедших.

— Кто это пожаловал? — рявкнула кикимора.

— Это мы, маманя, чтоб тебя расплющило, — ответил Кинтохо. — Нам бы пожрать и переночевать.

— Добрый вечер,— вежливо поздоровался Филипп и от страха даже шаркнул ногой.

— Ф-фу, что это он говорит? — возмущенно фыркнула кикимора и противным каркающим голосом обратилась к подмёнышу: — Ты кого привел, паразит? О каком это добром вечере он говорит? Грубиянов нам здесь только не хватало.

— К черту ее пошли, к черту. Она это жуть как любит,— прошептал Кинтохо на ухо гостю, но Филипп до того растерялся, что смог выдавить из себя только извинения.

— Простите, пожалуйста,— сказал он.— Я вот... Мы вот...

— Да что он такое бормочет? — отшвырнув в угол веретено, злобно проговорила кикимора.

— Разуй глаза, маманя,— попытался успокоить ее подмёныш.— Ты что, не видишь, он из того мира? Темный совсем, вот и грубит. погоди, я научу его нормально разговаривать.

— Разве я грублю? — ничего не понимая, испуганно спросил Филипп.— Я только сказал «простите, пожалуйста»...

— Вот-вот,— усмехнулся Кинтохо.— У нас за такие слова сразу в котел попадешь. Проще надо быть. Проще. Послал всех подальше — и тебе приятно, и нечисти не обидно.

— Ладно, я постараюсь,— неуверенно проговорил Филипп. Только теперь он догадался, что у нечистой силы все наоборот. Обыкновенная человеческая вежливость считалась здесь хамством, и если тебе хотелось показаться воспитанным и учтивым, надо было ругаться и грубить. «Почти как у нас в классе: вместо «здравствуй» — портфелем по голове».

— Садись.— Подмёныш хлопнул Филиппа по плечу и по-хозяйски повел его к столу, на котором лежало несколько немытых тарелок из бересты.

Когда ребята подошли ближе, из тарелок в разные стороны побежали жуки и тараканы. Большие зеленые мухи и лесные мошки с громким жужжанием поднялись в воздух и образовали над столом целое облако. Увидев это, Филипп поморщился и отпрянул от стола.

— Кыш! Кыш, проклятые! — замахал Кинтохо руками. — Дармоеды! Набежали. Маманя, надо бы мухоморов и бледных поганок на стол покрошить.

— А зачем крошить? — Кикимора ловко поймала сразу двух тараканов, сунула в рот и ласково проговорила: — Таракашечки вы мои, семечки мои шестилапые! Пушай бегают. Будет чем полакомиться. Вон они какие шустрые. Живые-то повкуснее.

«Какая гадость! — с отвращением подумал Филипп. — Я не буду здесь ничего есть. Лучше умру с голоду».

— Маманя, долго тебя еще ждать? — усаживаясь за стол, весело сказал подменыш и подмигнул Филиппу. — Жрать давай.

— Сейчас-сейчас, — кряхтя, ответила кикимора. Она запустила сухие скрюченные пальцы в свои грязные лохмотья и на глазах у изумленного Филиппа по очереди вытащила откуда три больших блюда из бересты — со свежими грибами, с лесными орехами и с ягодами. — Жрите, паразиты. — Она оценивающе взглянула на Филиппа и тихо пробормотала: — С орехами-то он вкуснее будет.

— Кто? — набивая рот земляникой, спросил Кинтохо.

— Мальчонка твой, — ответила хозяйка.

Филипп сидел и все никак не мог решиться попробовать земляники с орехами. Когда же он услышал слова кикиморы, то от страха едва не свалился с табуретки.

— Да ты не бойся, она шутит, — с набитым ртом произнес подменыш. — Я же говорил: у нас здесь весело.

— Ничего себе, весело, — опасливо поглядывая на хозяйку, ответил Филипп и на всякий случай подвинулся поближе к Кинтохо.

Очевидно, слух о появлении мальчика из другого мира распространился по лесу, и некоторые обитатели сказочной страны решили проверить, так ли это.

Филипп только-только поборол в себе брезгливость и потянулся за земляникой, но рука его так и зависла над блюдом.

В жилище кикиморы пожаловало целое семейство лесной нечисти. Огромный одноглазый леший с косматой седой бородой вошел первым и с порога закричал:

— Кикимора, старая колода, говорят, твой гаденыш приволок мальчишку? — Затем Леший понюхал воздух и с удовольствием произнес: — Человечком пахнет.

— Молоденький, — потирая сухие ручонки, подхватила лешачиха, которая спустилась в землянку вслед за лешим. — Давненько к нам в лес такие не заходили. — Лешачиха оказалась очень симпатичной старушенцией с удивительными небесно-голубыми глазами. Одета она была в такие же лохмотья и лапти, как и все обитатели сказочного леса. Зато ее голову украшал венок из свежих сосновых веток с молодыми зелеными шишками.

Последними в землянку с визгом вкатились три маленьких лешачонка.

Внешне они были очень похожи на обезьянок и вели себя несколько не лучше. Лешачата тут же устроили в жилище кикиморы такой тарарам, что главе семьи пришлось их утихомиривать. Леший влепил звонкую затрепину одному, вышвырнул из землянки второго, а третьего, самого младшего, сунул под мышку и уселся за стол.

— Что же это твой балбес приходит с добычей, а ты молчишь? — с укором обратился леший к кикиморе. — Хорошо, соседа встретил. Он мне и рассказал.

— С добычей, — недовольно пробурчала кикимора. — Кинтохо дружка себе привел, чтоб ему пусто было. Непутевый растет. Нет чтобы мамане гостинец притащить.

Слушая весь этот людоедский бред, Филипп не знал, что и думать. С одной стороны, подменыш обещал ему свое покровительство, а с другой — все эти сказочные страшилища говорили о нем, словно он уже лежал на блюде посреди стола, и его осталось только полить постным маслом и посыпать укропом. «Вот вяпался, — думал он. — Ничего себе, сказочная страна!

А где же добрые волшебники и разные феи? Хранитель говорил, что со злом надо бороться добром. Да как же с ними добром бороться? Они же не знают, что это такое. Сожрут меня здесь, и никакой Кинтохо не поможет!»

После того как вся семья леших расселась, Филипп заметил, что землянка как будто сделалась шире, а колченогий стол увеличился в размерах. «Ну вот тебе и волшебство, — с тоской подумал он. — Только лучше бы его не было. Оказывается, сказки лучше всего читать дома, в теплой постели».

— Ну, рассказывай, куда путь держишь? — поинтересовался леший у гостя из другого мира.

— А вы леший? — робко спросил Филипп.

— Да, мы леший, — ответил одноглазый бородач.

— Я к вам всего на одну минуточку, — пояснил Филипп. — Мне нужно добраться до Черного Камня.

— Да, есть такой Камень. Исполняет любые желания. — Леший поскреб бороду и, скосив глаза на Филиппа, спросил: — А у тебя есть какое-нибудь желание?

— Хочу вернуться домой, к родителям, — вздохнув, ответил Филипп. — Я попал сюда случайно. Нажал на какую-то железку.

— Ну, разве это желание, — крикнул от досады леший. — Ты бы еще у волшебного Камня попросил почесать тебе спину или попить воды. Вот если бы ты захотел сто двадцать мешков золота. Или стать правителем сказочной страны. А еще лучше — властителем всего мира, а может, и всех миров. Это было бы настоящее желание. А так чего зря к Камню ходить? Только ноги зря трепать.

— А почему вы не попросите у Камня, чтобы он сделал вас главным в вашей сказочной стране? — вдруг спросил Филипп.

— М-да. — Леший ненадолго растерялся, но потом все же ответил: — Если ты будешь задавать глупые вопросы, я тебя защекочу. (Считается, что леший может защекотать человека до смерти.)

— Ты ешь, ешь орешки-то,— вставила лешачиха.— С орешками ты...

— Цыц! — оборвал ее леший и с неохотой проговорил: — Всяк сверчок знай свой шесток. Мне и в леших не плохо живется.

В это время младший лешачонок обхватил косматую голову лешего обеими руками и изо всех сил вцепился зубами в его большое оттопыренное ухо.

— Ах ты злыдень! — завопил леший.

Он схватил лешачонка, оторвал от себя и швырнул в дальний угол. Лешачонок врезался в стену, взвыл от боли и пулей вылетел из землянки. Все, кроме Филиппа, зашлись диким хохотом, начали колотить руками по столу и дрыгать ногами. Они так исступленно веселились, что по углам дрожала паутина, а ее хозяева — пауки — попрятались меж корней деревьев.

А вскоре лешачонок вернулся в землянку со своими братьями, и втроем они принялись играть в какую-то очень шумную игру. Лешачата скакали по стенам и потолку, ныряли под стол и дергали всех за ноги. При этом они так пронзительно визжали, что у Филиппа и даже у Кинтохо заложило уши.

— Чтоб вас! — заорал на них подменыш. Он схватил со стола пустую берестяную тарелку и метнул вслед лешачонку. Это снова вызвало взрыв смеха.

«Ну и порядочки у них! — поразился Филипп,— Ну и развлечения! И Кинтохо точно такой же, как они. Правильно говорят: «С кем поведешься, того и наберешься».

Когда все отсмеялись, леший вдруг треснул кулаком по столу и гаркнул:

— Кикимора, чего тянешь, старая кочерга! Угощение давай! А то сидим как ненормальные, разговоры говорим.

Хозяйка немного покряхтела, но деваться было некуда. Она снова запустила пальцы в лохмотья и, словно фокусник, выудила оттуда три большие берестяные миски. Затем, подумав,

достала бутыл с мутной болотной водой, на поверхности которой плавала яска.

Филипп взглянул на угощение и не поверил своим глазам. Чтобы получше рассмотреть содержимое мисок, он подвинулся ближе и обомлел.

— А... это что? — с ужасом спросил он у Кинтохо.

— Ох, какие мы нежные! — язвительно произнесла кикимора. — Тьфу на тебя.

— Это то, что они лопают, — пояснил подменьш и начал перечислять блюда: — Вот это дождевые черви печёные. Это пиявки мочёные. А вот это, — Кинтохо показал на блюдо, в которое леший уже запустил толстые пальцы, — это самое лакомое. Это змеиные языки в ядовитом соусе. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо. — Филипп испуганно отпрянул от стола, и подменьш рассмеялся. Видно было, что ему доставляет удовольствие пугать гостя.

— Опять он со своими спасибами, — проворчала кикимора. — Нет, чтобы к черту послать, невежа.

— Ничего-ничего, нам больше достанется, — уплетая змеиные языки, проговорил леший.

— Мы лучше ягоды с орехами, — сказал Кинтохо и подмигнул Филиппу.

— А почему нет музыки? — вытирая руки о лохмотья, спросил леший.

— Кикимора, ты что, оглохла? Музыку давай.

Услышав, что здесь есть какая-то музыка, Филипп очень удивился.

Он начал озираться, но ничего похожего на радиоприемник или музыкальные инструменты не увидел. А тем временем кикимора сняла с полки причудливо изогнутый корешок, плюнула на него, шепотом проговорила заклинание, и корешок превратился в живую ворону. Затем кикимора посадила птицу на жердочку и приказала:

— Пой.

Ворона «запела». Она каркала так громко, что в ночном лесу проснулись и испуганно заголосили птицы, а в землянке посыпалась земля с потолка.

Визг лешачат и карканье вороны доконали Филиппа, и он решил выбраться на свежий воздух: тихо поднялся из-за стола и направился к выходу. В это время леший начал рассказывать историю об упыре из соседнего леса. Чтобы его слышали, лешему приходилось орать, и это никого не смущало. Рассказ об упыре был страшен, но все почему-то хохотали.

Поначалу никто не обратил на Филиппа внимания, а когда он дошел до выхода, в землянке вдруг воцарилась мертвая тишина. После такого гвалта наступившее безмолвие пугало Филиппа, и он резко обернулся.

— Ты куда это собрался? — подбоченившись, спросила кикимора.

— На улицу, — ответил Филипп и виновато добавил: — На минутку: мне надо.

Все замерли в ожидании, что скажет хозяйка, но вместо нее ответил подменыш:

— Иди-иди. Только не уходи далеко, а то заблудишься.

В сказочном лесу было тихо и безветренно. Свежий ночной воздух на вкус был одновременно и сладковатым, и терпким. Огромная полная луна освещала поляну холодным серебристым светом. Благодаря этому деревья, трава и столб с магическими письменами стояли, словно посыпанные волшебной пудрой. Казалось, что они сами источают лунный свет.

Несмотря на усталость, Филипп был так поражен красотой ночного леса, что решил немедленно позвать Кинтохо, предложить ему погулять вместе. Он подошел к земляной норе кикиморы, нагнулся и вдруг услышал голос подменыша:

— Да куда он денется?

— Правильно, — гнусаво подтвердила кикимора. — Человек отсюда не выберется. Ночь — наше время.

«И правда, — еще ничего не подозревая, подумал Филипп. — Я здесь как в ловушке. Хорошо, что я встретил Кинтохо. Одного бы меня давно сожрали».

Филипп хотел было спуститься в землянку, но тут услышал нечто такое, от чего волосы у него на голове встали дыбом.

— Скорей бы полночь, — тихо проскрипел леший. — Кикимора, чтоб ты сдохла, а ведь мальчишка в твой котел не поместится.

— Сходи за своим.

После этих слов ноги у Филиппа подкосились, и он кубарем скатился в землянку. Затем с криком вскочил и, не помня себя от ужаса, бросился на улицу.

— Он подслушивал! — взвизгнула лешачиха.

— Лови его! — заорал леший, и все повскакали со своих мест.

Филиппа спасло только то, что у землянки был узкий выход. Толкая друг друга, нечисть полезла наверх, и образовалась свалка. За столом остался только подменьш. Он смотрел, как семья леших с кикиморой карабкаются друг по дружке, и от души хохотал.

Выскочив из землянки, Филипп бросился в лес, но затем сообразил, что в непроходимой чаще нечисть нагонит его очень быстро. Тогда он повернул к столбу, добежал до него и, задыхаясь от страха, стал отыскивать тот единственный магический символ, который показал ему Кинтохо. При рассеянном лунном свете очертания предметов немного исказились, сердце у Филиппа бешено колотилось, и он не сразу обнаружил нужный знак. А его преследователи уже выбрались наверх и с дикими воплями кинулись к нему. Им оставалось пробежать всего несколько метров, когда Филипп наконец отыскал магический символ. Он немедленно провел по нему пальцем и выкрикнул:

— Меня победить нельзя!

На всякий случай Филипп повторил заклинание еще два раза и только после этого обернулся. Лешие и кикимора замерли

в трех шагах от него. Они тянули к Филиппу руки, клацали от злости зубами, но ничего не могли сделать.

Внезапно откуда-то подул свежий ветер. Он быстро набирал силу и очень скоро превратился в настоящий ураган. Филипп крепче вцепился в столб, а ветер подхватил кикимору и леших и поднял на воздух. Вихрь закружил их вокруг магического столба, нес все быстрее и быстрее, Филипп едва успевал вертеть головой, и вскоре он мог разглядеть лишь грязные развевающиеся лохмотья. Кикимора с лешими таяли на глазах, пока не исчезли вовсе.

Едва это произошло, как ураганный ветер разом утомился, и на лесной поляне снова воцарились тишина и покой.

Когда опасность миновала, Филипп даже не успел почувствовать облегчение. За день он столько прошел и пережил, что усталость валила его с ног, а непреодолимое желание поспать смежило ему веки. Расцепив руки, Филипп мешком повалился на землю и моментально уснул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Филипп проснулся и не сразу понял, где находится: потолок его спальни куда-то исчез, над ним раскинулось чистое голубое небо. Протерев глаза, он приподнял голову и увидел, что лежит не у себя в комнате, а на большой живописной поляне, окруженной сплошной стеной темного до синевы леса. Солнце только-только поднялось над деревьями, в листве беззаботно щебетали птицы, и все здесь дышало покоем и благодатью.

Постепенно Филипп вспомнил все, что с ним произошло накануне. Он быстро поднялся на ноги и огляделся, но не обнаружил ни столба с магическими письменами, ни завалов валежника, ни «гостеприимных» хозяев сказочного леса.

Решив продолжать путь, Филипп не сразу осмелился войти в лесную чащу. Покидать освещенную солнцем поляну

было страшновато. Но затем он припомнил, как в последний момент прочитал заклинание: «Меня победить нельзя», — и вслух твердо произнес:

— Надо идти.

Филипп нашел в кустах едва заметную тропку и отправился дальше. Непроходимые заросли кустарника вскоре сменились обыкновенным смешанным лесом. Идти стало намного легче, но Филипп не торопился. Он внимательно всматривался в лесную чащу и все время ожидал, что на тропинке появится кто-нибудь из его вчерашних преследователей.

Высоко над землей кроны деревьев переплетались между собой и образовывали естественный зеленый свод, сквозь который едва-едва тонкими лучиками пробивалось солнце. Изредка путь ему преграждали поваленные стволы деревьев, и приходилось перелезать через них, делая это крайне осторожно.

Филипп снова отыскал себе увесистую палку. На этот раз больше для защиты от нечисти. Он обломал ее под свой рост и попробовал в деле: изо всей силы треснул по дереву и остался доволен — палка выдержала испытание.

Много раз Филиппу казалось, что за ним кто-то идет. Иногда он замечал, как по траве пробегала волна, словно дороге ему перебежал кто-то невидимый.

От прежней беспечности не осталось и следа. Филипп больше не воевал с крапивой и лопухами, зорко смотрел по сторонам. Он думал о предательстве Кинтохо. «А я его еще спас, — возмущался Филипп. — Встретить бы его и дать по физиономии. А еще человек называется. Правильно говорил папа: если человеку сто раз сказать, что он свинья, на сто первый он хрюкнет. Вот так и с Кинтохо. Ему все время внушали, что он нечисть, он и стал ею».

В каждом трухлявом пеньке Филипп видел лешего, в каждой изогнутой коряге — кикимору. Он старательно обходил стороной темные, густые ельники и шарахался от непроходимых зарослей бузины. Резкие крики ворон напоминали ему

Филипп добрался до воды и протянул утопающему свой посох. Мальчишка судорожно вцепился в палку и уже через минуту выбрался из черной болотной жижи.

Филипп покрепче вцепился в столб, а ветер подхватил кикимору и леших и поднял на воздух. Вихрь закружил их вокруг магического столба, нес все быстрее и быстрее.

о ночном кошмаре, и каждый раз от страха сердце у Филиппа падало куда-то вниз. Поэтому он торопился, чтобы до темноты уйти подальше.

Филипп помнил, что его выручило заклинание. А со слов Кинтохо выходило, что магическая защита действовала всего одни сутки. Это означало, что следующую ночь ему придется защищаться самому. Поэтому Филипп боялся даже думать о ночлеге и все надеялся, что лес вот-вот расступится, и он выйдет хоть к какому-нибудь жилью или, на худой конец, в поле. Но лес не кончался, а тропинка не становилась ни уже, ни шире.

Когда перевалило за полдень и солнце начало клониться к западу, Филипп остановился передохнуть на берегу лесного озера. Вокруг заросшего камышом водоема оказалось много земляники, и Филипп принялся ее собирать. Хорошенько подкрепившись, он расположился у самой воды на чистом теплом песке. Филипп начал уже засыпать, когда почувствовал, как кто-то легонько коснулся его руки. Вскрикнув, он отдернул руку и вскочил на ноги, но успел заметить только большой рыбий хвост, который мгновенно исчез в воде.

«Русалка», — догадался Филипп. Он не знал, стоит ли ему бояться этих полуженщин-полурыб и на всякий случай отошел от берега.

Через несколько секунд из воды показалась голова очень красивой юной девушки. Она с любопытством разглядывала гостя из другого мира и медленно подплыла к берегу. У русалки были ярко-зеленые волосы, которые дивным шлейфом тянулись за ней по воде, такие же зеленые глаза и абсолютно белая кожа.

— Добрый день, — не зная, как себя вести, поздоровался Филипп.

— Что ты здесь делаешь? — чистым, звенящим голосом спросила русалка.

Говорить правду после того, что с ним произошло ночью, Филиппу не хотелось, и он ответил:

— Гуляю, ягоды собираю.

— Не ври,— сказала русалка.— В этом лесу люди из вашего мира не гуляют. Ты идешь к Черному Камню.

— Ну иду,— ответил Филипп.— Что в этом плохого?

— Ничего,— пожалала узкими плечиками озерная красавица.— Просто ты не дойдешь до него.

— Почему? — забеспокоился Филипп. Он уже представил, что у него за спиной стоит какое-нибудь сказочное чудовище с разинутой пастью и вот-вот его проглотит. Филипп быстро обернулся, но там никого не оказалось.

— Потому что не умеешь врать,— рассмеялась русалка.— А здесь без этого никак нельзя. Садись ко мне поближе, я научу тебя морочить головы. Это целая наука.

— Нет, спасибо,— ответил Филипп и отступил от воды еще на два шага.— Сегодня ночью кикимора с лешим уже дали мне урок. Еле живым остался.

— Эти дураки ничему хорошему научить не могут,— сказала русалка и сладким голосом добавила: — А искупаться хочешь? Водичка такая мягкая, теплая.— Она тряхнула зелеными волосами, ударила хвостом по воде и обдала Филиппа брызгами.— Пойдем, поплаваем. Я научу тебя нырять за беззубками и дразнить раков.

— Спасибо, не хочу,— упрямо ответил Филипп.— Утонуть я всегда успею.

— Какой ты несговорчивый,— проговорила русалка и принялась расчесывать свои зеленые волосы.

— Я вчера был сговорчивым,— сказал Филипп.— А сегодня что-то не хочется.

— А в вашем мире реки и озера есть? — неожиданно переменяла тему русалка.

— Очень много,— ответил Филипп.— Моря есть, океаны, водопады и ручьи. Воды у нас хоть отбавляй.

— А русалки в них живут?

— Нет,— покачал головой Филипп.— Там водятся только рыбы и разные животные.

— Рыбы глупые, с ними не интересно, — фыркнула озерная дева. — Наверное, люди переловили всех русалок?

— Нет, русалки у нас водятся только в сказках, — ответил Филипп.

— Ничего ты не понимаешь, — наставительно сказала русалка. — Они не водятся только в сказках, а остались только в сказках.

— Не знаю. Наверное, они сами вымерли, как динозавры. Это такие огромные животные, похожие на драконов.

— Так у вас и драконов не осталось? — изумилась русалка. — Как же вы так живете? Одни люди да рыбы. Тоска смертная.

Филипп взглянул на закатное солнце и заторопился:

— Я пойду. Мне надо еще найти место для ночевки. А то у вас здесь столько всяких живоглотов! Того и гляди, в котел попадешь.

— Хочешь, я спрячу тебя на ночь в озере? — предложила русалка.

— Нет-нет, — испуганно отказался Филипп. — На дно озера я всегда успею.

— Какой ты скучный, — вздохнула речная красавица и разочарованно добавила: — Я поплыла. С тобой только время терять. — Она оттолкнулась руками от берега, ударила хвостом по воде и быстро скрылась из виду.

— Время! — спохватился Филипп. — Я потерял столько времени. — Он выбрался на тропинку и поспешил дальше.

«Скучный! — быстро удаляясь от озера, с обидой вспомнил Филипп. — Будешь здесь скучным, если каждый норовит тебя или съесть, или утопить. Эх, Петьки нет, — снова пожалел он. — И Сашки Боброва. Он все-таки занимается самбо. Втроем мы бы дали им. А если у каждого было бы по сабле... или по настоящему мечу. А еще лучше по пистолету... и по автомату. Вот здорово, мы бы приехали сюда на танке. Можно даже на трех танках. А наверху пулеметы и... и»...

Филипп задумался, какое еще оружие можно разместить на танковой броне, но не успел. Впереди, слева от тропинки, послышался слабый крик, и Филипп замер на месте.

— Опять кто-то кричит, — тихо проговорил он. — Вот взяли привычку тонуть по вечерам. Сейчас спасешь какого-нибудь ненормального, а он из тебя потом сварит суп с грибами.

— Помогите! — снова услышал Филипп и, больше не раздумывая, бросился в лес.

Долго разыскивал место, откуда доносились крики о помощи. Он искал болото или озеро, но лес вокруг стоял сухой, не было видно ни одного водоема или даже лужи. Зато грибов было столько, что Филипп постоянно поскользывался на моховиках с подосиновиками и от досады пинал яркие мухоморы.

Наконец закричали где-то совсем рядом. Филипп нырнул под большую раскидистую ель и выскочил с другой стороны. Он едва успел остановиться перед глубокой охотничьей ямой, по бокам которой еще сохранился настил из еловых веток.

— Кто здесь? — громко позвал Филипп.

— Я! Это я! — услышал он знакомый голос и склонился над ловушкой.

Каково же было его удивление, когда на дне ямы он увидел своего вчерашнего спутника — Кинтохо. Маленький лесной пройдоха сидел на дне и невинными глазами смотрел на Филиппа.

— Привет, Филя! — радостно поздоровался подменьш.

— Это опять ты? — буркнул Филипп. Встреча была столь неожиданной, что поначалу он растерялся. Не знал, радоваться ли ему, что коварный проводник снова попал в переплет. А Кинтохо, казалось, не чувствовал за собой никакой вины.

— Как хорошо, что ты появился! — сказал он и рассмеялся. — Помогите мне выбраться. Полдня здесь сижу. Пить хочется, просто умираю. И кто это выкопал в лесу яму?

— Я не буду тебя вытаскивать,— подумав, ответил Филипп.

— Почему? — искренне удивился подменыш.

— По кочану! — взорвался Филипп.— Предатель! Вчера ты чуть не скормил меня своим людоедским родственничкам, а сегодня хочешь, чтобы я тебя опять спасал! Ну ты даешь!

— Я тебя не предавал,— спокойно ответил Кинтохо.— Да если бы я хотел, я бы давно подстрелил тебя из лука. Знаешь, как я стреляю? Ого-го! Или заманил бы тебя вот в такую яму. Это кикимора с лешим заставили меня. Леший мне прямо так и сказал: или мы съедим его, или тебя. Ну я и выбрал тебя. Ты уйдешь в свой мир или не уйдешь, а мне здесь еще жить.

— Не ври! — закричал Филипп.— Ты подлый врун!

— По-вашему, я, может быть, и подлый,— все же согласился подменыш.— Но по законам нечистой силы я спас себе жизнь.

— А мою чуть не угробил,— нервно постукивая палкой по краю ямы, проговорил Филипп.

— Не стучи по земле, ты запорошил мне пылью глаза,— попросил Кинтохо.

— Терпи, предатель,— сурово произнес Филипп, но пылить все же перестал.

— А ты на моем месте как бы поступил? — неожиданно спросил подменыш.— Ты хочешь сказать, что пожертвовал бы своей жизнью ради моей?

— Я? Я...— начал Филипп и понял, что не может ответить на этот сложный вопрос.— Не знаю,— наконец честно признался он.— Во всяком случае, я не бросил бы тебя одного. Я рассказал бы тебе об опасности и не повел в гости к этим... к этим обормотам. В общем, я не буду тебя спасать. Иди ты знаешь куда! Выбирайся сам!

Филипп не очень уверенно отошел от края ямы, а Кинтохо вслед ему заорал:

— Пстой! Не вздумай уходить! Ты должен меня спасти!

— Я должен?! — вернувшись, возмущенно спросил Филипп. — Почему это я должен?

— Потому что ты хороший, — со своей неизменной лукавой улыбкой ответил подменыш.

— Нет! — печально усмехнулся Филипп. — Ты меня еще не знаешь, я очень даже плохой, никудышный.

— Значит, ты такой же, как я? — вдруг обрадовался Кинтохо.

Этот каверзный вопрос застал Филиппа врасплох. Ему очень не хотелось выглядеть коварным предателем даже в глазах подменыша. Не хотелось и хитрить, но он все же ответил:

— Да, я такой же, как и ты. А почему это тебе можно быть плохим, а мне нельзя?

— Тогда какого лешего ты меня ругаешь? Ты ведь такой же плохой! — вскричал Кинтохо. — Хорошенькие дела: один поганец упрекает другого в том, что тот поганец.

Эти слова озадачили Филиппа. Он уже немного поостыл, выпустил пар и засомневался, правильно ли будет оставить подменыша в яме? «А вдруг здесь поблизости никто не живет? — подумал он. — Уйду, а он умрет от голода и жажды. Хоть он и предатель, а все-таки живой человек».

— А как ты оказался впереди меня? — поинтересовался Филипп. — Ты всю дорогу бежал за мной?

— Нет, я живу в этом лесу и знаю его как свои пять пальцев, — ответил Кинтохо. — То, что ты прошел за целый день, я по короткой дороге пробежал за какие-нибудь полчаса. Поэтому я тебе и нужен. Без проводника ты сгинешь.

— Не сгину. Ладно, держи, — наконец решился Филипп и опустил в яму свой посох. — Хватайся, я тебя вытащу.

Через минуту подменыш оказался на свободе. Он поднялся на ноги, положил руку Филиппу на плечо и насмешливо сказал:

— Я же говорил, что ты добрый. А ты не верил. Ну, теперь я точно доведу тебя до Черного Камня.

— Не надо, сам дойду,— стряхнув руку с плеча, отказался Филипп.

— Сам ты ни за что не дойдешь, ты добрый,— проговорил Кинтохо.— Может, я и плохой, но добро помнить умею.

— Это я уже вчера понял,— ответил Филипп. Он посмотрел на быстро темнеющее небо, тихонько свистнул и отправился искать свою тропинку.

— Вчера не считается,— последовав за ним, сказал подменыш.— Ты два раза спас меня от смерти. Теперь я твой должник на всю жизнь. До Черного Камня еще далеко. Скоро наш лес закончится, а за его границей живет совсем другая нечистая сила. Ты ее не знаешь и без меня, как пить дать, пропадешь. А я тебя никому в обиду не дам.

Филипп выбрался на тропинку и, не оборачиваясь, заспешил дальше. Кинтохо не отставал от него ни на шаг. Он не переставая болтал о том, как попал в охотничью яму, а Филипп с тревогой думал: «И куда я иду, на ночь глядя? Может, хорошо, что я снова встретил этого дикаря? Во второй раз он уж точно не станет предавать. Что поделаться, если он такой? А со мной, с цивилизованным человеком, побудет несколько дней и исправится. Мама часто говорит, если человеку все время твердить, что он хороший, он привыкнет к этой мысли и будет стараться стать лучше. Посмотрим-посмотрим».

— Филя, ты меня слушаешь? — спросил подменыш.— Знаешь, как нужно вести себя с нечистью? Они же все злые и понимают только силу. Поэтому с ними надо по-простому. Чуть что, как дал палкой по башке, они тут же шелковыми становятся.

— Мне хранитель сказочной страны объяснил, что со злом можно бороться только добром,— ответил Филипп.

— Ха-ха, добром! Этот старый болтун ничего не понимает,— махнул рукой Кинтохо.— Со злом нужно только так: р-раз, два, три! — Подменыш поднял ветку и принялся рубить ею воздух. Затем он вспомнил, что Филипп два раза его спас

и поправился: — Нет, можно, конечно, и добром, но вначале все равно надо дать по башке. Так надежнее.

— Тогда почему ты не дал им по башке, когда они собирались меня съесть? — съязвил Филипп.

Вопрос застал подменыша врасплох. Он запыхтел, промычал что-то невразумительное и только после большой паузы смущенно ответил:

— Они же мне родственники. Ты же своих родителей не бьешь дубиной по головам.

— Никакие они тебе не родственники, — раздраженно сказал Филипп. — Ты человек, а они — нечисть. Сам рассказывал, что лешачиха украла тебя, а потом проиграла в карты кикиморе. Ничего себе родственнички! В следующий раз они тебя продадут за три ореха или слопают, как гриб какой-нибудь.

— Все равно, — тяжело вздохнул Кинтохо и чуть погодя добавил: — Родителей не выбирают.

— Надо идти, — после некоторой паузы обеспокоенно проговорил Филипп. — Скоро совсем стемнеет. Пора устраиваться на ночлег.

— Точно. — Подменыш обрадовался тому, что его спутник сменил тему. — Сейчас я тебя познакомлю с одним старым симпатичным упырем. У него и переночуем.

— Нет-нет! — испугался Филипп. — Хватит с меня твоих людоедов! Лучше я заберусь на дерево. Неужели у вас в лесу нет каких-нибудь безобидных гномиков или эльфов?

— Перейдем через границу, познакомишься с гномиками, — насмешливо ответил Кинтохо. — Узнаешь, какие они безобидные. Да ты не бойся, он нормальный упырь. Ему уже, наверное, лет тысячу, а то и больше. Он и сам не помнит, когда родился. Память совсем никудышная. Даже если он вначале захочет выпить из тебя кровь, то сразу позабудет об этом.

— А если не позабудет?! — возмущенно воскликнул Филипп.

— Разве ты не помнишь, что почти до двенадцати ночи

ты защищен магическим заклинанием? — ответил подменыш. — Так что до полуночи тебя никто не тронет.

— А потом?

— А потом суп с котом, — рассмеялся Кинтохо. — А на дереве тебе все равно не дадут переночевать. Ровно в полночь по лесу как начнут летать стаи анчутков, нетопыри и ведьмы. Не успеешь скатиться с дерева. Влет сожрут.

Жуткий рассказ о ведьмах и нетопырях напугал Филиппа. Он еще сомневался в искренности подменыша, но делать было нечего, и он согласился отправиться ночевать к упырю.

— Только, пожалуйста, запомни, что ты хороший, — еще раз вспомнив мамины слова, с надеждой проговорил он. — Ты очень хороший парень и самый настоящий человек.

— Нет, я нечисть, — сверкнув глазами, ответил Кинтохо. Затем он заглянул своему спутнику в лицо и добавил: — Успокойся, больше в этом лесу у меня родственников нет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Фиолетовые вечерние сумерки сменились тьмой. Невероятно быстро сказочный лес погрузился в непроницаемый чернильный мрак, словно на землю кто-то набросил черное покрывало. Затем над лесом взошла луна и посеребрила верхушки деревьев. Но внизу, в чаще, оставалось все так же темно, и Филипп шел за Кинтохо почти на ощупь. Зато его провожатый уверенно пробирался вперед и все время направлял Филиппа. Похоже было, что за годы, проведенные в лесу, подменыш научился видеть в темноте.

Наконец Кинтохо остановился, подождал своего спутника и заставил его пригнуться. Он потащил Филиппа куда-то вниз по наклонному спуску. Через пару шагов Филипп увидел впереди оранжевый свет, и они вошли в мрачную земляную пещеру с большим каменным столом посередине. На нем стоял

масляный светильник, и при появлении мальчишек слабый язычок пламени затрепетал и едва не погас.

Землянка мало чем отличалась от жилища кикиморы. На столе как попало валялись грязные берестяные блюда и высохшие остатки завтрака или обеда. По объедкам ползали тараканы и мокрицы, а над всем этим безобразием висела жужжащая туча мух. Вместо стульев вокруг каменной плиты стояли березовые чурбачки. Воздух в землянке был тяжелым и спертым. Пахло тленом и сыростью. Филипп невольно зажал нос пальцами и тихо прошептал:

— Ничего себе комнатка! А на чем я буду спать?

— Это не комната, а склеп могильный, — спокойно пояснил подменыш. — Спать ты будешь на полу. Выбирай любой угол. Жестковато, зато здесь тебя никто не тронет.

— А где хозяин? — всматриваясь в темные углы, спросил Филипп.

— Спит еще, — ответил Кинтохо. Он постучал кулаком по каменному столу и громко позвал: — Дядюшка упырь, принимай гостей! Хватит дрыхнуть. Луна уже взошла.

Верхняя плита стола поползла вбок, и тут Филипп с ужасом понял, что это не стол, а каменный гроб, в котором кто-то лежал. Филипп с трудом заставил себя остаться на месте и со страхом дожидался, когда появится хозяин дома.

— М-может, лучше ведьмы и в-вурдалаки? — заикаясь, проговорил он. — С-сам говорил, п-палкой по башке и п-порядок. От-тобьемся.

— Не бойся, — ответил подменыш и весело подмигнул Филиппу.

Наконец крышка отодвинулась. Кошмарный хозяин склепа медленно сел в гробу. Он был одет в старинный камзол и сорочку с потемневшим от времени и грязи жабо. Мертвенно бледный, глаза, обведенные черными кругами, были неподвижны и абсолютно ничего не выражали.

— Д-да, симп-патичный, — едва выговорил Филипп.

— Я же говорил, — усаживаясь на чурбак, сказал Кинтохо. — Ты бы видел других. Оборванцы. А у дядюшки есть даже платок для носа. Только я не понял, что с ним делают. Ты не знаешь, для чего носу нужен платок?

— З-знаю, — ответил Филипп. Дрожащей рукой он достал из кармана носовой платок и пояснил: — Чтобы сморкаться.

— Сморкаться в платок?! — удивился подменыш. — Интересно. Может, вы и плюете в тряпочку?

А тем временем упырь выбрался из каменного узилища, задвинул крышку и бесцеремонно уставился на гостя немигающими глазами. От его жуткого взгляда Филипп на время потерял дар речи и зажмурился, но сразу же открыл глаза. Оставаться в темноте рядом с таким соседом было еще страшнее.

— Привет, дядюшка упырь, — поздоровался Кинтохо и развязно добавил: — Ну и рожа у тебя. Сколько лет тебя знаю, а до сих пор привыкнуть не могу.

— Куда это ты продукты тащишь? — еле шевеля языком, спросил упырь и кивнул в сторону Филиппа.

— К Черному Камню, — ответил подменыш.

— Непутевый ты, — укоризненно покачал головой «дядя». — Все еду в дом несут, а ты из дома.

— Да ты на него не облизывайся, он пока еще не котлета, — сказал Кинтохо. — Это мой друг. Ему негде переночевать.

— Вот и хорошо, у меня и переночуете, — зловеще проговорил упырь, потирая руки.

От такого гостеприимства Филиппу захотелось выскочить на улицу, но ноги словно приросли к полу.

— Ты не обращай на него внимания, — сказал подменыш. — Он только с виду страшный. Таких добряков в нашем лесу еще поискать надо. В прошлом году к нему заполз ежик. Так он его даже не съел.

— Колючий очень, — проворчал упырь.

— Устраивайся, — по-хозяйски предложил Кинтохо. — У нас здесь просто. Захотел — лег, захотел — сел...

— Захотел — съел, — закончил за него дядюшка и громко расхохотался собственной шутке.

«Этот похуже лешего с кикиморой, — с тоской подумал Филипп. — Ему и котел не понадобится. Вон как смотрит на меня, будто я шоколадное пирожное со взбитыми сливками. И почему я такой невезучий? Петька, наверное, уже лег спать или смотрит телевизор. А мне еще нужно суметь дожить до утра. И кто это таких сказок напридумывал? Надавать бы ему по шее».

Когда все расселись, упырь положил свои страшные руки на стол и глухим голосом спросил:

— Так как, говоришь, тебя зовут, бифштекс или антрэ-кот?

— Я не бифштекс и не антрекот, — отодвигаясь поближе к подмыву, ответил Филипп. — Меня зовут Филя.

— О! — уважительно воскликнул хозяин дома. — У тебя очень приятное имя. Я люблю филе.

— Не филе, а Филя! — с отчаянием в голосе произнес Филипп. Он по очереди смотрел то на упыря, то на Кинтохо и все ждал, что его приятель вступится за него: попросит хотя бы не пугать гостя из другого мира. Но подмыв увлекся игрой. Он азартно гонял сосновой иглой нерасторопную мокрицу и не обращал ни на Филиппа, ни на упыря никакого внимания.

— Что филе, что Филя, одно и то же, — настойчиво продолжал упырь. Он громким шепотом мечтательно произнес: — Значит, в тебе совсем нет костей. Это хорошо.

— Да идите вы все к черту! — не выдержал Филипп и вскочил на ноги. — Не буду я ночевать в этой могиле! Лучше всю ночь отбиваться от ведьм, чем слушать про то, какой я вкусный!

— Молчу-молчу-молчу, — спохватился упырь и отвел взгляд от гостя. — Три дня пребывал в гробу, проголодался. Забыл, как тебя зовут. Фарш, что ли?

— Филя, — ответил за него Кинтохо.

— Садись, Филя. Давненько я с живыми людьми не разговаривал. — Упырь расправил смятое жабо, провел рукой

по сваявшимся волосам и спросил: — Ты, наверное, тоже хочешь есть?

— Нет! — испуганно ответил Филипп. Он только представил, что здесь могут предложить на ужин, и ему едва не сделалось плохо. — Честное слово, ничего не хочется.

— А я бы пожрал, — сказал подменыш. — Почти весь день просидел в яме и не успел поесть. Сейчас бы орешков с сушеными грибами.

— Будут тебе орешки, — пообещал упырь и зычно позвал: — Эй!.. М-м... забыл, кого хотел позвать.

— Наверное, лесовика? — подсказал Кинтохо.

— Точно, — ответил упырь. — Эй, лесовик!.. Фу, запомнил, что хотел ему сказать.

— Чтобы принес орехов и сушеных грибочков, — снова отозвался подменыш.

— Верно, — согласился мертвец и тут же позабыл о своем обещании накормить Кинтохо. — Значит, ты из того мира? — снова обратился он к Филиппу.

— Из того. — Филипп махнул рукой и осторожно добавил: — Между прочим, в нашем мире гостей не едят.

— И правильно делают, — согласно кивнул упырь. — Гости надо холить и лелеять. Вот я страшно люблю гостей. Жаль только, они редко ко мне забредают. Потому и приходится по три дня лежать в гробу голодным.

— Дядюшка упырь хотел сказать, что ему скучно есть одному, — пояснил подменыш, но Филипп почему-то не поверил ему. Было в лукавом взгляде пройдохи что-то такое, отчего Филипп снова заподозрил своего провожатого в предательстве.

Время летело быстро, и уже скоро должна была наступить полночь. С ее приближением Филиппу становилось все тревожнее, и он подумывал о побеге.

— Сам-то я лет пятьсот или восемьсот не хожу в гости. Да и ходить здесь не к кому. Одни воры и грубияны.

А ведь я когда-то принадлежал к знатному княжескому роду, ездил в золоченой карете, ел и пил из золотой посуды.

— Дядюшка упырь, ты обещал нас накормить,— напомнил ему Кинтохо.

— Ах, да,— всплеснул руками хозяин дома и заорал в проход: — Эй, лесовик, чтоб ты сдох! Принеси-ка чего-нибудь поесть. У меня гости. Забыл, как тебя зовут? — обратился он к Филиппу.

— Филя его зовут, Филя,— ответил подменыш.

— Ну так вот, Филя,— продолжал мертвец.— Значит, отец у меня был пастухом, а мама прачкой. Ну а я, стало быть, подался в пираты.

Филипп удивленно посмотрел на Кинтохо, и тот тихо сказал ему:

— Я же говорил, он ничего не помнит. То он князь, то художник, а теперь пират.

— И вот плывем мы как-то на своем легендарном фрегате по морю.— Рассказчик зажмурился и даже причмокнул от удовольствия.— А навстречу нам целая эскадра иноземных кораблей. На каждом паруснике по двадцать шесть пушек, к каждой пушке по бочке пороху и по десять чугунных ядер положено...

Тут в землянку вкатился лесовик — маленький, заросший шерстью по самые глаза старикашечка. Он очень ловко выхватил из большой плетеной торбы две вместительные миски с лесным угощением, метнул их на стол и мгновенно растворился в воздухе. Мертвец лишь недовольно крикнул, попытался вспомнить, на чем он остановился, а затем снова начал рассказывать:

— Так вот, едем мы, значит, по полю, а навстречу неприятельское войско: десять тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехотинцев. И все в железных доспехах, даже кони и верблюды. Доспехи надраены до блеска, солнце отражается в них, как в зеркале. Смотреть больно, не то что сражаться. Тогда крикнул я своим верным воинам: «Ну что, братья мои,

разобьем войско поганого захватчика?» А они мне: «Чего же не разбить?»...

— Дядюшка упырь, кликни моховика, попроси черники с клюквой, — принимаясь за еду, снова перебил его подменыш.

— Дорасскажу, потом попрошу, — раздраженно ответил упырь и продолжил свою историю таким образом: — Три дня я с этим драконом бился. Голов ему поотрубал столько, что уже ступить некуда.

— По-моему, у него в голове такая каша, — наклонившись к Кинтохо, прошептал Филипп.

— Нормальная каша, — ответил подменыш. — Если ему не мешать, он может рассказать очень много интересных сказок. Но я их все уже слышал.

Неожиданно в землянку спустился еще один упырь. Он выглядел не лучше хозяина, но его жуткий вид не так напугал Филиппа. Пришедший молча занял место за столом и уставился голодными глазами на Филиппа.

Вслед за первым в склеп вошли еще три упыря, и Филипп невольно сжался от нехорошего предчувствия. Не перебивая хозяина, гости рассаживались вокруг стола, клали руки на каменную плиту и застывали, словно кошмарные изваяния.

— Чего это они? — дрожащим голосом прошептал Филипп.

— Сказку пришли послушать, — пряча глаза, ответил Кинтохо.

Сразу после этого в лесу заухал филин, и один из упырей глухо произнес:

— Скоро полночь.

Филипп понял, что дальше ждать нельзя. Он медленно поднялся и попятился к выходу. Кинтохо даже не посмотрел в его сторону, зато упыри все как один повернулись к нему, а хозяин удивленно спросил:

— Ты куда?

— Свежим воздухом подышать, — ответил Филипп и топорливо добавил: — Спасибо за угощение. Я сейчас...

— Держи его! — крикнул хозяин.

Мертвецы двинулись на Филиппа, а он выставил перед собой ладонь и громко произнес:

— Меня победить нельзя!

Упыри остановились, в нерешительности посмотрели на старшего, и тот злобно выкрикнул:

— Не дайте ему уйти! Уже скоро! Скоро заклинание перестанет действовать.

Но Филипп, как кошка, юркнул в проход, выскочил из землянки и пустился бежать.

Огромная бледная луна поднялась к центру небосвода и осветила лес холодным синеватым светом. Благодаря этому Филипп на бегу сумел разглядеть место, куда привел его коварный подменыш. Это оказалась изрытая ямами мертвая пустошь с редкими деревьями и покосившимися надгробиями.

Филипп перепрыгивал через глубокие ямы, часто спотыкался о бугры и кочки, падал и снова поднимался. Шум погоны за спиной подстегивал его.

На бегу Филипп лихорадочно соображал, что делать дальше и куда бежать в этом проклятом месте. От страха мысли в голове путались, и все же Филипп вспомнил одно средство, как уберечься от нечистой силы. Он где-то читал, что надо начертить на земле круг и войти в него. Но для этого надо было отыскать ровную площадку.

Всюду росла высокая трава, на которой невозможно было начертить круг. Единственным спасением для него был ельник или сосновый бор, где земля покрыта толстым слоем хвои.

Наконец Филипп миновал лесное кладбище. Он оказался на опушке, где, на его счастье, росли высоченные сосны. Не останавливаясь, он кинулся к гигантскому дереву. Ему очень хотелось отдышаться, но времени не было ни секунды. Филипп повалился на колени, схватил первый попавшийся сучок и одним движением начертил вокруг себя спасительную линию. Едва он это сделал, как его настигли упыри. Двое из них со всего маху ткнулись в невидимую стену и тут же отскочили от нее.

Из воды показалась голова очень красивой юной девушки. Она с любопытством разглядывала гостя из другого мира и медленно подплыла к берегу.

Наконец крышка отодвинулась и кошмарный хозяин склепа медленно сел в гробу. Мертвенно бледный, глаза, обведенные черными кругами, были неподвижны и абсолютно ничего не выражали.

Филипп лежал на теплом ковре из хвои и тяжело дышал. Ему больше не надо было бояться нечисти, не надо было искать ночлега и просить у кого-то помощи. Теперь у него была защита от страшных обитателей сказочного леса на весь оставшийся путь. Он больше не боялся нечистой силы, а значит, и не нуждался в проводнике. «Какой же Кинтохо подлый! — с обидой подумал он. — Пусть только теперь попадется мне. И я этого предателя два раза спас от смерти!»

Филипп взглянул на своих преследователей.

— Ну что, съели? — не без злорадства сказал он.

Упыри взвыли от злости, защелкали зубами и принялись скакать вокруг невидимой преграды. Они бились об нее, да ничего не могли поделать.

Через некоторое время к магическому кругу подоспел и сам дядюшка упырь. Он сильно запыхался и сразу начал упрекать Филиппа:

— Нехорошо убегать от старших, Филя. Нехорошо, чтоб ты пропал! Мне больше тысячи лет, а я ношусь за тобой, как вот эта шантрапа. — Он показал на своих собратьев-упырей и вдруг яростно заорал на них: — Ну-ка марш отсюда, троглодиты! Никакого толку от вас нет! Не сумели поймать какого-то сопляка из другого мира. Да я в ваши годы охапками заманивал их к себе в склеп!

Понуриив головы, упыри потоптались на месте, а затем потихоньку разошлись.

— Бездушный мальчишка, — продолжал увещевать дядюшка упырь. — Нет чтобы пожалеть старика, а ты заставляешь меня гоняться за завтраком.

— За ужином, — поправил его Филипп. — Сейчас же ночь.

— Это у вас, у людей, ужин, а я в полночь только завтракаю. Теперь я останусь голодным. Я, между прочим, тебя пустил в склеп, принял как родного. И чем ты отплатил мне за приют?

— А чем я должен был отплатить? Я не сделал вам ничего плохого, — сказал Филипп.

— А я?! — воскликнул упырь. — Разве я чем-то тебя обидел? Разве я тронул тебя хотя бы пальцем? Сидел, спокойно ждал полуночи.

— Вы хотели меня съесть! — возмутился Филипп. — Вы что, считаете меня дураком?

— И откуда вы только беретесь такие бесчувственные? — Упырь притворно вздохнул. — Несчастный голодный дядюшка ради завтрака еле выбрался из гроба и никакого сострадания к нему. Оглоед! Пойду хоть жаб половлю...

Упырь скрылся между деревьями, и некоторое время Филипп слышал, как у него под ногами трещали ветки. Затем в лесу воцарилась тишина. Лишь изредка то тут, то там подавали голос ночные птицы, да один раз закричало какое-то животное.

Филипп улегся в кругу, подложил под голову ладонь, но закрывать глаза не стал. Спать совсем не хотелось. Недавние события так напугали его, что о сне страшно было даже подумать. Кроме того, Филипп боялся, что во сне распрямится, его ноги окажутся за пределами магического круга, и упыри выволокут его, как бревно.

Из-за деревьев снова появился дядюшка упырь. Он крадучись подошел к сосне, взглянул на круг и разочарованно проговорил:

— Значит, ты не выйдешь?

— Нет, — ответил Филипп. — Можете не караулить.

— Грамотные все стали, — злобно проворчал упырь. — Какие-то круги научились чертить, чтоб вы все перемерли!

— Конечно, темного легче обдурить и съесть, — зевая, сказал Филипп и подумал: «Не любит нечистая сила грамотных. Как хорошо, что я прочитал ту книгу. Она спасла мне жизнь. Вернусь домой, обязательно засяду за чтение».

Филипп проснулся ярким солнечным утром. Он крайне удивился, когда вместо мрачного кладбища увидел усыпанную цветами лесную поляну. Вокруг безмятежно порхали огромные бабочки, больше похожие на птиц. В небе заливались какие-то маленькие птички, размером с бабочек. И эта мирная картина никак не вязалась со страшным ночным приключением. «Может, я видел это во сне? — протирая глаза, подумал Филипп, но тут же сам себе возразил: — Нет, тогда бы я запомнил, как попал на эту поляну. А вдруг я все еще сплю, и все это мне снится? Тогда лучше пока не просыпаться. А то опять появится какой-нибудь «добрый» дядюшка упырь и предложит помощь. Еще одна такая ночь, и я сойду с ума».

Поднявшись, Филипп тщательно обследовал опушку леса, пока не обнаружил тропинку. На этот раз он чувствовал себя гораздо увереннее. Он уже сообразил, что даже в сказочном лесу таким радостным утром ничего плохого произойти не должно. Ведь нечистая сила днем либо отсыпается, либо почему-то избегает выходить на тропинку, по которой он идет. Поэтому Филипп смело вошел в чащу, почти не опасаясь встречи с каким-нибудь ночным чудовищем.

Идти было легко и даже приятно. В первом же овраге, по которому протекал ручей, Филипп быстренько умылся, а затем напился вкусной ключевой воды. Он не стал задерживаться в глубоком, сыром логоу. Здесь царил полумрак, пахло прелой листвой, и этот запах напоминал ему о ночных неприятностях.

Выбравшись из оврага, Филипп увидел крохотного старичка в одежде из ветвей и листьев. Ростом тот был чуть выше пенька. По зеленым волосам и бороде Филипп узнал в нем лесовика и остановился. В одной руке у старичка было лукошко с мухоморами и бледными поганками, а другой он тянул за собой большой мешок. Лесовику было явно не под силу тащить

такой тяжелый груз. Он отчаянно пыхтел, упирался, но продвигался вперед крайне медленно.

— Здравствуйте,— поприветствовал его Филипп и предложил: — Хотите, я вам помогу?

— Больно нужно,— сварливо проговорил старичок.— Сам справлюсь. Ходят здесь всякие, а потом лукошки пропадают.

— Да зачем мне ваше лукошко с мухоморами? — рассмеялся Филипп.— Не хотите, я дальше пойду.

— Конечно! — неожиданно обиделся лесовик.— Всегда так: вначале предложат помощь, а потом уходят. Чего тогда предлагать? А я, может, этот мешок с орехами полдня тащить буду. Чего доброго, надорвусь. До старого лесовика никому и дела нет. Любят людишки зазря языком трепать, а толку от них никакого.

— Вы же сами отказались,— начал оправдываться Филипп.

— Мало ли что я отказался,— упрямо гнул свое старичок.— Я, может, не привык, чтобы мне помогали. Мне, может, в жизни никто ни разу даже бледной поганки не подарил. Вот я сразу и не догадался согласиться.

Филипп подошел к мешку и попытался взвалить его на плечо. Но это оказалось не таким простым делом. Орехи весили не меньше пятнадцати килограммов.

— Странно,— примериваясь к тяжелому мешку, сказал Филипп.— Вы ведь нечистая сила, а грибы с орехами собираете днем. Я думал, вас можно встретить только ночью.

— Кто же ночью собирает продукты, дурья твоя башка? — с жалостью проговорил лесовик.— Ночью грибы и орехи отдыхают. Пойди найди их в темноте.

Наконец Филиппу удалось взвалить мешок на спину, и старичок повел его в лесную чащу. Лесовика с зелеными волосами почти не было заметно в высокой траве. Филипп видел лишь, как впереди вздрагивают и колышутся верхушки стеблей, да слышал его громкое сопение.

— А я вас узнал, — сгибаясь под тяжестью мешка, с трудом произнес Филипп. — Вчера ночью вы приносили дядюшке упырю ягоды и орехи. Я там тоже был.

— Какому дядюшке упырю? — приостановившись, спросил лесовик. — Самому старому, что ли?

— Да, старому доброму дядюшке упырю, — съязвил Филипп и добавил: — Который любит позавтракать гостями.

— Не знаю я такого, — ответил старичок. — Я сам по себе, они сами по себе.

— А Кинтохо знаете? — поинтересовался Филипп.

— Это такой хулиганистый мальчишка с луком за плечами, что ли? — снова притормозил лесовик и тут же ответил: — Не видел я никакого Кинтохо. Зачем мне знать всяких шалопаев? Я сам по себе, он сам по себе.

Филиппу очень не хотелось удаляться в сторону от тропинки, но идти пришлось недолго. Вскоре старичок остановился и показал на густые заросли бузины, до которых оставалось несколько метров. Рядом с кустами сидел огромный черный ворон и аккуратно что-то клевал.

— Вон видишь черничного ворона? — показал лесовик. — Рядом мой дом. Пойдем ко мне в гости. Я тебя так угощу, на всю жизнь запомнишь.

— Меня здесь каждый вечер угощают, — ответил Филипп. — Сам не знаю, как жив остался.

— Ступай вперед, а я буду показывать тебе дорогу, — не обратив внимания на ехидный упрек, проговорил лесовик. — Иди прямо-прямо и никуда не сворачивай.

— Я же свалюсь здесь в яму, — воскликнул Филипп и очень вовремя остановился на самом краю глубокой канавы.

— Конечно, свалишься, — согласился вероломный старичок. — И сломаешь себе шею. Но если не хочешь, иди сюда. Вот отличное место. Сейчас переберемся через эту лужицу, и мы дома.

— Ни фиги себе «лужица»! — возмутился Филипп. — Это же настоящая трясина. Я здесь утону.

— Все-то тебе не нравится,— недовольно фыркнул лесовик.— Да, утонешь, но я не настаиваю, можно пройти и там.— Он показал на едва заметную тропку, которая огибала ямы и трясину.

Они добрались до зарослей бузины, и Филипп наконец сбросил мешок на землю. От тяжести спина и плечо затекли, поэтому он не сразу отправился назад. А лесной старичок тихо пробормотал что-то о вредных людишках, ухватился за мешок и поволок под куст.

— Вы не скажете, я правильно иду к Черному Камню? — осматриваясь, напоследок поинтересовался Филипп.

— Правильно-правильно,— из-за куста ответил лесовик. Он махнул рукой влево и добавил: — Вон там твой Черный Камень.

«Понятно, опять посылает в гиблое место»,— подумал Филипп. Он показал в обратную сторону и еще раз спросил:

— А может, мне туда?

— Можно и туда,— высунувшись из-под куста, ответил старичок.— Прямо так и дуй через бурелом.

— Или вон в ту сторону? — показал Филипп вправо.

— Нет, туда не ходи,— замотал головой лесовик.— Там обязательно сгинешь.

— Спасибо, теперь я понял, куда мне идти,— поблагодарил Филипп и отправился направо.

— Понятливые все стали,— вслед ему обиженно проворчал лесовик.— Ни обмануть никого, ни погубить. Ну, времена! Ну, нравы! Эй! — крикнул старичок Филиппу, когда тот уже почти скрылся за деревьями.— Зайди, хотя бы бледных поганок и мухоморов поешь. Должен же я тебе чем-то отплатить за работу.

— Спасибо, я поганок не ем,— помахав лесовику рукой, прокричал в ответ Филипп.

— Ну народ пошел! — продолжал ворчать коварный старичок.— Прямо хоть лес вырубай и записывайся в домовые.

Филипп довольно быстро отыскал свою тропинку и отправился дальше. Солнце уже стояло прямо над головой, и когда Филипп выходил из-под деревьев, то чувствовал его горячее прикосновение.

Филипп шел и думал, что ему давно пора подзаправиться и хотя бы полчасика отдохнуть: полежать на поляне или на берегу лесного озерца. Но ельник сменялся лиственным лесом, а тот, в свою очередь, сосновым бором, и на всем пути ему не повстречалось ни одного подходящего безопасного места. Он начал было на ходу искать орехи или ягоды, но не нашел ни одного куста и ни одной землянички. Вдоль тропинки росли лишь могучие деревья, которые давали глубокую тень. Забираться же в глухомань было боязно.

Так и пришлось Филиппу идти голодным. А ближе к вечеру он до того намаялся, что уже и не помышлял о еде. Филипп думал только о том, где бы преклонить голову и немного поспать. Но, как назло, на пути у него все чаще стали попадаться глубокие сырые овраги и топкие болота. Едва он выбирался наверх, как ему снова приходилось спускаться к воде. С приближением ночи его начали допекать анчутки. И хотя они побаивались нападать, Филипп старался обходить их стороной. В общем, до самой ночи отдохнуть ему так и не пришлось.

За час до заката солнца Филипп вдруг остановился как вкопанный. Впереди над самой тропинкой он увидел подмёныша. Тот был привязан за одну ногу и висел на веревке вниз головой в метре от земли. Руки его плетью безжизненно повисли, глаза были закрыты, а лук с колчаном валялся прямо под ним.

— Эй,— тихо позвал его Филипп.— Ты живой?

Кинтохо открыл глаза и мученически произнес:

— Вроде бы живой. Но мне осталось совсем немного. Скоро наступит ночь, и меня слопают.

— Что-то ты часто попадаешь в ловушки,— усмехнулся Филипп.

— Попадаю, — печально согласился Кинтохо. — Только радоваться здесь нечему. Все-таки твой друг оказался в беде.

— Мой друг! И ты еще смеешь называть меня своим другом?! Да если бы ты не висел как сосиска, я бы тебе так врезал!

— Да, я тебя считаю своим другом! — неожиданно воскликнул Кинтохо. — Ты хотя бы знаешь, кто меня здесь подвесил? Знаешь?!

— Не знаю и знать не хочу, — собираясь уходить, ответил Филипп. — Меня ваши дела больше не интересуют.

— Это дядюшка упырь! — еще громче закричал подменш. — А знаешь, за что он меня наказал?

— Понятно за что, — усмехнулся Филипп. — Небось подстроил этому людоеду какую-нибудь гадость. Ты только гадости и умеешь делать. А на хорошие дела...

— За то, что я пытался тебя спасти, — перебил его Кинтохо. — Если не веришь, спроси вон у анчутки.

— Ага, — каркнул кто-то над головой у Филиппа.

— Не ври! — тоже закричал Филипп и посмотрел наверх. Там на ветке сидело крылатое существо с черной обезьяньей мордочкой и посматривало на Филиппа. — Удивляюсь, как ты можешь так нагло врать!

— А я удивляюсь, как ты можешь так нагло не верить человеку? Мне, может, осталось жить всего один час, — ответил подменш и тихонько добавил: — Если, конечно, ты меня не освободишь.

— Сам же говорил, что ты не человек, а нечистая сила, — напомнил Филипп.

Он начинал сдаваться. Кинтохо так горячо убеждал его в своей невиновности, что Филипп засомневался: а было ли предательство? Может, этот дикарь действительно каждый раз пытался его спасти?

— Я был нечистью, когда жил у кикиморы, — сказал подменш. — Они выгнали меня из дома, и я снова стал человеком. Посмотри на меня. Разве я похож на всех этих леших

и упырей? Или, может, я похож на русалку? Я такой же, как ты. Не веришь, спроси у анчутки.

— Ага, — снова каркнул крылатый.

— Большого жулика я в жизни не встречал, — неуверенно проговорил Филипп. — Два раза я спасал тебе жизнь, и оба раза ты отплатил мне предательством. В общем, освобождать я тебя больше не буду. Прощай, я пошел.

— Ну и иди! — со слезами в голосе, тихо произнес Кинтохо. Закрыв глаза, он уронил руки и обреченно проговорил: — Ты умеешь только болтать, а сам не лучше нечисти. А еще возмущаешься, какие мы здесь все нехорошие. Тоже мне, хороший нашелся.

Негодуя, Филипп отошел от подменыша на несколько шагов, но затем быстро вернулся и сказал:

— Ладно, я тебя освобожу, и иди своей дорогой. Я тебя больше знать не желаю. — Он достал перочинный ножичек и принялся перерезать веревку. От голода и слабости руки у Филиппа дрожали, и ему пришлось изрядно повозиться, прежде чем он справился с толстой волосяной веревкой.

Кинтохо плюхнулся на землю, тут же вскочил на ноги и повесил за спину лук с колчаном.

— Ну вот, ты меня спас целых три раза, — радостно сообщил он. — Теперь я обязательно отплачу тебе добром. Ты еще не знаешь, как я могу отблагодарить. Не веришь? Спроси у анчутки.

— Ага, — противным голосом поддакнула анчутка и неожиданно скрипуче добавила: — Отблагодарит так, что на всю жизнь запомнишь. Уж я-то знаю его.

— Это я уже понял. — Убрав ножичек, Филипп двинулся по тропинке дальше, а подменыш последовал за ним.

— Мне, между прочим, тоже в эту сторону, — буквально наступая ему на пятки, проговорил Кинтохо развязным тоном.

— Тогда я пойду другой дорогой.

Филипп сошел с тропинки и вдоль нее побрел по высокой траве. Он обратил внимание, как изменился тон у недавнего

пленника, и даже пожалел, что освободил подменыша. С другой стороны, оставить человека на съедение упырям казалось ему настоящим преступлением. Эти мысли страшно мучили Филиппа. Кроме того, идти по лесу было намного труднее. Высокая трава, бурелом и густые заросли кустарника настолько замедляли ход, что скоро Филипп решил вернуться на тропинку.

— Зачем ты за мной поперся? — остановившись, раздраженно спросил он. — Хочешь опять заманить меня к своим «добрым» друзьям на ночлег? Не получится.

— Нет, — спокойно ответил Кинтохо. — Хочешь — верь, не хочешь — не верь, но я на этот раз обязательно доведу тебя до Черного Камня. Чего бы мне это ни стоило.

— Обойдусь, — грубо ответил Филипп. Он почти побежал вперед, но подменыш не отставал от него ни на шаг.

Филипп торопился отыскать ровное место, где можно было начертить круг и переночевать. Тропинка для этого не годилась: она была слишком узкой. Филипп намеревался добраться до удобного привала, но сколько до него идти, не знал, а спрашивать у Кинтохо не желал.

Солнце уже опустилось ниже деревьев, и в лесу начало смеркаться. Филипп припустился бежать. Он больше не обращал внимания на подменыша и думал только об одном, как бы успеть устроиться на ночлег. Но лиственный лес не кончался. Наоборот, он становился все гуще, деревья все плотнее обступали тропинку, и надежды Филиппа потихоньку таяли.

Ночная тьма опустилась на лес почти мгновенно. Луна еще не успела взойти, а потому сделалось темно, как в погребе. И все же Филипп не сдавался. Он упорно шел вперед и, когда случайно забредал в крапиву, тихонько вскрикивал.

Где-то недалеко заухал филин, и от крика ночного хищника Филипп вздрогнул.

— Между прочим, его тоже Филей зовут, — неожиданно подал голос Кинтохо.

— Иди ты к черту,— в сердцах огрызнулся Филипп. (Он и не заметил, что все чаще стал отругиваться не хуже нечисти.) И вообще он чувствовал, что вот-вот упадет от усталости. Его мучили жажда и голод, но он все шел и только про себя твердил: «Раньше двенадцати они не нападут. Раньше двенадцати они не нападут».

— Ты, наверное, ищешь чистое местечко, чтобы начертить круг? — догадался подменыш.— Рядом ничего такого нет, но я могу показать. Здесь недалеко, к полуночи дойдем.

— Отстань,— стиснув зубы, сказал Филипп. При одном лишь упоминании о полуночи ему сделалось жутко. Времени у него оставалось не так много, и все же он решил обойтись без услуг своего навязчивого спутника.

— Как хочешь,— с деланным равнодушием произнес Кинтохо.— В этих местах водятся волки-оборотни. А они нападают прямо с наступлением темноты. Я бы не хотел встретиться с ними ночью. Эти оборотни такие лютые, похуже упырей будут. Так что, прощай, Филя. Я побежал дальше.— Подменыш нырнул в густую траву, и на прощание Филипп услышал: — Спасибо за помощь. Может, когда-нибудь встретимся. Хотя вряд ли.— После этого маленький мошенник расхохотался, и эхо от его хохота еще долго было слышно в лесу.

Филипп остался один. Он совсем выдохся и едва передвигал ноги. Решив, что дальше идти не имеет смысла, снял майку, обмотал правую руку и принялся срезать по бокам тропинки крапиву и лопухи. Он хотел расчистить хотя бы небольшую площадку и переночевать здесь же.

Сил оставалось все меньше и меньше. Работа шла крайне медленно, и все же он не прекращал ее. Толстые, одревеневшие стебли лопухов с большим трудом поддавались, Филипп обжигался крапивой, но старался не обращать на это внимания. На стоны и жалобы у него просто не было ни сил, ни времени.

Наконец площадка была расчищена. Нащупав рукой острый камень, Филипп из последних сил провел вокруг себя глубокую жирную линию и после этого, обессиленный, повалился на землю.

Филипп лежал на земле и прислушивался к лесным голосам. Где-то рядом зашуршала трава, и он подумал, что, наверное, это змея. Хотел приподнять голову, но затем передумал. Ему больше не хотелось ни шевелиться, ни думать об опасностях.

Он начал проваливаться в сон, когда услышал рядом с собой чье-то голодное урчание. Открыл глаза и убедился, как вовремя начертил круг. Всего в метре от себя он увидел два горящих желтых глаза, которые в кромешной темноте выглядели особенно жутко. Взгляд оборотня был таким пронзительным и злобным, что Филипп не выдержал и зажмурился. Он лишь посильнее прижал ноги к животу, чтобы случайно не вылезти за пределы магического круга, и в отчаянии подумал: «Опять Кинтохо привел свою нечисть. Сидит сейчас где-нибудь за деревьями и радуется. Только зря. Все-таки хорошо, что я его снова встретил. Он предупредил меня о волках-оборотнях. Наверное, хотел сделать хуже, а получилось, что помог. И как я сразу не догадался, что его специально подвесили над тропинкой, по которой я иду? А с другой стороны, зачем было подвешивать? Он мог спокойно красться за мной всю дорогу. Может, для того, чтобы я задержался? Сколько времени с ним потерял...»

Снова решившись посмотреть на хищника, Филипп увидел три пары желтых глаз. Хрипло дыша, волки бродили вокруг, тыкались черными мордами в невидимую стену и тут же отскакивали от нее.

— А ну, пошли отсюда,— тихо сказал им Филипп.— Придется вам сегодня завтракать жабами. Лапы короткие до меня добраться.

А вскоре над лесом взошла огромная желтая луна, и в ее мертвенном свете Филипп сумел разглядеть трех здоровенных

матерых волков. «Боже мой, — зажмурившись, подумал он. — Как приятно читать страшные сказки дома и как страшно оказаться в самой сказке!»

Полночи соседство оборотней не давало Филиппу уснуть. Они явно дожидались, когда во сне он вытянет ноги, чтобы схватить добычу. За эти долгие ночные часы Филипп столько передумал и столько пережил, что этих переживаний с лихвой хватило бы на целых десять лет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Филипп проснулся оттого, что тоненький луч солнца пробился сквозь листву, прополз по его плечу, затем по щеке и соскользнул на прикрытое веко. Во сне Филипп что-то пробормотал, махнул у себя перед носом рукой и открыл глаза. Первое, что он увидел, это две грязные пятки Кинтохо. Лесной плут сидел рядом с кругом, перекидывал с ладони на ладонь камешек и, очевидно, дожидался, когда приятель проснется.

— Опять ты, — недовольно пробурчал Филипп. Он только что видел приятный сон, в котором не было никакого сказочного леса со всеми его кровожадными обитателями. Филипп побывал у себя дома. Возвращение к действительности не сулило особых радостей.

— Да, я, — хитро улыбаясь, подтвердил подменыш и тут же принялся рассказывать о том, что с ним произошло ночью. — Представляешь, до самого рассвета просидел на дереве, прятался от оборотней. Хорошо, мимо пролетала знакомая ведьма и разогнала их помелом. А так бы они меня точно достали.

— Ври кому-нибудь другому, — с трудом выговорил Филипп и встал на четвереньки. Он хорошо выспался и отдохнул, но ослаб от голода, а из-за жажды едва ворочал пересохшим языком.

— Я правду говорю, — скаля в улыбке белые крепкие зубы, ответил Кинтохо. — Ты же не пошел со мной. Честно говоря, я думал, что больше тебя никогда не увижу. А ты оказался молодец, выкарабкался. Я столько лет здесь живу, а не знал, что от нечистой силы так легко спрятаться. Так что теперь тебе нечего бояться.

— Хорошо, — пробурчал Филипп.

— Чего же хорошего? — сказал подменыш. — Нечисть существует для того, чтобы ее боялись.

— Ты мне зубы не заговаривай, — взглянув на него, ответил Филипп. Пока он спал, этот прохиндей натянул на себя его футболку. Только сейчас Филипп заметил, какой она стала грязной. От нескольких ночевок на голой земле майка приобрела бурый цвет, а после вчерашнего на ней появились яркие зеленые пятна. — Еще и футболку спер. Хочешь, чтобы я снова поверил тебе? А ты опять меня предашь, да?

— Ничего я не пер, — нисколько не смутившись, ответил Кинтохо и любовно погладил на груди разноцветную картинку. — Она лежала рядом с тобой, вот я и взял. Если тебе жалко, я отдам. Просто у меня никогда в жизни не было такой одежды. Тесновато и под мышками режет, зато красиво.

— Ладно, если ты покажешь, где можно попить и подкрепиться, я тебе ее подарю. — Филипп вдруг пожаловался: — Я очень хочу пить.

— Ручей совсем рядом, — вскочив на ноги, сказал подменыш. — Пойдем покажу. Я знаю здесь каждое дерево.

— А поляны с ягодами рядом случайно нет? — спросил Филипп. Его пошатывало от голода, но близость воды придавала ему сил.

— Сейчас сделаем. На, пока погрызи, с утра насобирал. — Кинтохо на ходу высыпал из колчана горсть лесных орехов и протянул Филиппу. — Я давно позавтракал, а потом немного потрепался с русалкой. Такая шустрая оказалась. Я наклонился к воде попить, а она меня хватить за волосы и тащит под воду.

Я ей кричу: «Ты кого, мымра чешуйчатая, хочешь в воду затащить? Ты же своего хочешь утопить, зеленоволосая селедка! Да если в лесу об этом узнают, из вашего водяного вместе с вами уху сварят! Ты хотя бы знаешь, кого за волосы хватаешь?! Ты же лучшего охотника сказочного леса Кинтохо-подменыша хватаешь». Знаешь, подействовало. Я же теперь, как ты, беззащитный. До магического столба далеко, так что теперь меня может слопать любая нечисть. Хорошо, что знакомых много. Есть кем поугагать. Вон и русалка отпустила, а чтобы я не обижался, наловила мне свежих лягушек. Ты не хочешь лягушками перекусить?

— Нет, спасибо, я их не люблю, — ответил Филипп.

— Думаешь, я люблю этих пучеглазых дур? — рассмеялся Кинтохо. — Но если на костре пожарить, очень вкусно получается.

Наконец они дошли до ручья. Здесь Филипп сразу упал на колени и припал губами к воде. Он жадно пил студеною воду до тех пор, пока не почувствовал, что больше не может. Тогда Филипп оторвался от воды и, тяжело отдуваясь, спросил:

— А где поляна?

— Поляна дальше, — ответил подменыш. — И чтобы ты без меня делал, просто Филя? Я теперь тебе как отец родной: и накормлю, и напою, и спать уложу.

— Не надо мне такого отца, — отмахнулся Филипп. — Нормальные отцы своих детей защищают, а с тобой я и правда чувствую себя бутербродом.

Они шли по тропинке друг за другом. Кинтохо — первый, в майке и набедренной повязке, Филипп — в джинсах и кроссовках. Благодаря этому они выглядели почти одинаково. Оба одного возраста и почти одного роста, оба полураздетые и загорелые, грязные и нечесанные. Разница была лишь в походке. У выросшего здесь подменыша она была крадущейся и мягкой, как у лесного зверя. У Филиппа же походка была обыкновенная мальчишеская — легкая и пружинистая.

До поляны ребята добрались быстро и провели на ней не меньше двух часов. Кинтохо с Филиппом ползали на четвереньках и собирали ягоды до тех пор, пока не объели всю поляну. После этого они заползли в густую тень раскидистого дуба и повалились на траву.

Они лежали молча, но затем подменыш неожиданно сказал:

— Когда ты вытащил меня из болота, все было понятно — тебе нужна была помощь. Ты хотел узнать, как пройти к Черному Камню. Когда во второй раз ты помог мне выбраться из охотничьей ловушки, я тоже все понял — тебе страшно было идти одному, поэтому ты мне поверил. Я только одного не понимаю: зачем ты освободил меня в третий раз?

— Мне стало тебя жалко, — ответил Филипп и поинтересовался: — А кто это у вас в лесу роет охотничьи ямы?

— Какая разница, кто роет, — раздраженно ответил Кинтохо. Затем он приподнялся на локте и заглянул в лицо Филиппу. — Как это жалко? Я же тебя два раза чуть не скормил нечисти. И после этого ты снова мне поверил. В вашем мире все такие простофили?

— Во-первых, всех я не знаю, — не открывая глаз, ответил Филипп. — А во-вторых, я тебе не поверил.

— А зачем же тогда освободил? — все более возбуждаясь, спросил подменыш. — Хотел показать, какой ты хороший?

— Нет, — спокойно произнес Филипп. — Знаешь, почему ты не можешь этого понять? Ты думаешь, что все вокруг такие, как ты и твои «добрые» друзья. Что все только и думают, как бы обдурить и заманить другого в ловушку.

— Да, все такие, — не очень уверенно подтвердил Кинтохо.

— Вот-вот, поэтому ты никогда и не станешь человеком. И нечистой силой тоже, потому что ты из другого, из нашего мира. Ты вообще никем не сможешь стать. Так и будешь всю жизнь немножко нечистью, немножко человеком. Ты же не Кинтохо, ты Никто, — сам удивившись неожиданному выводу, закончил Филипп.

Филипп перепрыгивал через глубокие ямы, часто спотыкался о бугры и кочки, падал и снова поднимался. Шум погони за спиной подстегивал его.

Филипп вдруг остановился как вкопанный. Впереди над самой тропинкой он увидел подменыша. Тот был привязан за одну ногу и висел на веревке вниз головой в метре от земли.

— А ты дурак, — обиделся подменыш.

— Сам дурак, — ответил Филипп и примирительно добавил: — Я не виноват, что ты не хочешь стать человеком.

Они замолчали. Полуденный зной в лесу чувствовался даже в тени. Ветер не проникал в самую чащу, и потому воздух здесь застаивался. Душно было как в бане, и, вспомнив о прохладном ручье, Филипп пожалел, что не догадался искупаться. Он лежал на спине и ждал, когда Кинтохо уснет.

Наконец Филипп услышал, как подменыш тихонько засопел, и поспешил этим воспользоваться. Только убедившись, что его коварный спутник действительно спит, Филипп осторожно поднялся, вернулся на тропинку и продолжил свой путь. «Так вот в чем загвоздка, — торопясь уйти подальше, думал он. — Оказывается, плохим людям кажется, что все вокруг такие же плохие. Наверное, и жадные всех остальных считают жадинами, и злые люди видят в других только злость. А если им попадается обычный человек, они принимают его за дурака и простофилю. Жаль, у меня нет времени, я бы объяснил Кинтохо, что это не я, а он дурак».

Во второй половине дня лес начал редеть, и вскоре тропинка вывела Филиппа к маленькой покосившейся избышке с изломанным крыльцом. Рядом с ветхим домишкой из земли торчал облезлый полосатый столб, и Филипп вспомнил, что такие обычно стоят на границе между государствами. Пограничная сторожка почти по самые окна ушла в землю. Ее бревенчатые стены были сплошь покрыты мхом, а на почерневшей от времени печной трубе какая-то крупная птица свила гнездо, да такое огромное, что в нем спокойно поместился бы взрослый человек.

Печальный опыт подсказывал Филиппу, что не следует торопиться знакомиться с хозяином дома: он мог оказаться кем угодно. Но тропинка заканчивалась прямо у замшелого крыльца, а значит, надо было у кого-то спросить, куда идти дальше.

Филипп решил немного выждать, посмотреть, не появится ли кто из хозяев. На всякий случай он спрятался в густых зарослях бузины и стал наблюдать за дверью.

Долго ему ждать не пришлось. Вскоре дверь со скрипом отворилась и на крыльцо вышли двое: один — кряжистый старикан с длиннющей зеленой бородой и такими же зелеными косматыми бровями. Одет он был в старый военный мундир с идеально начищенными пуговицами, на голове у него была нахлобучена высокая остроконечная шапка, из-под которой во все стороны торчали зеленые космы. Вторым же оказался... Кинтохо.

Филипп был настолько удивлен, что этот пройдоха каким-то образом сумел обогнать его, что раздвинул кусты и едва не выдал себя. А старикашка с подменным удобно устроился на крылечке, и хозяин лесной развалюхи продолжил прерванный разговор:

— Ну и повезло же тебе, паразиту. Попал в хорошие руки к нечистой силе и сам давно стал нечистью. Я бы на твоём поганом месте плясал от радости. Далеко не каждому оказывается такая честь. Её ещё надо заслужить.

— И я больше никогда не стану человеком? — осторожно спросил Кинтохо.

— Никогда, — покачал головой старикашка. — Назад дороги нет. У нас, у нечисти, такой закон: назвался мухомором, полезай в корзину. Так что забудь о людях. Они все глупые, чтоб их разнесло.

«Это неправда!» — хотел было крикнуть Филипп, но сдержался. Про себя возмущаясь, он лишь покачал головой и тихо прошептал:

— Тоже мне, учитель нашелся!

— Плохим быть намного проще и приятнее, — продолжал вещать хозяин избушки. — Главное — не забивать себе голову всякой ерундой и поменьше думать. Ты свободный подменш. Захотел — плюнул на стол, захотел — выругался или дал

кому-нибудь затрещину. А все эти так называемые хорошие человечки очень несвободные люди. То — нельзя, этого — не делай, туда — не ходи, сюда — не бросай. Тьфу! Не жизнь, а сплошная скука.

— А если мне захочется тебе дать затрещину? — спросил подменьш.

— Я же сказал, ты свободное существо, — ответил старикашка. — Можешь врезать и мне. Только я потом так накостыляю тебе по шее, что больше никогда в жизни тебе не захочется обижать старого лесного дядюшку. — После этого он вlepил Кинтохо подзатыльник и добавил: — Это чтобы в твоей глупой башке больше не появлялись такие идиотские мысли. Скажи спасибо, что я сегодня добрый. В следующий раз придется как следует проучить тебя. Ты, наверное, своего дружка наслушался, вот и ляпаешь что ни попадя.

— Какого дружка? — притворившись, что не понимает, о ком идет речь, спросил подменьш.

— Того, который сидит в кустах, подглядывает и подслушивает наш разговор, — ответил хозяин избы.

Вначале Филипп испугался, что его раскрыли, и чуть не сбежал назад в лес. Но затем он вспомнил, как защищаться от нечистой силы, и выбрался из кустов.

— Здравствуйте, — поприветствовал он присутствующих.

Но ни хозяин избышки, ни Кинтохо не обратили на него внимания.

— Он же правильно делает, что подслушивает, — сказал подменьш.

— Да, — согласился старикашка. — Подслушивать, подглядывать, шпионить, доносить, пакостить очень хорошо. Поэтому сейчас я не стану его трогать. По-моему, он очень способный, из него мог бы получиться неплохой поганец.

От этих слов Филиппу стало стыдно, и он обиженно воскликнул:

— Я не подслушивал! Вернее, подслушивал, но просто так!

— Очень хорошо,— похвалил его хозяин избушки.— Я тоже обожаю подслушивать просто так. А уж как я люблю просто так подглядывать! Лягушками меня не корми, дай только за кем-нибудь подглядеть.

— Я остановился, потому что закончилась тропинка,— продолжал оправдываться Филипп.— А мне надо идти дальше.

— Ну и ступай,— равнодушно ответил старикашка.

— Может, скажете, как пройти к Черному Камню? — спросил Филипп.

— Как хочешь, так и иди,— отмахнулся старикашка.

Кинтохо в это время сидел на ступеньке и старался не смотреть на Филиппа. Лицо у него было расстроенное, в глазах поблескивали слезы, и Филиппу стало ужасно жаль подменыша. Ему захотелось поговорить с ним, попытаться убедить, что не так все плохо и вредный ряженный солдат не прав или просто обманывает его. Но при хозяине избушки это было невозможно.

— Кинтохо, иди сюда, дело есть,— позвал Филипп.

— Не ходи,— тут же встрепнулся старикашка.— Он сейчас опять будет врать, как хорошо живет в том мире.

— Ты же сам говорил, что врать хорошо,— ответил подменыш.

— Хорошо, когда я тебе вру,— наставлял его хитрый дед.— Потому что мое вранье идет тебе на пользу, а его — погубит тебя. Ты уже большой, пора бы научиться отличать одно вранье от другого. Ты только посмотри на его лицо.— Старикашка кивнул на Филиппа.— Такой погубит и глазом не моргнет.

— Он три раза спас мне жизнь,— возразил Кинтохо.

— Правильно,— обрадовался старичок.— Вначале для отвода глаз он спасает тебя, а потом, когда ты емуверишь, этот злодей заманит тебя в болото и утопит.

— Ну зачем вы говорите ерунду?! — возмутился Филипп.

— Ты видишь, как он разговаривает со старшими?! — воскликнул старикашка.— Видишь? Злодей, каких мало!

— Хорошо, покажите мне дорогу, и я уйду, — устав слушать лживые речи, попросил Филипп.

— А чего ее показывать? — ответил старый балабон. — Вон она, сразу за домом начинается. Иди себе. Толку от тебя все равно никакого, только лесной народ баламутишь.

Обрадовавшись, Филипп пошел в обход дома. Напоследок он еще раз посмотрел на подменыша. Тот провожал его таким тоскливым взглядом, что Филипп не выдержал и еще раз предложил:

— Пойдем. Вдвоем веселее.

— Иди-иди, — махнул ему лесовик. — Совсем люди наглость потеряли. Мало того, что сам уходит целым и невредимым, он еще старается кого-нибудь с собой прихватить.

Так и не дождавшись от Кинтохо ответа, Филипп сделал два шага, и земля буквально ушла у него из-под ног. Он наступил на настил из веток, который прикрывал охотничью ловушку, и провалился в глубокую яму.

Когда Филипп понял, что произошло, на краю ямы уже стоял хозяин избушки. Он смотрел на него сверху вниз и недобро ухмылялся.

— Ну вот ты и попался, — потирая руки, сказал он. — Посиди здесь до полуночи, а там мы с тобой разберемся.

— Кинтохо! — крикнул Филипп и подпрыгнул, чтобы посмотреть, нет ли его поблизости. — Кинтохо, помоги!

— Сиди молча, бифштекс неумытый, — погрозил ему пальцем лесовик. — Не то сброшу к тебе десяток ядовитых змей. А мы с Кинтохо пока приготовим для тебя дровишек. — Старикашка рассмеялся и пояснил: — Это чтобы ты ночью не замерз.

Филипп опять остался один. Он перепугался не на шутку, поначалу даже запаниковал. В отчаянии принялся пинать стены ямы ногами и кричать: «Спасите! Помогите!» Но вскоре он понял, что спасти его здесь некому, взял себя в руки и внимательно осмотрел ловушку. Яма была глубокой, с неровным дном, поэтому Филипп не знал, можно ли будет начертить

на дне круг. Для этого нужно было выкинуть из нее все ветки и, если понадобится, разровнять землю. «Ну и чего я этим добьюсь? — усевшись на толстый слой веток, малодушно подумал Филипп. — Начерчу круг и буду сидеть в нем, пока не ослабну от голода и жажды. А потом Кинтохо спустится вниз, обвяжет меня веревками, и они вытащат меня как миленького. Кинтохо же человек, ему магический круг не помеха, — вздохнул Филипп. — Опять они уговорили его. А ведь Кинтохо почти был готов пойти со мной».

Решив не терять времени, Филипп собрался очистить яму от веток, но остановился. Внезапно его посетила гениальная мысль. Она состояла в том, чтобы сплести из веток что-то вроде шеста и выбраться по нему на поверхность. Идею надо было проверить в деле, и Филипп принялся за работу. Вначале он сосчитал ветки, их оказалось более сорока, но все они были не толще пальца. Кроме того, ветки не желали сплетаться, и Филипп сообразил, что их надо чем-то связать.

Решение нашлось довольно быстро. Стащив с себя джинсы, Филипп в последний раз с сожалением посмотрел на них, открыл ножичек и начал резать джинсы на тонкие полоски. Когда в руках у него остались очень короткие шорты, Филипп надел их и приступил к главной части операции. Он плел шест, как венок из одуванчиков. Затем для крепости перевязывал слабые места джинсовыми лентами. При этом Филипп часенько поглядывал на небо, где облака уже слегка окрасило заходящее солнце. Важно было закончить работу до темноты, чтобы успеть уйти подальше от избушки и отыскать ровное место для круга.

Последние ветки Филипп приплетал к шесту с большим трудом. Ему приходилось стоять на носках, изо всех сил тянуться, поэтому верхний конец шеста получился более слабым.

Закончив работу, Филипп приставил плетеную дубину к стенке ямы, для надежности поплевал на ладони и полез наверх. Шест угрожающе скрипел и прогибался под ним,

но все же держал. Как оказалось, главная трудность ожидала Филиппа впереди. Добравшись почти до конца шеста, он ухватился за край ямы, но рыхлая лесная почва под пальцами осыпалась. Надо было тянуться дальше и попытаться ухватиться за куст или траву.

Несколько раз Филипп срывался вниз. В лесу уже начало смеркаться, и ночные птицы устроили первую перекличку, а Филипп все продолжал карабкаться вверх. В какой-то момент он потерял надежду и хотел было прекратить попытки освободиться. Он весь перепачкался землей и еще больше стал походить на обитателя сказочного леса. Ободрал себе локти и колени, обломал на пальцах ногти и расцарапал живот. И все же ему удалось оттолкнуться ногой от шеста и вцепиться в толстый стебель лопуха. Осторожно подтягиваясь, он опасался, что стебель не выдержит и оборвется. Затаив дыхание, Филипп мысленно уговаривал себя, что все закончится благополучно, и медленно-медленно выползал из ловушки.

Выбравшись на поверхность, Филипп пригибаясь побежал от куста к кусту, подальше от дома с его негостеприимными обитателями. Он сразу углубился в лес и забыл посмотреть, действительно ли тропинка берет свое продолжение за пограничной избушкой.

Сумерки быстро сменила непроглядная тьма. Дальше идти было невозможно, и Филипп остановился у огромного дуба. Пока он гадал, что делать, начертить на земле круг или забраться на дерево, кто-то бесцеремонно похлопал его по плечу. Сердце у Филиппа ушло в пятки.

Резко обернувшись, он собрался было дать отпор любому противнику, но тут услышал знакомый голос:

— Привет.

— Кинтохо! — с облегчением выдохнул Филипп. — Ты? Слава богу. А я думал, мне настал конец.

Ночь прошла спокойно. Вначале в поисках места для ночевки ребята долго брели в кромешной тьме, и только кошачье зрение Кинтохо спасало их от больших и маленьких неприятностей. Несколько раз они обходили болотные топи и перебирались через глубокие овраги. Однажды подменыш заметил впереди кого-то из обитателей леса, и мальчишкам пришлось уйти далеко в сторону, чтобы не встречаться с заграничной нечистью. Филипп послушно следовал за своим опытным проводником след в след, иногда просил его подождать, а в самых опасных, непроходимых местах Кинтохо брал его за руку и вел за собой.

Наконец, когда луна достигла середины неба, подменыш остановился и уверенно произнес:

— Вот здесь. Дальше не пойдем. Через несколько минут наступит полночь.

Намучившись за день, мальчишки быстро начертили большой круг, в котором могли бы поместиться вдвоем. Они повалились на теплый песок и почти мгновенно заснули. Когда же они проснулись, солнце уже стояло над верхушками деревьев и освещало незнакомую местность. Трава здесь росла небольшими островками, жесткая и блеклая. Деревья отстояли друг от друга на большом расстоянии и совсем не напоминали сосны и ели, дубы и березы. Их причудливо изогнутые стволы были куда короче, кроны — шире, а листья казались вырезанными из зеленой жести.

— Кинтохо, — позвал Филипп и потряс своего провожатого за плечо. — Где это мы?

— Не знаю, — протирая глаза, ответил подменыш. Он широко зевнул, сладко потянулся и вдруг рассмеялся. — Главное — мы удрали от них.

— Да, — с сожалением посмотрев на свои голые ноги, согласился Филипп. — Только я остался без штанов.

— Ничего, у меня их сроду не было, — вскочив на ноги, проговорил Кинтохо и с восторгом добавил: — Ты бы видел, как они вчера бесились!

— Мои штаны? — удивился Филипп.

— Нечистая сила, — расхохотался подменыш. — Лесовик пригласил на завтрак лешего с лешачихой, они заглянули в яму, а там пусто. Вот была потеха! Леший так отделал старика той самой орясиной, которую ты сплел, только щепки летели. Я чуть не умер от смеха. — Кинтохо снова повалился на песок. Хохоча, он схватился за живот, задрыгал ногами, и его радостное настроение передалось Филиппу.

Ребята начали дурашливо вопить, кататься по песку и кувыркаться. Накувыркавшись, они растянулись под ближайшим деревом, раскинули руки, а затем Филипп спросил:

— А здесь их уже не будет? А то мне так надоели все эти «добрые» мертвецы и оборотни!

— Здесь другие. Такие же живоглоты, — ответил подменыш. Он сел, почесал затылок и огляделся. — Постой-ка, надо посмотреть, куда это мы попали. Вообще-то я несколько раз переходил границу, но эти места знаю плохо.

— Мы заблудились? — встревожился Филипп.

Кинтохо снисходительно взглянул на него, поднялся на ноги и посмотрел на дерево, на ветках которого росли крупные желтые плоды.

— Кажется, в темноте мы забрели не туда, — озабоченно произнес он и смачно сплюнул на землю. — То-то я смотрю, куда-то березы с елками подевались. — Он показал на дерево и спросил: — Ты не знаешь, эти штуковины можно есть?

— По-моему, это айва, но я не уверен, — сказал Филипп. — А где мы сейчас находимся?

— Где-где, у тебя на бороде, — ответил подменыш. — Это паршивое место. Я бывал здесь всего один раз, еле ноги унес.

Дядюшка упырь мне о нем много рассказывал. Такие страшные вещи! Нечисть в этих местах уж очень свирепая...

— Чья бы корова мычала, а твоего дядюшки упыря молчала,— перебил его Филипп.

— Законы у них совсем другие,— продолжил Кинтохо.

— Еще хуже, чем у вас? — удивился Филипп.

— Может, и не хуже, но какие-то непонятные,— ответил подменыш.— В землянках они не живут, потому что здесь земли нет, один песок да камни. Болотную воду им пить нельзя, земляных жаб они не едят.

— Ты ведь тоже жаб не ешь,— справедливо заметил Филипп.

— Я не ем, потому что мне не хочется,— начал объяснять Кинтохо.— А они не едят, потому что им запрещено законом. Зато белену жрут охапками. Налопаются ее и давай гоняться друг за другом. Я один раз попробовал съесть пару листочков, потом три дня перед глазами шастали белые привидения. Жуткая гадость! Зато у них в лесу растут арбузы и дыни. Это такие большие и очень вкусные яблоки...

— Да знаю я, что такое арбузы и дыни. Ты бы мне еще про картошку рассказал,— не дал ему договорить Филипп.— А чьи это арбузы?

— Ничьи. Вон видишь, между деревьями лежат? — указал вдаль подменыш.— Берем по одной штуке и быстро исчезаем. И занес же нас черт в такую глухомань!

— А разве нельзя дойти до Черного Камня через этот лес? — спросил Филипп, которому очень не хотелось возвращаться в лесную чащу.— Честно говоря, мне все равно, какая нечисть будет за мной гоняться. А здесь все-таки растут арбузы и дыни. И вон на деревьях какие-то фиговины висят.

— Дойти-то, конечно, можно,— поморщившись, ответил Кинтохо.— Но не нужно. Я не знаю, как нас с тобой ночью не слопали. Здесь же твой магический круг не действует.

Поэтому давай лучше сматываться. С той нечистью я хотя бы знаком. А с этими пока разберешься, они тебя десять раз сожрут.

— Не действует круг,— озабоченно повторил Филипп и вдруг хвастливо добавил: — Ерунда! После ваших мертвецов мне уже никто не страшен.

— Посмотрим,— усмехнулся подменыш.

Солнце поднималось все выше и выше, жара становилась все сильнее, и Кинтохо заторопился.

— Хватит рассиживаться,— деловито проговорил он и направился к арбузам.— До полудня нам надо успеть вернуться в лес. Здесь даже тень какая-то бледная. Ни отдохнуть, ни напиться воды.

Между деревьями пробежала крупная ящерица и юркнула под узловатые корни. Высоко в знойном небе, где-то над арбузной поляной, кружили большие черные птицы. Непонятно было, что они высматривают, полосатые плоды или тех, кто на них покушается. Подменыш приложил ладонь ко лбу, посмотрел на птиц и с тревогой проговорил:

— Это арбузные орлы. Я их знаю.

— А что с тобой сделают твои родственнички, когда ты вернешься в свой лес? — поспешая за своим спутником, заинтересовался Филипп.

— Ничего,— ответил Кинтохо.— Я... я, может быть, не вернусь.

— Да?! — От удивления Филипп даже остановился. Но затем он взял себя в руки и после небольшой паузы крикнул ему в спину: — Значит, ты хочешь вернуться со мной в тот мир?

— Уже возвращаюсь,— не оборачиваясь, ответил подменыш и этим сильно смутил Филиппа. Тот не знал, верить или не верить своему провожатому, который уже несколько раз подло предавал его.

«Вдруг опять хитрит? — размышлял Филипп.— Что, если его специально послали, чтобы снова заманить меня в ловушку?»

Да нет, не может быть,— сам себе мысленно ответил Филипп.— Там, на крыльце, у него были такие глаза»...

— Тогда пообещай, что не будешь предавать, воровать, врать и... и все время плевать, — догнав своего спутника, сказал Филипп.

Кинтохо непонимающе посмотрел на него.

— Предавать и воровать — это понятно. А вот говорить правду здесь никак невозможно. Без вранья ты в сказочном лесу минуты не проживешь. Знаешь поговорку: с упырями жить — по-упырьи выть?

— Три дня уже у вас живу, и ничего, — ответил Филипп.

— Ну хорошо, — согласился подменыш. — А плевать почему нельзя? Кому от этого плохо?

— Мне, — ответил Филипп. — Терпеть не могу, когда кто-то плюется.

— Ладно, — чуть погодя согласился подменыш. — Нельзя так нельзя. Захочу плюнуть, буду уходить от тебя подальше. Нежный ты очень. Так ведь скоро и дышать запретишь.

Они добрались до небольшого поля, на котором лежали с десятков крупных, спелых арбузов. Выбрав самые спелые, Филипп перерезал стебли ножом. И они отправились назад, торопясь вернуться в лес, откуда пришли. Но арбузы оказались слишком тяжелыми. Быстро передвигаться с такой ношей было невозможно, и мальчишкам пришлось несколько раз останавливаться на отдых. Наконец Филипп положил арбуз под дерево, вытер пот и сказал:

— Больше не могу. Давай съедим их здесь.

— Эх ты, слабак, — отдуваясь, ответил Кинтохо, но арбуз все же положил, и было заметно, что он рад этому.

— И зачем мы взяли два? — усаживаясь рядом с арбузом, проговорил Филипп. — Один мы несли бы по очереди. И ушли бы дальше.

— Вот ты вроде бы из другого мира, знаешь больше, а не понимаешь, что иметь два арбуза в два раза лучше, чем один, —

сказал Кинтохо.— Ладно, давай поедим здесь. Только если местная нечисть нас застукает, я не виноват.

Филипп достал ножичек и протянул его подмышу.

— На́, разрежай,— сказал он.

— Этой штукой удобно в носу ковырять,— насмешливо сказал Кинтохо.

Он сел рядом с Филиппом, с трудом поднял арбуз, ударил его о колено, и тот с громким хрустом развалился на две почти равные части.

— Вот так надо,— хвастливо произнес подмыш.

У Филиппа получилось не так ловко. Арбуз разбился на несколько частей, и многие из них попадали красной мякотью в песок.

— Ничего, еще научишься,— покровительственно сказал Кинтохо и с громким чавканьем принялся за еду.

Арбузы оказались удивительно вкусными. Сладкий розовый сок стекал по подбородкам мальчишек, и к концу завтрака они сделались мокрыми и липкими, словно искупались в сиропе. Майка и даже набедренная повязка у подмышы насквозь пропиталась соком, а лукавая физиономия по самые глаза порозовела. Филипп выглядел ничуть не лучше. Грудь и живот его покрылись грязно-розовыми потеками. Мокрыми оказались даже кроссовки, а на лицо нельзя было без смеха смотреть.

Скоро они насытились до такой степени, что со стоном повалились на песок. В радиусе пяти метров вокруг валялись обгрызанные корки, и тут же откуда-то появились мухи и осы. Насекомые облепили недоеденные куски арбузов, и Филипп лениво проговорил:

— Скоро они доберутся и до нас. Надо найти ручей и умыться.

— Потом,— сонным голосом ответил Кинтохо и перевернулся на другой бок.

По мере того как солнце поднималось по небосклону, становилось все жарче. Филиппа с Кинтохо вконец разморило,

и они начали засыпать. Пока мальчишки ворочались, выбирали поудобнее, на подсохший арбузный сок налипло столько песка и мелкого мусора, что ребята стали походить на песчаные холмики. Благодаря этому под деревом их не было заметно. Они совершенно слились с ландшафтом, и все же поспать им не удалось.

— Это кто же к нам пожаловал? — услышали они злой, вкрадчивый голос. Филипп с Кинтохо одновременно сели, испуганно огляделись, но никого не увидели. — Это кто же без спросу пользуется нашей тенью? Это кто же под нашим деревом нагло жрет наши арбузы, а потом еще и свинячит?!

Последняя фраза прозвучала особенно грозно, и ребята вскочили как ошпаренные. Ни за деревом, ни на дереве, ни впереди, ни сзади никого не было, и они медленно, шаг за шагом начали пятиться.

— Откуда взялись эти человеческие поросята? — продолжал вопрошать невидимка.

— Человеческих поросят не бывает, — крикнул в пустоту Филипп.

— Да? А ты иди посмотришь в лужу, — ответил невидимка.

— Ты кто такой?! — задиристо крикнул подменыш. Он снял с плеча лук, вложил в него стрелу, но угрожать было некому.

— Кто я такой, известно каждому в этом лесу, — ответил голос, который неожиданно переместился за спины мальчишек. Ребята резко развернулись и снова никого не увидели. А невидимка, словно потешаясь над ними, прорычал: — А вот вы кто такие? Сколько лет здесь живу, ни разу вас не видел.

— Я приемный сын кикиморы, Кинтохо-подменыш из соседнего леса, — с вызовом ответил Кинтохо. Не опуская лука с натянутой тетивой, он продолжал крутиться на месте, а голос на этот раз раздался совсем с другой стороны:

— Чем докажешь, что ты сын кикиморы? Для нечистой силы ты слишком похож на человека. Хотя и очень грязного.

— У меня есть несколько доказательств,— ответил подменыш.— Но я могу сказать их только на ухо. А у тебя, я смотрю, нет даже уха. Или ты боишься показаться?

— Наглый мальчишка! — страшно возмутился невидимка.— Я самый могущественный дэв в этой части сказочного леса. Хозяин этих мест и всего, что здесь произрастает. В том числе и арбузов, которые вы у меня украли.

Неожиданно прямо перед ребятами из воздуха возник необыкновенно уродливый, заросший шерстью громила. Руки у него были длинные, со страшными железными когтями. Из раскрытой пасти торчали огромные желтые клыки, а глаза полыхали красным огнем. Из одежды на дэве был лишь широкий шелковый пояс, за которым висел многопудовый кривой меч и такая же тяжелая палица.

— М-мама моя! — едва не грохнувшись от страха на землю, пролепетал Филипп.

— Да, мама здесь не помешала бы,— так же тихо произнес Кинтохо.— И дядюшка упырь, пожалуй, пригодился бы.

— Поздно маму вспоминать,— зарычал дэв.— Давай говори свое доказательство. Но смотри, если оно мне не понравится, я сожру вас вместе с арбузными корками, которые вы набросали под моим деревом.

— Понравится,— не дрогнув, ответил подменыш.— Еще добавки просить будешь.

Надо сказать, что своей отвагой Кинтохо поразил хозяина этих мест. Лесной забияка так дерзко отвечал дэву, что у того во взгляде появилось что-то вроде уважения. А смелый подменыш уверенно подошел к страшилищу, попросил наклониться пониже и подставить огромное волосатое ухо. Затем он набрал в легкие побольше воздуха, пошире раскрыл рот и так завизжал, что Филипп закрыл уши ладонями и отпрыгнул в сторону. От этого чудовищного вопля дэв упал на колени, накрыл голову руками и жалобно запричитал:

— Все! Все! Я верю! Верю!

— То-то же, — самодовольно усмехнулся Кинтохо и добавил: — Ну что, второе доказательство нужно предъявлять?

Совершенно оглохнув, дэв не услышал его. Он хлопал себя по ушам, мотал головой и не переставая бормотал:

— Что ты наделал? Я ничего не слышу! Что ты наделал? Черт меня дернул подойти к вам!

— Надо бежать, — быстро проговорил Филипп.

— погоди, успеется, — остановил его подменыш.

Обманув страшилище, Кинтохо сделался очень важным. Ему явно хотелось подольше покрасоваться перед своим спутником. А Филипп схватил его за руку и умоляюще попросил:

— Бежим, потом будешь выпендриваться. Он скоро придет в себя и тогда...

— Ох! Я уже пришел в себя, — неожиданно отозвался дэв и тяжело поднялся с колен. — Да, очень серьезное доказательство. До сих пор звенит в ушах. Теперь я понял, что ты сын кикиморы, и, наверное, самой поганой кикиморы на всем белом свете. Такого гаденыша надо еще суметь воспитать. А ты чей сын? — обратился он к Филиппу.

— Я? — Застигнутый врасплох, Филипп растерялся. — Я ничей. Вернее, чей-то, но не кикиморы.

— Это племянник дядюшки упыря, — пришел ему на помощь подменыш.

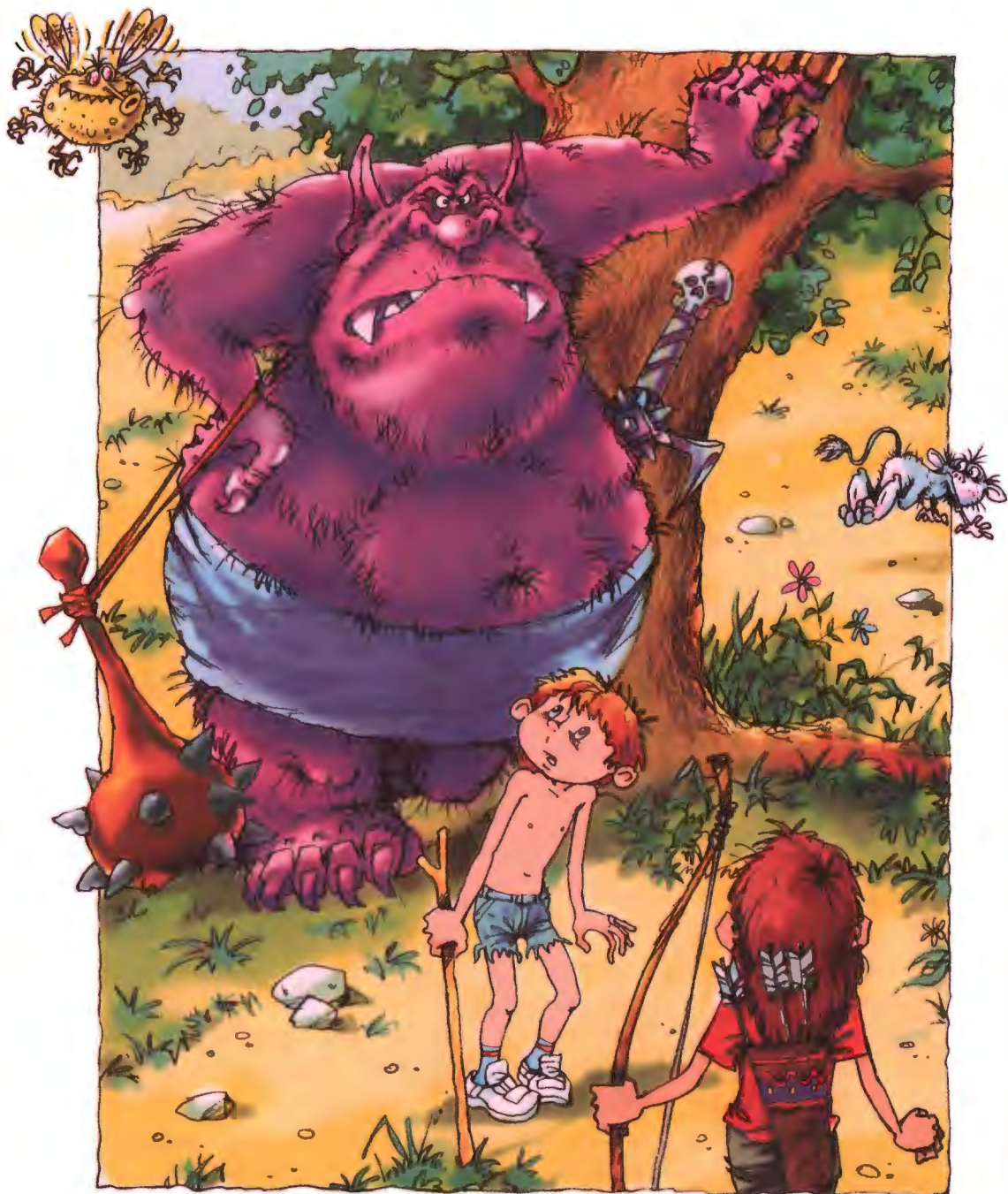
— Да, племянничек, — пробормотал Филипп. — Вот, встал из могилки. Очень арбуза захотелось. А то все жабы да жабы.

— Подставь ему второе ухо, и он докажет, что это правда, — сказал Кинтохо и заговорщицки подмигнул Филиппу.

— Не надо! — испугался дэв. — Я уже убедился, что вы способны на любую мерзость. И с твоим дядюшкой я неплохо знаком. Отпетый паразит. Тьфу! Одна облезлая рожа чего стоит. Так что с дядюшкой тебе сильно повезло. Передавай ему привет и всяческие пожелания: чтобы поскорее облысел, ослеп, оглох и скрючился.

Дверь со скрипом отворилась и на крыльцо вышли двое: один — кряжистый старикан с длиннющей зеленой бородой. Вторым же оказался... Кинтохо.

Неожиданно прямо перед ребятами из воздуха возник необыкновенно уродливый, заросший шерстью громада.

— М-мама моя! — едва не грохнувшись от страха на землю, пролепетал Филипп.

— Спасибо, обязательно передам, — поблагодарил Филипп.

— Ну ладно, — подобрев, проговорил дэв и посмотрел под дерево, где валялись арбузные корки. — Так и быть, по старой дружбе уберу сам. В конце концов, вы же гости.

Дэв хлопнул в ладоши, сказал: «абалама-ахлама-улама», и рядом с ним образовался песчаный вихрь высотой с пятиэтажный дом. Он быстро докатился до дерева, под которым ребята завтракали, вобрал в себя корки и, раскачиваясь из стороны в сторону, унесся вдаль.

— Здорово! — с восхищением воскликнул Филипп.

— Это здорово? — презрительно оттопырив нижнюю губу, удивленно спросил дэв. — Ты что, никогда не видел волшебства?

— Видел, — смутился Филипп.

А подменыш, чтобы спасти положение, выкрикнул:

— Дядюшка упырь совсем недавно его уплемянничал. Неграмотный еще. Ничего, пооботрется, научится, глядишь, и станет нормальной нечистью.

— А ко мне в гости зачем пожаловали? — начиная подозревать, что его обманывают, поинтересовался дэв.

— Ночью гнались за одним очень вредным лесовиком и заблудились, — продолжал сочинять Кинтохо.

— Мы идем к Черному Камню, — честно признался Филипп.

— Зачем? — удивился дэв.

— Этот вредный лесовик, за которым мы гнались, живет как раз у Черного Камня, — быстро ответил за Филиппа подменыш.

— Может, вы подскажете, как туда добраться? — попросил Филипп.

— Ладно, — согласился дэв.

И тут Филипп заметил что-то странное и едва уловимое во взгляде дэва. Он напряженно вглядывался в лицо Кинтохо и пытался понять, чего тот хочет. От усердия дэв даже раскрыл пасть и подался вперед. Филипп резко обернулся

и успел заметить, как его провожатый отрицательно покачал головой. Филипп обо всем догадался.

Потеряв от возмущения всякий страх, Филипп едва не бросился на подменыша с кулаками, но вовремя остановился. Он лишь смерил обоих уничтожающим взглядом, в сердцах тихо чертыхнулся и зашагал прочь. Кинтохо, которому Филипп опять поверил, дал дэву знак, чтобы тот не объяснял дорогу к Черному Камню. Очередное предательство подменыша так разозлило Филиппа, что он даже не стал выяснять, в какую сторону идти: «Еще раз попадется мне на пути, я его изобью. Бывают же такие! И как это предатели не стесняются предавать?!»

— Эй, упыреныш! — вдогонку ему гаркнул дэв. — Ты куда? Я пока не разрешил тебе уйти.

— А мне и не надо вашего разрешения, — дерзко ответил Филипп.

В одно мгновение хозяин окрестных мест оказался впереди него и загородил дорогу. Но Филипп не растерялся. Он вспомнил заклинание, хлопнул в ладоши и быстро произнес: «абалама-ахлама-улама». И тотчас перед ним образовался гигантский песчаный вихрь. Он подхватил дэва, закружил его и унес вдаль. Филипп отправился дальше.

— Постой, — бросился за ним вдогонку Кинтохо. — Ты ничего не понял!

— Я все понял, — не оборачиваясь, сквозь зубы проговорил Филипп. — Если встретишь еще какое-нибудь страшилище, передавай привет от моего дядюшки упыря. А я пошел. Пусть меня лучше сожрут в лесу. А ты так никогда и не станешь человеком.

— Ничего-то ты не понимаешь, — остановившись, печально произнес подменыш.

Филипп шел на закат, широко размахивал руками и старался не глазеть по сторонам, чтобы не отвлекаться и не терять драгоценного времени. В лесу, где они с Кинтохо встретили дэва, он потерял целых полдня и сейчас торопился. Он был уверен, что подменыш специально завел его в эти места, чтобы помешать вовремя попасть к Черному Камню. «И зачем этот тип таскается за мной?» — размышлял он. — Чего он хочет? Хотя дураку понятно, что Кинтохо все время старается помешать мне. А врал-то, врал, что был здесь всего один раз. Что мы попали сюда случайно. Правильно говорят: «Яблоко от яблони не далеко падает». Такой же подлый, как кикимора. Одно слово — нечисть».

Постепенно горячий песок и камни под ногами сменила земля, а вместо незнакомых плодовых деревьев начали появляться более привычные осины, тополя и клены. Арбузный лес остался далеко позади, вокруг на открытых местах росла высокая сочная трава и много разных полевых цветов. Когда же солнце опустилось до верхушек деревьев и спала дневная жара, из листвы начали выпархивать крохотные крылатые существа в длинных белых балахончиках. Они собирались небольшими стайками, играли в догонялки, и часто до Филиппа доносился их мелодичный смех. Несколько раз воздушные игрушки принимались кружить над Филиппом, и он сумел хорошенько рассмотреть их. Они были почти прозрачными, походили на человечков и имели очень веселый нрав.

— Вы кто? — поинтересовался Филипп, когда в очередной раз у него над головой зависла целая компания.

— Эльфы, — тончайшим голосом ответило сказочное создание. — Мы живем на этих деревьях и цветах. А что делаешь здесь ты?

— Разве не видишь? Я иду, — ответил Филипп. — Если бы умел, как вы, летать, давно бы улетел.

— А почему ты такой грязный? — спросил другой эльф, и вся стайка залилась смехом.

— Не ваше дело, — грубо ответил Филипп и замахал на эльфов рукой. — Кыш, кыш, мелкота! Я тороплюсь. Отстаньте.

Вскоре Филипп заметил густые заросли неизвестного кустарника. Еще через сотню шагов он почувствовал знакомую прохладу, какая бывает поблизости от рек и ручьев. Несколько часов на жаре изрядно утомили, он изнывал от желания поскорее добраться до воды и потому нашел в себе сил прибавить шаг.

Филипп уже слышал журчание ручья, радовался, что наконец напьется и хорошенько вымоется. Не сбавляя скорости, он нырнул в заросли и тут же понял, что сильно поторопился. Сразу за кустами начинался глубокий овраг с крутым склоном.

Не успев ухватиться за ветки, Филипп поскользнулся, упал на спину и словно на санках покатился вниз. По пути он несколько раз ударялся о деревья, насажал себе синяков и шишек и остановился, только когда свалился в холодную воду.

Филипп выбрался на заросший бережок, почесал ободранное колено и с досадой произнес:

— Как же мне не везет!

— Ему не везет! Ему не везет, — раздались совсем рядом тонкие голоса.

— Он ушибся, бедненький!

— Он ушибся? Он просто не знает, что воды нашего ручья заживляют любые раны.

— Конечно, не знает. Вы только посмотрите на него. Он же грязнуля!

Прислушиваясь к голосам, Филипп пытался разглядеть разговорчивых обитателей ручья. Но в тенистом овраге было сумрачно даже солнечным днем, и тогда Филипп спросил:

— Кто здесь?

— Мы здесь, — послышалось отовсюду. — Мы, наяды.

Решив, что существа с такими голосами не могут быть крупными и кровожадными, а значит, не сделают ему ничего плохого, Филипп снова вошел в воду. Он наклонился и, осторожно ступая, медленно пошел по течению ручья. Но увидел впереди только несколько всплесков, как будто в воде резвились мелкие рыбешки. А затем все стихло.

— Ну и прячьтесь, — сказал он.

Филипп напился из пригоршни, потом хорошенько вымылся, а заодно промыл ссадины. Он не успел выбраться на берег, как понял, что у него на теле не осталось ни единой царапины или синяка. «Вот это водичка! — поразился Филипп. — Значит, правду эти наяды говорили. Настоящая живая вода. Эх, жаль, не во что набрать. Вот бы привезти такой воды в Москву. Я бы стал самым известным доктором на свете. Я бы...»

Позади него раздался смех, и одна из сказочных обитательниц ручья нежнейшим голоском сказала:

— Наверное, он идет к Черному Камню.

— Глупый, он не знает главного, — ответила другая.

Филипп замер на месте и с тревогой ждал, что наяды скажут дальше. Они явно знали какую-то тайну, о которой до сих пор ему никто не сказал. Но тут на берегу послышался какой-то шум, и ручьевые девы вмиг попрятались.

Филипп поднял глаза и увидел седобородого карлика в длинном до пят плаще. Ростом он был не больше полена, но необычайно коренаст и подвижен. Филипп не знал, пугаться ли ему жителя этого леса или нет. А карлик суетливо поприветствовал его и поинтересовался:

— Что, заблудился, чума-холера?

— Упал, — ответил Филипп и показал вверх. — Вообще-то мне надо к Черному Камню. Я очень тороплюсь. Вы не могли бы сказать, как туда добраться?

— Ах, тебе нужен камень, чума-холера? — чему-то обрадовался карлик. Он, словно заправский иллюзионист, выхватил что-то из воздуха и раскрыл ладонь. Невиданных размеров

бриллиант был настолько чистым, что даже в полумраке оврага испускал тончайшее свечение. — Этот подойдет? — спросил карлик.

— Нет, мне нужен черный, — ответил Филипп. — И на-верное, тот камень побольше.

— Ты отказываешься от моего лучшего бриллианта, чума-холера? — опешил карлик. Он вдруг забежал по берегу, принялся размахивать руками и возбужденно говорить: — Значит, ты тот, кто мне нужен. Я давно ищу честного, бескорыстного помощника, чума-холера! Оставайся у меня навсегда, и я покажу тебе много камней — белых и черных, красных и зеленых. А еще я дам тебе столько золота, что ты будешь в нем купаться, чума-холера.

— Спасибо, — поблагодарил Филипп. — Только я привык купаться в воде. Да и что я буду делать с этим золотом?

— Как что, чума-холера?! — подпрыгнув от негодования, воскликнул карлик. — Владеть! Разве ты не хочешь быть богатым? Самым богатым в этом лесу? После меня, конечно, чума-холера.

— Зачем мне золото и камни, если я никогда больше не увижу маму, папу, друзей и мою собаку Джима? — ответил Филипп.

— Ты настоящий сумасшедший! — закричал карлик. — Ты отказываешься от несметных сокровищ ради какой-то паршивой собаки, чума-холера! Да на эти сокровища ты сможешь купить сто миллиардов таких собак! И еще двести миллиардов кошек, мышек, птичек и рыбок! Правда, я не разрешу тебе потратить даже один золотой на такую ерунду, чума-холера, — тихо добавил он.

— А почему вы хотите отдать эти сокровища мне? — спросил Филипп.

— Ты мне сразу понравился. У тебя честное лицо и подходящий рост. — Карлик опасливо глянул в разные стороны и, понизив голос, продолжал: — Здесь ведь живут одни жулики

и воры, чума-холера. На прошлой неделе ко мне в пещеру заглянул знакомый тролль. И что ты думаешь? Этот негодяй спер у меня три самых лучших рубина, чума-холера! Хорошо, что я догадался его обыскать, а то бы унес.

— Вы обыскиваете своих гостей? — удивился Филипп.

— А как же?! — горячо ответил карлик. — Если бы я этого не делал, давно бы стал нищим, чума-холера. Это не гости, а бандиты и мерзавцы! Все время норовят что-нибудь утащить!

— Зачем же вы выбираете себе таких друзей? — спросил Филипп.

— Я выбираю?! — возмутился карлик. — Да никого я не выбираю, чума-холера! Я родился и вырос в этом лесу. А из кого здесь выбирать? Одна нечисть!

— Извините, мне пора, — Филипп виновато развел руками, — я очень тороплюсь.

— Глупый мальчишка! — неожиданно разозлился хранитель подземных сокровищ. — Ты даже не представляешь, от чего отказываешься! Ты не знаешь, кого обидел своим отказом, чума-холера! Я могу превратить тебя в камень, а затем стереть в порошок, заточить в подземелье и продержать тебя там целых тысячу лет! — Размахивая руками, карлик начал наступать на Филиппа, и тому ничего не оставалось, как поглубже зайти в воду. — Я могу скормить тебя волкам, чума-холера! — потрясая кулаками, продолжал грозиться карлик.

— А я могу... — набрался смелости Филипп, но не успел сказать, что именно он может.

Коротышка взмахнул рукой, выхватил из воздуха веревку и швырнул в него. Филипп не успел увернуться. Веревка, словно живая, стала обматываться вокруг него, и за какое-то мгновение он оказался связанным по рукам и ногам.

— Не хотел добровольно, возьму тебя силой, — поглаживая седую бороду, довольно проговорил карлик.

— Да что я вам сделал? — тщетно пытаюсь освободиться, испуганно воскликнул Филипп. Сейчас он был похож

на кокон, из которого весной вылупляются бабочки. И только голова оставалась свободной.

— Дурачок, я хочу сделать тебя самым счастливым в этом лесу, чума-холера, — объяснил карлик. Осторожно ступая по мелкой воде, он подобрался к Филиппу, аккуратно повалил его и поволок на берег.

— Смотрите, потащил, потащил, — снова раздались тонкие голоса ручьевых дев.

— Значит, еще одного сделает каменным счастливчиком.

— Цыц, головастики! — прикрикнул на них карлик.

— А я не хочу, чтобы вы делали меня счастливым! — на весь лес завопил Филипп. — Я хочу домой!

— Понимаю, чума-холера, — кряхтя от натуги, проговорил карлик. — В этом лесу почему-то никто не желает быть счастливым. Все только и думают, как бы сделать друг другу пакость. А ведь это неправильно, чума-холера. Я наговорил тебе гадостей, ты наговорил мне, в результате мы оба чувствуем себя униженными и оскорбленными. А надо наоборот. Ты сделал мне хорошо, а я тебе. И мы оба счастливы, чума-холера. Правильно я говорю?

— Говорите вы, может, и правильно, — устав бороться, согласился Филипп. — Только сейчас вы не делаете мне хорошо. Вы меня связали и насильно тащите. Поэтому я чувствую себя униженным и оскорбленным.

— Это скоро пройдет, — со знанием дела ответил карлик. Наконец он выволок Филиппа на траву, легонько пнул ногой в бок и присел на него передохнуть. — Просто ты еще не знаешь, что такое хорошо, а что такое плохо, чума-холера. Вот и приходится тебя насильно осчастливливать. Погоди, ты еще мне спасибо скажешь.

— Не скажу, — едва сдерживая слезы, произнес Филипп.

Он понял, что на этот раз попался по-настоящему. Никакой защиты от волшебства карлика у него не было. Возможности освободиться от пут — тоже. Это означало, что он

не успеет вовремя добраться до Черного Камня и навсегда останется в сказочном лесу.

— Еще как скажешь, — рассмеялся хранитель лесных сокровищ. — Если будешь себя хорошо вести, я тебя усыновлю, чума-холера. А лет так через сто, когда я умру, тебе достанутся все мои богатства. Вот тогда ты и поймешь, кто из нас был прав.

— Я сто лет не проживу, — едва слышно проговорил Филипп. — Я обыкновенный человек из другого мира.

— С таким богатством обязательно проживешь, — успокаивал пленника карлик. Он поднялся, ухватился за веревку и потащил Филиппа к могучему, в два обхвата, дереву. — Что там сто лет, чума-холера? Как только ты увидишь груды золота и драгоценных камней, тебе захочется прожить не сто, а тысячу лет. А то, что ты простой человек, не страшно. Это даже лучше. Простой человек еще больше должен любить золото, уж я-то знаю, чума-холера, — приговаривал он. — Моя пещера рядышком. Еще несколько шагов, и мы дома.

— Я все равно не останусь у вас жить! — сквозь слезы проговорил Филипп. — Меня ждут дома. Я сбегу. — Он посмотрел вверх, где среди густой листвы виднелся маленький, всего с тарелку, кусочек голубого неба, и подумал, что, возможно, видит его в последний раз.

— От меня так просто не убежишь, чума-холера, — ответил карлик. — Чтобы выйти из моей подземной пещеры, надо знать заклинание. А я тебе его не скажу. И вообще помолчи, чума-холера. А то я тебя поколочу. У меня в пещере уже стоят несколько таких, как ты, непослушных гостей. Когда-то я их так же пригласил к себе, а потом пришлось превратить в камни. Так что будь умницей, чума-холера.

Наконец карлик подтащил своего пленника к дереву, и между двух толстых корней Филипп увидел что-то вроде входа в звериную нору. Из нее пахло сырой землей, прелыми листьями и дымом.

— Тебя как лучше пропихнуть, вперед головой или ногами?
— любезно спросил карлик.

— Отпустите меня, пожалуйста! — взмолился Филипп. — Я не хочу быть счастливым, не хочу быть каменным, не хочу жить тысячу лет под землей.

— Маленький, тупой человечешка, чума-холера, — разозлился карлик. Он пару раз несильно пнул Филиппа ногой и добавил: — Не отпускаю, и не думай даже. Счастье надо добывать своими руками, вот я и добываю его — за тебя и за себя. А ты замолчи и слушай, что тебе говорят, чума-холера.

Карлик взял пленника за голову и стал проталкивать его в нору. Когда же Филипп по колено ушел под землю, произошло то самое чудо, о котором он мог только мечтать. Откуда-то со свистом вылетела стрела и ударила подземного похитителя прямо в лоб. Стрела сломалась и обломки ее упали на землю, а карлик выронил свою ношу и с воем закрыл лицо руками.

— Ай-яй-яй! — от боли закричал карлик. Затем он вытянул Филиппа из пещеры, нырнул туда сам и потянул его за ноги. Но еще одна стрела попала ему в руку, и карлик с воплем скрылся в темной норе.

Филипп повернул голову и посмотрел на обломки стрелы. Он сразу узнал ее. Точно такую он видел у Кинтохо. «Опять он здесь», — на этот раз без всякой злости подумал Филипп. Наоборот, он ужасно обрадовался, глядел во все глаза, но подмеша нигде не было видно. Скорее всего, тот прятался в густой листве и выжидал.

Несмотря на плачевное положение, гордость не позволяла Филиппу первым позвать своего избавителя. Он лежал на земле, разглядывал листья на дереве и ждал, когда появится Кинтохо.

Между тем начало смеркаться. В листве дерева возникли два круглых огонька, и Филипп понял, что это чьи-то глаза. Затем кто-то прошептал ему на ухо: «Бедненький...» Послышался шорох убегающих шагов и смех. Лежать связанным и не иметь

возможности убежать было невыносимо. Филипп еще надеялся, что подменыш развяжет его, но тот не появлялся.

Где-то рядом птица громко захлопала крыльями, и раздался такой пронзительный крик, что у Филиппа не выдержали нервы.

— Кинтохо! — закричал он. — Кинтохо, следопыт липовый! Развяжи меня!

После этого надолго воцарилась тишина. Ее нарушало лишь какое-то тихое шуршание в листве и едва слышное журчание ручья. Филипп догадывался, что подменыш дожидается, когда он начнет его умолять.

Наконец Филипп не выдержал, собрал все силы и заорал:

— Ну и проваливай! Не нужна мне твоя помощь! Предатель!

Слева зашелестела листва. Филипп от неожиданности замер и мысленно приготовился к самому худшему: вот сейчас появится какое-нибудь лесное страшилище. Но из кустов выбрался улыбающийся Кинтохо. Подменыш был все такой же грязный. Песком и листьями облеплены были даже лицо и всклокоченные волосы, и Филипп узнал лесного бродягу только по футболке.

Кинтохо небрежной походкой подошел к своему связанному спутнику и притворно удивился:

— Что это с тобой? Ты обмотался веревкой, чтобы не замерзнуть ночью? — Он потрогал путы и покачал головой. — Отличная получилась одежда. А какое странное место ты выбрал для ночевки. Ты бы еще у входа в пещеру дракона прилег.

— Хватит издеваться! — крикнул Филипп. — Или помощи, или вали отсюда!

Подменыш обошел Филиппа, подобрал обломки стрелы и сокрушенно проговорил:

— Сломалась. Какой крепкий лоб у этого карлика. Знаешь, как трудно их вытачивать? — Он сел рядом с Филиппом, похлопал его по животу и добавил: — Лежи-лежи, вернется карлик, я помогу затолкнуть тебя в нору.

— Уйди, — стиснув зубы, тихо проговорил Филипп.

— Да ладно, уж пошутить нельзя. — И Кинтохо принял-ся его развязывать. — Так торопился к тебе на помощь, даже умыться не успел. А ловко ты дэва отправил за горизонт. Я бы не догадался.

Филипп ждал, когда его развяжут, и молчал. Он все еще злился и не знал, как себя вести с подменышем. «Спас-то он меня спас. Но, возможно, готовит новый коварный план». Поэтому Филипп решил держать ухо востро и не очень полагаться на своего спасителя.

Темнота быстро опускалась на землю. Ребята поднялись с земли, и подменыш сказал:

— Быстро идем наверх. Там проходит граница между двумя сказочными лесами. А на границе нечисть не часто появляется. Если повезет, ночью нас никто не тронет.

В ответ Филипп неопределенно пожал плечами. Он, конечно, последует за Кинтохо... Но в этот момент со стороны ручья показалось какое-то крупное животное. В слабом свете уходящего дня Филиппу даже удалось рассмотреть зверя. У него было тело тигра. На голове торчали два витых рога, но самым страшным оказалось то, что у лесного чудовища было почти человеческое усатое лицо.

Увидев мальчишек, зверь издал душераздирающий крик, и подменыш даже присел от страха.

— Мантикора! — хрипло проговорил он. — С этой звероюй лучше не связываться. Она достанет и на дереве. Проглотит целиком, вместе с луком и колчаном. Давай в пещеру к карлику. Больше мы никуда не успеваем.

Кинтохо попятился назад, встал на четвереньки и нырнул в нору. Филипп промешкал, мантикора подошла совсем близко. Она сжалась перед броском, разинула ужасную пасть, но подменыш опередил ее. Он дернул Филиппа за ноги, тот упал, и Кинтохо мгновенно втянул его в пещеру.

Едва мальчишки спустились в пещеру, как мантикора просунула туда огромную морду, закрыла собой и без того слабый свет, и они оказались в кромешной темноте. Видны были только горящие глаза зверя, и Кинтохо с досадой проговорил:

— У этой обжоры три ряда зубов, а сзади — скорпионий хвост. Такую даже мои стрелы не возьмут. Здесь требуется оружие посильнее.

— Дубина? — спросил Филипп.

— Сам ты дубина, — ответил подменыш. — Лучшее оружие против мантикоры — это длинные ноги.

Неожиданно зверь пронзительно закричал, и, чтобы не оглохнуть, Филиппу с Кинтохо пришлось заткнуть уши.

— Может, треснуть ей по физиономии, чтобы не вопила? — предложил Филипп.

— Не стоит, — ответил подменыш и прислушался. А мантикора, чтобы добраться до ускользнувшей добычи, принялась раскапывать мощными лапами вход в подземелье. — Мы только еще больше разозлим ее, и она быстрее начнет копать. Надо сматываться, и поскорее. Слышишь, как пыхтит? Еще немного, и будет поздно. Так что полезли дальше.

Подменыш протолкнул Филиппа в тоннель, который вел в подземные владения карлика, и тут же последовал за ним.

По тоннелю мальчишкам пришлось ползти вслепую и на четвереньках. С потолка подземной норы свисали целые джунгли тонких корешков. Они касались лица, щекотали плечи и спину, и Филиппу начинало казаться, что по нему ползают тысячи насекомых. Это было ужасно противно, но повернуть назад он не мог из-за Кинтохо, который все время подталкивал его сзади.

Вскоре Филипп ткнулся головой в стену и остановился. Это была развилка — два узких прохода расходились в разные стороны.

— Как ты думаешь, куда нам лучше ползти — налево или направо? — обернувшись, спросил Филипп.

— Не знаю, — ответил Кинтохо. — Нам ведь только переночевать, а утром мы отправимся дальше. Хорошо бы найти тупичок и завалиться там дрыхнуть.

— А если карлик наткнется на нас, когда мы будем спать? — спросил Филипп.

— Ему же хуже, — хвастливо ответил подменыш. — Ты забыл, как я влепил ему в лоб стрелой? Я устрою ему такую ночь, всю жизнь будет помнить.

— Хватит выпендриваться, — с досадой проговорил Филипп. — Ему стоит только взмахнуть рукой, и он нас свяжет или превратит в камни.

— Посмотрим, кто кого, — пробурчал Кинтохо. — Ползи налево.

Подземелье карлика оказалось таким длинным и запутанным, что мальчишки выбились из сил, но так и не нашли подходящего места для ночлега. Останавливаться же посреди тоннеля они боялись. «Кажется, я опять попался, — обливаясь потом, думал Филипп. — Впереди — карлик, позади — зверь. В случае чего, здесь даже некуда бежать. Так и сгину под землей. А что, если Кинтохо все это подстроил? Что, если он заранее договорился с карликом? Вот навязался на мою голову».

— И зачем он выкопал такой лабиринт? — устало перебирая руками и ногами, недовольно ворчал подменыш. — Можно подумать, что за ним кто-то полезет под землю. Встречу, я ему скажу.

Наконец впереди блеснул свет, и Филипп остановился.

— Тихо, — прошептал он. — Кажется, доползли.

— Сам вижу, — ответил Кинтохо. — Потихоньку высунись и посмотри, где хозяин. Если он тебя заметит, прячься. Карлик может заколдовать только того, кого видит.

Филипп прополз еще несколько метров и увидел просторную, но очень низкую пещеру. Она освещалась двумя

смоляными факелами, и при их свете Филипп сумел хорошенько рассмотреть жилище карлика. Пещера была почти пустой, если не считать грубо сколоченного стола, трех стульев и нескольких каменных изваяний. «Это те самые гости», — вспомнил он, и ему сразу захотелось уползти назад.

Хозяина не было видно. В противоположном конце Филипп заметил еще два входа в тоннели и рассудил, что карлик находится в одном из них. Он повернулся к подменышу и поманил его:

— Здесь никого нет.

— Наверное, перебирает золото, — тихо ответил Кинтохо. — Он любит это делать.

— Давай быстренько выскочим, развернемся и поползем назад, — предложил Филипп. — Эта зверюга небось уже ушла.

— Так и будем ползать всю ночь? — возразил ему подменыш. — Нет, я хочу хорошенько выспаться. Карлика мы подстережем у выхода. Скрутим ему руки, чтобы не очень размахивал ими, и завалимся спать. А утром отпустим.

— Может, не надо? — попросил Филипп. — Я бы лучше еще поползал. Очень не хочется становиться булыжником.

— Да ты не бойся, — стал успокаивать его Кинтохо. — Со мной не пропадешь. Действовать будем так: он выходит, ты хватаешь его за одну руку, а я за другую. Главное, держи крепче, а то останешься здесь навсегда.

Мальчишки заползли в пещеру и подобрались к выходам напротив. Они долго прислушивались, в каком тоннеле находится хозяин, затем встали по обеим сторонам тоннеля и застыли в ожидании.

Стоять им пришлось долго. Очевидно, карлик пересчитывал свои несметные сокровища и не торопился выходить. Филипп уже начал клевать носом, когда подменыш прошептал:

— Идет!

Хранитель подземных кладов явно возвращался с тяжелой ношей. Он натужно кряхтел, изредка чем-то позвякивал и громко отдувался. Когда карлик показался из тоннеля, Кинтохо

оглушительно завизжал ему в ухо и повис на руке, в которой хозяин пещеры тащил за собой увесистое золотое блюдо.

— Хватай за вторую! — крикнул подменыш, но Филипп, ошалев от его визга, промахнулся и вместо руки вцепился в золотой кубок. Мальчишек спасло то, что хозяин подземелья на время оглох и не сразу пришел в себя. Он втянул голову в плечи, затряс ею, и Филипп вовремя успел исправить ошибку. Он отшвырнул тяжелый кубок, схватил карлика за вторую руку, и они с Кинтохо потащили хранителя сокровищ к столу. Здесь они усадили его на стул, и подменыш сказал:

— Мы не грабители, нам не нужно твое золото. Мы просто хотим поспать, а наверху гуляет мантикора. Ты не будешь против, если мы у тебя переночуем?

— Нашли кого пугаться, чума-холера, — сообразив, что никто не собирается его грабить, ответил карлик. — Если мантикоре наступить на хвост, она становится послушной и кроткой, как ягненок. Правда, сделать это очень не просто. Вам это не под силу, чума-холера. Так что ночуйте сколько хотите, — глядя то на одного, то на другого непрошеного гостя, разрешил хозяин подземелья. — Я как раз собирался поужинать. Могу и вам предложить. Я добрый. Так что чувствуйте себя как дома, чума-холера. А утром я каждому подарю по драгоценному камню. Самому лучшему.

— Нам не нужны твои разноцветные стекляшки, — ответил Кинтохо. — Мы хотим спать.

— Конечно-конечно, чума-холера, — как можно радушнее проговорил карлик. — Отпустите меня, и я постелю вам постель из свежего сена.

— Да, как же, так мы тебе и поверили, — усмехнулся подменыш и сказал своему спутнику: — Ему надо связать руки, вот только нечем. Мы не взяли с собой веревку.

— Я могу дать вам какую угодно веревку, чума-холера, — вкрадчивым голосом предложил карлик. — Только отпустите меня и получите все, что хотите.

Коротышка взмахнул рукой, выхватил из воздуха веревку и швырнул в Филиппа. Веревка, словно живая, стала обматываться вокруг него, и за какое-то мгновение он оказался связанным по рукам и ногам.

Мальчишки выбрали наполовину заполненный сундук, подняли хозяина подземелья и положили поверх посуды.

— Если будешь шуметь, мы закопаем сундук и никому не скажем, что ты здесь.

— Не вздумай освободить, — торопливо проговорил Филипп. — Он нас обманет.

— Ты считаешь меня идиотом? — возмущенно воскликнул Кинтохо.

Они напряженно думали, что делать дальше. Связать хитрого хозяина пещеры было нечем, отпускать нельзя. Кроме того, каждый из ребят в одиночку не сумел бы справиться с сильным карликом. Им ничего не оставалось, как сидеть рядом и вдвоем удерживать его.

— Интересно, сколько мы так вытерпим? — сказал Филипп.

— Не знаю, — сообразив, как непредусмотрительно они поступили, ответил подменыш.

— Вы глупые, маленькие дураки! — рассмеялся хранитель подземных сокровищ. — Попались, чума-холера! Теперь вам придется держать меня, пока я не умру. А умру я очень не скоро, лет так через триста. Как только вы уснете, я вас заколдую. Поэтому, пока не поздно, отпустите меня, и, может быть, я вас прощу. Разве вы не видите, что я сегодня добрый, чума-холера?

— Да, добрый, — вспомнив, как карлик едва не утащил его в пещеру, ответил Филипп.

— Вы не знаете, какой я бываю злой, чума-холера. У-у-у! Я такое творю, вся нечисть от меня прячется.

— М-да, придется держать его всю ночь, — сделал вывод Кинтохо. — Вот так поспали!

— А что вы будете делать утром? — издевательски поинтересовался карлик. — Втроем по тоннелю мы не доберемся до выхода, и вам придется меня отпустить. Лучше сделайте это сейчас. Я хочу есть, чума-холера. Специально приволок золотой поднос и кубок. Посидим, покушаем вместе, — ласковым голосом уговаривал он. — Поговорим о жизни, чума-холера. А там посмотрим.

— Нет, я не хочу смотреть, — ответил Филипп и кивнул на каменные изваяния. — Их вы тоже обещали отпустить?

— У меня тогда было отвратительное настроение, — ответил хозяин пещеры. Затем он потянулся к Филиппу и горячо зашептал ему на ухо: — Не слушай этого лесного бродягу, чума-холера. Отпусти меня, я награжу тебя по-царски. Мы подружимся с тобой. Я исполню любое твоё желание, чума-холера. Кажется, тебе нужно к Черному Камню? Я мигом отвезу тебя на собственном горбу. А этот пройдоха не знает дороги. Я точно говорю. Он морочит тебе голову, а потом обманет, чума-холера. Я о нём столько слышал плохого!

— Что он там болтает? — спросил подменыш.

— Предлагает мне предать тебя, — не раздумывая, ответил Филипп. — А за это обещает на собственном горбу отвести меня к Черному Камню.

— Врет как сивый мерин, — спокойно сказал Кинтохо. — Здесь все друг друга предают. Одно слово — нечисть.

Мальчишки сели по обеим сторонам карлика. Каждый помнил, что расслабляться нельзя, крепко держал хозяина под земелья за руку и пытался придумать хоть какой-то выход. А карлик продолжал беспечно рассуждать:

— Ну и сколько вы так выдержите? Только мучаете меня и себя, чума-холера. Если вы меня отпустите, ваши мучения прекратятся. Вон тем уже хорошо. — Он кивнул на изваяния. — И вам будет хорошо. Кстати, сегодня ночью меня обещал навестить знакомый гoblin. Скорее всего, он уже ползет сюда.

— Не навестит, — не очень уверенно ответил подменыш. — У входа торчит мантикора.

— Да гоблина на эту мантикору начхать, — весело проговорил хозяин пещеры. — Он мантикор гоняет по лесу, как зайцев, чума-холера. Вы что, гоблина не знаете?

Сидеть и прижимать к себе руку карлика оказалось очень нелегким делом. Филипп иногда ослаблял хватку, но как только хозяин подземелья пытался вырваться, с новой силой вцеплялся в его руку. Он чувствовал, что не выдержит до утра, обязательно заснет и отпустит пленника. От этих мыслей ему

делалось не по себе. Тогда он встряхивал головой и, чтобы не уснуть, таращил глаза на стену. А хитрый хранитель подземных сокровищ, заметив, что мальчишки устали, изменил тактику. Он перестал уговаривать и пугать, а вместо этого тихим голосом начал монотонно рассказывать совершенно неинтересную историю своей жизни.

Мальчишкам невыносимо хотелось спать. Голос карлика убаюкивал их, и они, как могли, боролись с этим губительным желанием. Несколько раз они даже поднимались и вместе с хозяином подземелья ходили по пещере. Но усталость брала свое, и как только они возвращались на свои места, сонливость одолевала их с новой силой.

— Эх, дураки вы, дураки, чума-холера. — После очередной прогулки карлик уже откровенно праздновал победу. — А ведь я хотел предложить вам целый сундук золота. Представляете? Огромный сундучище чистого золота! Но вместо этого вы получите... — Хозяин пещеры поднял глаза к потолку и мечтательно произнес: — Ох, вы такое получите, чума-холера! В общем, я вам не завидую.

— Сундук с золотом! — вдруг встрепенулся Филипп.

— Да, целый сундук золота, — важно подтвердил карлик. — А теперь я вам дам только фигу с маслом, чума-холера. Нет, с маслом, пожалуй, будет слишком жирно для таких олухов. Фига вам без масла.

— Кинтохо, у него есть сундук! — не обращая внимания на болтовню хозяина подземелья, сказал Филипп.

— Ну и что? — зевая, спросил подменыш.

— Мы можем засунуть его в сундук, запереть на замок и поспать, — ответил Филипп. — Из сундука он не будет нас видеть и ничего не сможет нам сделать.

— Что?! — испуганно воскликнул карлик. — Я не согласен сидеть в сундуке, чума-холера!

— Молодец, Филя! Ну-ка пойдем в твои закрома, — вскочив на ноги, сказал Кинтохо. — Показывай, где сокровища.

— Нет! — завопил карлик. — Я не хочу в сундук! Это самоуправство! И как меня угораздило сказать о сундуке! Вы негодные мальчишки, чума-холера!!

Но ребята уже не слушали его. Они подтащили хранителя сокровищ к тоннелю, откуда он вышел с золотой посудой, и, не отпуская карлика, Филипп полез первым. Подменьш впихнул хозяина в тоннель и последовал за ним.

Ползти втроем было крайне неудобно, но сокровищница оказалась рядом. Здесь, как и в предыдущей пещере, горели два смоляных факела, которые освещали несметные богатства. Увидев их, ребята от изумления застыли на месте и едва не выпустили карлика. Между большими коваными сундуками с драгоценной посудой высились груды золота и самоцветов. Отблески пламени тускло отражались в старом темном золоте, заставляли переливаться всеми цветами огромные камни, и от ослепительного блеска всего этого у Филиппа закружилась голова.

— Ого, сколько хлама натаскал! — воскликнул Кинтохо. — И зачем тебе так много?

— Золота не бывает много, — ответил карлик. — Я самый богатый в этом лесу, чума-холера.

— Богатый, а живешь, как крот, под землей, — усмехнулся подменьш.

— Это не важно, чума-холера, — ответил хранитель сокровищ. — Главное, что у меня это есть, а у тебя нет и никогда не будет.

— Здесь же все равно ничего нельзя купить, — вступил в разговор Филипп и, подражая карлику, добавил, — ветрянка-свинка.

— Золото существует не для того, чтобы его тратить на всякую ерунду, — продолжал карлик. — Я чувствую себя очень богатым, и мне этого достаточно, чума-холера.

— Все понятно, он сумасшедший, — проговорил Кинтохо, и они с Филиппом поволокли хозяина подземелья к сундуку. —

Посидишь на своем богатстве, а утром мы кого-нибудь попросим тебя освободить. Царапина-болячка-йод-зеленка!

— Ну погодите, чума-холера! — злобно проворчал карлик. — Выберусь на волю — я с вами поквитаюсь.

Мальчишки выбрали наполовину заполненный сундук, подняли хозяина подземелья и положили поверх посуды.

— Если будешь шуметь, мы закопаем сундук и никому не скажем, что ты здесь. И придется тебе провести в сундуке много-много лет, — сказал Кинтохо карлику, а затем обратился к Филиппу: — Я говорю «раз-два-три», отпускаем руки и захлопываем крышку.

Так они и сделали.

Благополучно избавившись от хозяина подземелья, ребята хотели было вернуться в пещеру, но тут услышали, как кто-то позвал карлика. Сразу после этого в сокровищницу вошел гoblin. Ростом он был не больше хозяина пещеры, зато уши у него доставали до плеч, а огромный нос свисал до подбородка.

Войдя, гoblin повел носом, подозрительно посмотрел на мальчишек и скрипучим голосом спросил:

— Вы кто такие?

— Мы племянники хозяина, — сразу нашелся подмеш. — Он попросил нас принести к ужину тарелки. А мы никак не можем выбрать. — Кинтохо резво подскочил ко второму сундуку и начал вынимать из него посуду. Он бросал ее на кучи золотых монет и приговаривал: — Слишком грязная, эта какая-то мятая, эта некрасивая...

— А где сам хозяин? — спросил гoblin.

— Скоро вернется, — ответил Филипп и принялся помогать подмешу опустошать сундук. — Он в лес пошел, за угощением.

— Вот! — воскликнул Кинтохо и показал на дно опустевшего сундука.

— Вот то, что нам надо! Иди посмотри, — позвал он гoblin. — С таких тарелок есть одно удовольствие.

Ничего не подозревая, низкорослый гоблин подошел к сундуку, встал на цыпочки и заглянул внутрь. Мальчишки тут же схватили его за ноги, опрокинули в сундук и захлопнули крышку.

— Карлик не соврал, — удовлетворенно произнес подмёныш. — Гоблин действительно припожаловал. Значит, мантикора ушла. Но до утра нам все равно лучше оставаться здесь.

— Кажется, соседний проход ведет в спальню, — предположил Филипп.

— Нет, спать будем на сундуках, — ответил более опытный Кинтохо. — А то еще кто-нибудь придет и освободит их. Вот тогда нам будет не до смеха. Если карлик найдет нас в своей постели, лежать нам на золотых блюдах, как жареным куропаткам. А сейчас давай не будем терять времени, спать осталось всего ничего.

Мальчишки поудобнее устроились на сундуках, вместо подушек подложили под голову кулаки, но не успели сомкнуть глаз, как в сокровищницу вошла жена гоблина. Она была маленькая и уродливая, как и ее муж.

Жена гоблина осмотрелась и удивленно спросила:

— А где хозяин?

— Они с гоблином поползли наверх за продуктами, — мгновенно соскочив на пол, выпалил Филипп. Он бросился к третьему сундуку и стал лихорадочно выкидывать из него золотую посуду. — А мы, любимые племяннички хозяина, приехали из города навестить дорогого дядюшку, диатез-насморк! Идите сюда, посмотрите, такие тарелочки для ужина подойдут?

— Из какого такого города? Какие тарелочки? — сбитая с толку, забормотала жена гоблина.

— Обыкновенные тарелочки, для ужина. Синяк-простуда! — пришел Филиппу на помощь подмёныш. Он услужливо взял гостью карлика под локоток и подвел к сундуку. — Кстати, как там на улице? Еще не рассвело?

— Нет, — ничего не понимая, ответила жена гоблина. — Скоро начнет светать.

— Очень хорошо, — ласково проговорил Кинтохо.

Затем они с Филиппом спрятали в сундук незадачливую гостью и на всякий случай заперли.

— Если и дальше так пойдет, у нас на всех не хватит сундуков, — сказал подменыш. — Давай-ка выбираться из этой норы, пока гоблинов никто не хватился. Чувствую, здесь нам поспать не дадут.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Обратный путь по тоннелю показался ребятам еще более мучительным. Мальчишки устали, хотели спать, а потому ползли медленно и поспели навверх точно к восходу солнца. У выхода из подземелья они подобрали веревку, свернули ее, и Филипп повесил моток через плечо.

На рассвете в лесу было сумрачно, вековые деревья стояли темные и разлапистые, словно грозные, окаменевшие великаны. Внизу тек под обрывом ручей. Над водой стелился молочно-белый туман, а на траве поблескивали капельки росы. Утреннюю тишину сказочного леса нарушало лишь тихое журчание воды да редкие всплески ручьевых дев.

— Я знаю одно место, где можно отлично выспаться, — выбравшись из подземелья, сообщил Кинтохо. — Там нас никто не тронет.

— Мне надо идти, я опаздываю, — зевая, ответил Филипп, хотя ему страшно хотелось упасть тут же под деревом и уснуть.

— Никуда ты не опоздаешь, — уверенно проговорил подменыш. — Это я тебе обещаю.

— Ты уже много раз обещал довести меня до Черного Камня, — вяло произнес Филипп. — Сам не знаю, как жив остался.

— Зато я знаю — как, — бодро ответил Кинтохо и хлопнул Филиппа по плечу. — Тебе осталось два дня и две ночи. Успеем.

Когда мальчишки добрались до лужайки, солнце уже поднялось над деревьями и осветило большую, как стадион, совершенно круглую поляну. Это был удивительный лужок. Трава на нем росла мягкая и шелковистая. Среди сочной зелени виднелось много спелой земляники. Она была такая крупная, что скорее напоминала садовую клубнику. А сладким запахом превосходила все известные Филиппу ягоды и фрукты. Цветы здесь росли такие яркие, словно кто-то специально выращивал и тщательно за ними ухаживал. Над цветами порхали экзотические бабочки самых невероятных расцветок, гудели толстые шмели и пчелы. По краям поляны без страха паслись дикие животные: олени и косули, кабаны и зайцы.

— Как на картинке, — замороженно глядя на все это великолепие, проговорил Филипп.

— Это священный луг, злой нечистой силе сюда вход запрещен, — заявил подменыш и растянулся на траве. — Здесь нельзя обижать друг друга. Нас никто не тронет. Ложись. Сейчас немного полакомимся на земляничном поле, и спать.

Филипп проснулся оттого, что кто-то щекотал ему нос. Он чихнул и открыл глаза. И тут же от него в разные стороны со смехом разлетелись крохотные крылатые существа. Голоса у них были такие тонкие, что больше напоминали комариный писк.

— Кто это? — Филипп ткнул Кинтохо в бок, и его спутник приподнял голову.

Он сладко зевнул, огляделся и ответил:

— Это луговушки. Лакомки, нектар собирают.

— Как здорово! — со счастливой улыбкой произнес Филипп. — Вот бы здесь остаться на всю жизнь.

— Э, да ты уже околдован, — поднимаясь, сказал подменыш. — Это на тебя действуют волшебные чары луга. Пойдем скорее, а то ты и правда останешься здесь навсегда.

Оставляя поляну, Филипп вздохнул и с сожалением сказал:

— Был бы весь сказочный лес таким. Тогда, может быть, и нечистая сила стала чистой и доброй.

— Вся нечисть не может стать чистой и доброй, — ответил Кинтохо. — На то она и нечистая сила. А лес когда-то был именно таким, но потом, когда люди повыгоняли из своих лесов всю нечистую силу, она поселилась здесь.

Мальчишки вышли на тропинку, и только сейчас Филипп заметил, что лес здесь отличается от того, в каком он впервые встретился с подменышем. Не видно было завалов бурелома, трава росла низкой и аккуратной, словно ее подстригали. Да и сама тропинка выглядела более ровной и ухоженной. Изредка ее пересекали другие тропки, но Кинтохо не обращал на них внимания. Он уверенно вел своего подопечного вперед и продолжал рассказывать:

— Ты думаешь, для чего в начале пути живет хранитель сказочного леса?

— Хранитель для того, чтобы хранить, — сразу догадался Филипп.

— Вот именно, — обрадовался подменыш. — Чтобы охранять сказочный лес от людей из вашего мира. А то узнают про него и повадятся: кто за грибами, кто за живой водой, кто за дровами. А кто и просто погулять. За несколько дней от леса останутся одни пеньки да головешки. Да еще начнут изводить нечистую силу всякими амулетами и заклинаниями. Вот и не станет сказочного леса. — Кинтохо говорил таким тоном, что Филипп удивленно посмотрел на него. Лесной бродяга настойчиво поучал его, словно взрослый.

— Тогда почему хранитель пропустил меня? — поинтересовался Филипп.

— А это тайна, которую тебе пока нельзя знать, — ответил подменыш и весело подмигнул Филиппу. — Я вообще знаю много всяких тайн. Вот, например, нечистая сила давно подбирается к волшебному лугу. Только никто из них не догадывается, как туда войти. А я знаю. Если бы я им рассказал, луг перестал бы быть самым безопасным местом в лесу. Ну, тебе-то я могу доверить эту важную тайну. — Кинтохо остановился

под деревом, поманил Филиппа и таинственным шепотом стал говорить ему на ухо: — В день летнего солнцестояния, в самый длинный день в году, с полуночи до рассвета надо отыскать в лесу цветок папоротника. Потом подойти с ним к лугу, выставить перед собой и сказать: «Цветок-цветок, отвори лужок». И поляна будет открыта для всех, даже для злой нечистой силы. Только смотри, никому об этом.

— Не скажу, — пообещал Филипп.

Внезапно над головой у ребят потемнело, словно на солнце набежала грозовая туча. Они глянули вверх и обомлели. Между кронами деревьев появилась огромная морда, да такая отвратительная, что Филипп едва не грохнулся на землю.

— Троль, — тихо проговорил подменыш. — Хотя он и тупой, но лучше с ним не связываться.

— Что ты там говорил про тайну волшебного луга? — словно небесный гром, прозвучал голос тролля.

— Я ничего не говорил, — спрятавшись за дерево, испуганно ответил Кинтохо. — Мало ли, что я иногда болтаю. Ты же меня знаешь, я жуткое трепло.

— Знаю, — зарычал троль и опустил на землю огромную лохматую лапу, но подменыш ускользнул от его чудовищных пальцев и сломя голову бросился бежать.

— Ничего, я спрошу у твоего дружка, — загремел троль. Он схватил ослабевшего от страха Филиппа и поднял высоко над деревьями. Затем он поднес Филиппа к глазам, рассмотрел и разочарованно прорычал: — Какой маленький, плюгавый. Таких мне на завтрак нужно сотни три, а на обед — вдвое больше.

Филипп захлопал носом и стал прощаться с жизнью, но чудовище усадило его в развилку меж двух веток, на макушку самого высокого дерева.

— Если хочешь остаться живым, говори, как зайти на волшебный луг?

Первые минуты Филипп не смог бы выговорить даже собственного имени. Он и не предполагал, что среди нечистой

силы встречаются такие гиганты: «Если здесь днем шастают такие чудища, что же будет ночью?»

Сбежать от такого великана было невозможно, и Филипп решил, что это конец. Глядя на кошмарную морду тролля, он вспомнил волшебную поляну и едва не заплакал от жалости к ней и к самому себе. Выдать тайну чудесного луга такому страшилищу казалось ему ужасным преступлением.

— Кажется, ты ополоумел от страха, — снова громоподобно прорычал тролль.

— Я? Д-да, — пролепетал Филипп.

Ему все же удалось взять себя в руки, и он тянул время, чтобы собраться с мыслями. Он решил ни за что не открывать тайну волшебного луга и попытаться обмануть лесное чудовище. Он даже придумал, как это сделать, но боялся, что тролль возьмет его с собой и будет держать до тех пор, пока не выяснит, что пленник его обманул.

— Может, ты онемел? — устав ждать, зарычал тролль.

Он потянулся к Филиппу лохматой лапой, и тот сразу согласен закивал:

— Я расскажу, расскажу. Только, пожалуйста, опустите меня на землю. У меня от высоты кружится голова. Если я упаду вниз, вы ничего не узнаете.

— Ладно, — немного подумав, согласился тролль и двумя пальцами снял Филиппа с ветки. Затем он опустил его на тропинку, склонил голову к самой земле и прогремел: — Говори. Только не вздумай врать. Прихлопну, как комара.

— Значит, так, — неуверенно начал Филипп. — Вы же знаете, что луг волшебный?

— Знаю, — прорычал тролль. — Хватит задавать мне глупые вопросы! Давай дальше.

— Значит, понимаете, что доброе волшебство можно побороть только чем-то очень злым и противным? — продолжал Филипп. — А для этого надо приготовить наиядовитейшее зелье. Собрать в лесу сто самых больших мухоморов. Вы же знаете:

в крупных мухоморах больше вредных веществ. Затем набрать сто самых бледных поганок и три дня варить грибы в самой болотной воде.

— Самой болотной воде? — переспросил тролль и почесал затылок. — Это что, в самой тухлой, что ли?

— Да, в самой-самой, — ответил Филипп. — На четвертый день зелье надо выпить, пойти к волшебному лугу и прочитать заклинание: «Эники, беники, ели вареники»...

— Погоди, не так быстро, — остановил его тролль. — Я не запомню. Лучше я возьму тебя с собой, а когда зелье будет готово, ты еще раз расскажешь мне заклинание.

— Я не могу с вами! Я тороплюсь! — невольно воскликнул Филипп.

Он вспомнил, как просто удалось удрать Кинтохо, и огляделся. Позади него росли густые кусты орешника и бузины, но огромный тролль легко достал бы его оттуда.

— А тебя никто и не спрашивает, можешь ты или нет, — угрожающе зарычал тролль и снова схватил его.

Он поднялся с земли, сделал всего пару шагов и в мгновение ока оказался у входа в свое жилище. Затем он впустил туда Филиппа и, прежде чем задвинуть вход гигантским камнем, сказал:

— Сиди здесь, я скоро вернусь. Можешь пока развести под котлом огонь.

— А как же я его разведу, у меня нет спичек? — спросил Филипп.

— Рядом с очагом лежат два камня, — ответил тролль. — Ударишь один о другой, искрой подожжешь сухой мох..

Пещера тролля оказалась под стать своему ужасному хозяину. Она была такая огромная, что потолок терялся в непроницаемом мраке, а стены едва виднелись. Посреди пещеры находился потухший очаг из гранитных глыб. Над остывшим пеплом висел чудовищных размеров медный котел, в котором можно было устроить целый плавательный бассейн. Недалеко от очага высилась колоссальная гора дров. Это были стволы и сучья столетних

деревьев. А чуть в стороне действительно лежали два камня, с помощью которых тролль разжигал огонь. Каждый был размером с легковой автомобиль, и Филипп подумал: «Кинтохо прав. Тролль невероятно тупой. Странно, такая большая башка, и так мало в ней мозгов. Да и Кинтохо хорош, бросил меня одного. Это на него похоже. С самого первого дня он только и делает, что оставляет меня нечисти на растерзание. Боже мой, как же надоело спасаться от этих обормотов! Скорей бы домой. Никогда в жизни больше не подойду к этой дурацкой пожарной каланче»...

Оставшись один, Филипп обошел вокруг очага, задрал голову и громко завопил:

— Э-ге-гей!

Под потолком что-то подозрительно зашелестело, и Филипп увидел множество темных точек. Они быстро увеличивались в размерах, и вскоре можно было разглядеть тысячи и тысячи летучих мышей. Филипп спугнул их криком, и летучие мыши сорвались со своих мест. «Ничего себе стайка! Сколько же их здесь?! — со страхом подумал он. — Они же меня съедят!»

Огромный подземный зал наполнился хлопанием перепончатых крыльев и пронзительным писком.

Филипп бросился к горе дров, забился в щель между двух стволов и приготовился отбивать атаку. Но против ожидания атаквали его снизу. Вначале на ствол дерева выползла отвратительная сороконожка размером с поясной ремень. Филипп шарахнулся от нее и забился поглубже. Но тут он увидел, что изо всех щелей поползли десятки таких же гигантских насекомых. Сразу позабыв о летучих мышах, Филипп выпрыгнул из своего убежища и бросился к выходу. На бегу он с ужасом и содроганием представил, как сейчас сверху на него набросятся летучие мыши. Но не успел одолеть и половины пути, как вход в пещеру открылся и в проеме вновь появился хозяин.

— Ты где? — не обнаружив пленника у очага, заревел он.

— Я здесь, здесь! — крикнул Филипп. — У вас под самым носом. Меня чуть не съели летучие мыши!

Троль подслеповато сощурился, протянул лапу и схватил Филиппа.

— Жаль, что не съели. Я не нашел ни одного мухомора и ни одной бледной поганки, — подняв Филиппа до уровня глаз, прорычало чудовище.

— Ну, правильно, — чувствуя себя в лапе тролля куда безопаснее, чем на полу, ответил Филипп. — Вы ведь вон какой огромный, а грибы такие маленькие. Давайте я помогу.

— А если ты убежишь? — недоверчиво проговорил тролль.

— Никогда! — соврал Филипп. — Если уж я взялся вам помогать, то обязательно доделаю это до конца. А вы потом отнесете меня к Черному Камню. Идет?

— Идет, — согласился тролль и добавил: — Все равно в котле от тебя никакого толку. Я на всякий случай привяжу к твоей ноге веревку. Так ты не сможешь сбежать. Ненавижу, когда меня обманывают.

— Пожалуйста, — охотно согласился Филипп. — Я даже сам завяжу на ноге узел. А вы возьмите другой конец и ждите, когда я наберу грибов. Только вначале отнесите меня на то же место. Там столько мухоморов и поганок — просто ужас.

— Ужас я люблю, — одобрительно проговорил тролль.

Очутившись на тропинке, Филипп привязал себя за ногу, но не на два узла, а на бантик. Другой конец веревки он отдал троллю и полез в кусты.

— Вон, вон какой мухоморище! — закричал он. — А вон еще два!

В кустах Филипп быстро избавился от веревки, обвязал ее вокруг большого булыжника и на четвереньках пополз прочь от опасного места. Вскоре он добрался до ручья. Здесь Филипп с удовольствием напился воды, обрызгал любопытную ручьевую деву и выглянул из-за береговой травы.

— Ты куда подевался?! — услышал он страшный рев, от которого попрытались не только ручьевые девы, но и замолчали

птицы. В сказочном лесу повисла напряженная тишина, и никто из его обитателей не решался нарушить ее.

Над деревьями замаячила огромная голова тролля. Он уже подергал за веревку, вытянул из кустов булыжник и сообразил, что его обманули.

— Я тебя проглочу целиком! — озверев от ярости, рычал тролль. — От тебя не останется даже косточек!

Бросив бесполезную веревку, чудовище стало шарить лапами вокруг себя. Тролль снес когтями часть песчаного берега, вырвал несколько молодых деревьев, и Филипп понял, что пора искать более надежное убежище. Пригибаясь, он побежал вдоль ручья, пока не увидел старый, в три обхвата, дуб. На высоте метра от земли на дереве виднелось дупло, в которое Филипп с трудом, но все же протиснулся. Прodelав это за какую-то секунду, он вытянулся во весь рост и замер.

Филипп уже решил, что спасся, как вдруг совсем рядом послышался шорох. Он вздрогнул, повернул голову, но в темноте никого не увидел. Он подумал, что опять залез в жилище какой-нибудь нечисти, и с замиранием сердца спросил:

— Здесь кто-нибудь есть?

— Угу, — ответил невидимый сосед.

— Простите, я, наверное, помешал? — стал извиняться Филипп.

— Угу, — ответил хозяин дупла.

— Вообще-то я иду к Черному Камню. Может, знаете, как к нему пройти.

— Угу, — снова ответил хозяин дупла.

— В какую сторону?

— Угу.

— Что «угу»? — не понял Филипп.

— Угу, — повторил хозяин дупла, и только тут до Филиппа дошло, что он забрался в жилище филина.

— Так ты филин?

— Угу, — ответил ему филин.

Наконец тролль перестал буйствовать и, громко проклиная хитреца, отправился в пещеру. В гневе он повалил несколько вековых деревьев, которые и захватил с собой для костра.

Филипп попрощался с разговорчивой птицей и выбрался из дупла. Он опасливо огляделся и, скрываясь за кустами и деревьями, побежал к тропинке. Он решил не останавливаться до тех пор, пока не минует этих опасных мест.

После многочасового бега Филипп почувствовал, что вот-вот упадет и больше не поднимется. Рассудив, что здесь тролль искать его не будет, он свернул с тропинки и повалился в траву. Сердце у него колотилось как сумасшедшее. Ритм ударов напоминал топот бегущего коня, и Филипп долго прислушивался, как этот воображаемый скакун постепенно замедляет шаг.

Неожиданно кто-то хлопнул его по спине и закричал:

— Ага, попался!

— Это опять ты, трус и предатель? — устало проговорил Филипп.

— Ты случайно не выдал троллю тайну? — не обращая внимания на оскорбление, спросил подменыш.

— Случайно — нет, — язвительно ответил Филипп.

— Ну и молодец. А я ходил за ягодами и орехами. Одна знакомая земляничная ворона показала отличное место, — весело сказал Кинтохо. Он снял с плеча колчан и высыпал перед Филиппом горку орехов. Потом сунул Филиппу под нос благоухающую берестяную тарелку и сказал: — А это мед.

— Мед?! — Филипп приподнял голову, но вспомнил, что он обижен, и равнодушно проговорил: — Ну и что? Подумаешь, меда я не видал. Это тебе, наверное, знакомая медовая сорока подарила?

— Хватит дуться, — сказал подменыш. — Двоих тролль не отпустил бы за мухоморами. Если бы он поймал нас обоих, одного точно оставил бы в пещере, а потом сожрал.

— Откуда ты знаешь, что я ему наврал? — удивился Филипп.

Троль схватил ослабевшего от страха Филиппа и прорычал:
— Какой маленький, плюгавый. Таких мне на завтрак нужно
сотни три, а на обед — вдвое больше.

Филипп едва не задохнулся от ужаса. Он уже представил, как его вытаскивают из-под веток, как свора лесной нечисти набрасывается на него и в кромешной темноте тащит в подземелье.

— Я все знаю,— хвастливо заявил Кинтохо.— Второй пошел бы на помощь и тоже попался бы.

— Поэтому ты решил, что пусть он лучше сожрет меня одного?

— Я был уверен, что ты выпутаешься,— ответил подмешыш.— Ты же умнее меня.

Филипп не знал, что отвечать на такие слова, он лишь пожал плечами.

— Да, как же, умнее...— пробурчал смущенно Филипп и припал к тарелке с медом.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

День подходил к концу. Мальчишки плотно поужинали и развалились на траве. После всего пережитого Филиппу не хотелось никуда уходить. Широко раскинув руки, он лежал на спине и думал. Прошло всего пять дней и пять ночей, как он очутился в сказочном лесу, а ему казалось, что он провел здесь много лет. Спокойная, размеренная жизнь городского жителя осталась где-то далеко за пределами этого невероятного мира. Отсюда нельзя было вернуться ни самолетом, ни поездом, ни на машине. Путь домой лежал через сказочный лес, и пройти его можно было только пешком. «Странно,— размышлял Филипп.— На глобусе и географической карте этой страны нет. Ее нет и под землей, потому что здесь светит такое же солнце. Она не парит в воздухе, потому что мы ходим по такой же земле. Может, эта страна находится на другой планете? Тогда на чем я сюда долетел? А может, всего этого на самом деле не существует?» Чтобы проверить, Филипп ущипнул себя за ногу и с сожалением вздохнул. Все, что он видел, не растворилось в воздухе и не исчезло. Наоборот, откуда-то издалека до ребят донесся пронзительный визг мантикоры, и оба, не сговариваясь, вскочили.

— Скоро стемнеет, — обеспокоенно произнес подменыш. — Пора искать ночлег.

— А чего его искать?! — неожиданно взорвался Филипп. — Пригласи меня в гости к какому-нибудь «доброму» знакомому, изжарите меня на костре, посыплете орехами и поужинаете. Вернее, позавтракаете. Давай веди. Я все равно не знаю, куда идти.

— Ты, наверное, забыл, что я спас тебя от мантикоры, а потом от карлика? — напомнил ему Кинтохо и добавил: — Между прочим, пока ты с троллем шутики шутил, я попросил пикси освободить карлика с гоблинами.

— А кто такая пикси? — пристыженный, пробурчал Филипп.

— Не такая, а такой, — поправил его подменыш. — Мелкота. Местная нечисть. Веселые ребята с длинными-длинными носами. Они очень любят превращаться в ежей и сбивать путников с дороги. А на головах у них огромные зеленые колпаки с бубенчиками. Если бы ты знал, как они уморительно издеваются над людьми, ты бы живот надорвал от смеха.

— Да уж, от смеха, — с сомнением проговорил Филипп. — Что-то я здесь ни разу не рассмеялся. Жуткий лес. У нас хотя бы знаешь, куда можно соваться, а куда нельзя. А здесь в любую сторону иди, кругом одни «веселые парни», чудовища.

— У нас хотя бы знаешь, что кругом одни чудовища, — передразнил его Кинтохо. — А у вас не поймешь, кого встретил: все красиво одеты, подстрижены и умеют складно говорить.

— Ты-то откуда знаешь? — раздраженно спросил Филипп. — Тебя же украли младенцем.

— От верблюда, — ответил подменыш и твердо добавил: — Спать будем в яме. Наломаем веток, накроемся, и нас никто не заметит. Я много раз так ночевал. Главное — выбрать местечко подальше от звериных троп и нечисти.

— Может, лучше поищем дупло? — примирительно сказал Филипп, которому очень не понравилась идея Кинтохо.

— Уже не успеем, — ответил подменыш и рассмеялся. — Ты что, боишься?

— Я? — возмутился Филипп. — Да я...

— Как ты хорошо научился врать! — перебил его Кинтохо. — Еще пару дней, и от тебя не услышишь ни одного слова правды.

Филипп густо покраснел, но оправдываться не стал, потому что его спутник попал в самую точку.

До темноты оставалось не более получаса. Подменыш послал Филиппа искать подходящую яму, а сам принялся обламывать ветки.

Филипп старался не уходить далеко от Кинтохо. Он больше следил за тем, чтобы не потерять его из виду, и не успел отыскать яму. Темнота, как всегда, наступила сразу. Между кронами деревьев проглянули крупные звезды. Самые маленькие из них были размером с вишню, зато самые большие — с яблоко. Не было лишь луны, которой еще предстояло пройти привычный путь через весь ультрамариновый небосвод.

Подменыш собрал ветки в охапку и тихонько позвал:

— Филя, куда идти?

— Не знаю, — откликнулся из темноты Филипп. — Нет здесь никакой ямы. Ровно, как на тарелке.

— Ничего страшного, будем спать на ровной земле, — спокойно ответил Кинтохо.

Подменыш предложил Филиппу лечь первым, а когда тот покорно расположился на траве, аккуратно, со знанием дела укрыл его толстым слоем веток. Затем он приподнял край зеленого покрывала и заполз внутрь.

— Они отыщут нас по запаху, — обреченно сказал Филипп.

— Не отыщут: я сверху наложил полыни, — зевая, ответил Кинтохо и тут же пояснил: — Полынь отбивает у нечисти нюх.

— Они нас найдут, и ты опять от меня сбежишь, — упрямо прошептал Филипп.

— Хватит нюни разводить, — сказал подменыш. — Учись быть твердым и спокойным. Если кто-то рядом появится, не вскакивай и не ори. Лежи и терпи до конца. Здесь нужна выдержка. А лучше выброси все это из головы и спи.

— Тебе легко говорить. Ты всю жизнь прожил в ямах и склепах...

— Вот именно — в ямах и склепах, — грубо оборвал его Кинтохо. — Если ты думаешь, что это легко, значит, ты ничего не понимаешь. Спи, бутерброд несчастный.

На самом деле Филипп все понял. Он только представил, что остался в сказочном лесу навсегда, и ужаснулся. А ужаснувшись, пожалел своего спутника. Тот все свое детство провел в чаще, где на каждом шагу, каждую секунду его подстерегала смертельная опасность.

— Да, ты прав, — тихо проговорил Филипп. — Я об этом как-то не подумал.

— Ладно, давай спать, — проворчал подменыш. — И помни: что бы ни случилось, лежи и молчи. Нас здесь просто нет.

Неизвестно, сколько прошло времени. Мальчишек начал обволакивать сон, когда невдалеке послышались голоса. Они быстро приближались, и у Филиппа мгновенно пропал сон. Он толкнул Кинтохо в бок, но тот, похоже, успел уснуть и даже не пошевелился.

Голоса были разные: у одного тонкий, как у девчонки, у другого — хриплый, словно он переел мороженого и заболел ангиной, у третьего — визгливый, а четвертый говорил таким густым басом, что у Филиппа от страха засосало под ложечкой. Он напряженно прислушивался и вскоре стал различать слова.

— Они где-то здесь, — звонко проговорил девчоночий голос, и Филипп сразу понял, что речь идет о них. После этого первым желанием его было вскочить и броситься наутек, но он вспомнил наставления своего более опытного приятеля и нашел в себе силы остаться.

— Я видел, как этот бродяга — подменыш — лазил на дерево за диким медом, — хрипло сообщил второй голос. — Я его попросил достать и мне медку. Знаете, что он мне ответил? Иди, говорит, отсюда, пока я тебе уши не оборвал. Грубиян, черт бы его подрал. Заявляется в наш лес и ведет себя как хочет.

— Никуда они не денутся, — уверенно пробасил третий. — Наверное, забились в дупло или сидят на верхушке дерева.

Голоса приблизились почти вплотную. У Филиппа участилось дыхание и заколотилось сердце. Ему уже начало казаться, что нечисть услышит это, и он прикрыл рот рукой.

— Странный холм, — раздался визгливый голос у самого изголовья ребят. — Раньше его здесь не было.

Филипп едва сдержался, чтобы не вскочить, но тут хрипый сказал:

— Это сегодня тролль давал жару на весь лес. Столько деревьев повалил, ужас!

— Так это где было, — возразил девчоночий голос, — два часа пути отсюда, у ручья.

— Он огромный, ему сюда дойти — раз плюнуть. Весь лес переполошил. И все из-за чужака, которого привел подменыш. Все-таки им повезло. Тролль огромный, но дурак дураком. Меня бы они так просто не надули.

— Ох, найду я их, — угрожающе проговорил бас, — не поздоровится обоим.

— Когда поймает, отведем ко мне, — сказал визгливый.

— Нет, ко мне, — возразил хрипый.

— А почему это к тебе?

— У меня и пещера побольше, и крюки в стену вбиты, — ответил хрипый. — Есть на что их подвесить...

— Хватит орать, — перебил спорщиков бас. — Вы забыли, что у меня самый большой очаг?

«Крепись, — слушая разговор нечисти, уговаривал себя Филипп. — Будь спокоен. Вон Кинтохо дрыхнет и хоть бы хны. Никакая нечисть ему не страшна. Главное — выдержка».

Филипп почувствовал, как на него кто-то поставил ногу, а затем и вторую. Взобравшийся не был тяжелым, но Филипп едва не задохнулся от ужаса. Он уже представил, как его вытаскивают из-под веток, как свора лесной нечисти набрасывается на него и в крошечной темноте тащит в подземелье.

— Все-таки интересно, какой дурак свалил сюда ветки? — проговорил визгливый и попрыгал на спине у Филиппа. — Мягко. Если бы не дела, я бы остался здесь ночевать.

Следом за первым на мальчишек забрался и второй преследователь, который оказался куда более тяжелым. Третий прыгнул Филиппу на плечи и покачался, как на батуте. Но когда на кучу веток взошел четвертый, Филиппу показалось, что он попал под асфальтовый каток. Он слышал, как под здоровяком с треском ломаются ветки, но у него было такое чувство, будто это трещат его собственные кости.

Затем тяжелый перешел на подмышку, и тот, как и Филипп, не издал ни звука. «Если он еще раз наступит на меня, я не выдержу, — с тоской подумал Филипп. — А если не выдержит Кинтохо, нас обнаружат. Эх, сюда бы несколько пестард и спички! А еще лучше бабахнуть из охотничьего ружья. Они бы улепетывали, как зайцы».

— Ни черта не видно, — поудобнее устроиваясь на спине у Филиппа, сказал хриплый. — Скорей бы взошла луна.

— Отлично все видно, — басом ответил ему громила. — Только никого нет. Я думаю, надо остаться на этой мягкой куче веток и подождать. Глядишь, подмышку с чужаком и объявятся. Не могли же они провалиться сквозь землю.

— Нечего здесь рассиживаться, — возразил ему визгливый. — Пока мы будем валяться и отдыхать, эти гаденыши выйдут из нашего леса. Лесной бродяга хорошо знает дорогу и легко отыщет ее в темноте. Я предлагаю догнать их.

Филипп сообразил, что Кинтохо давно не спит, а может, и не спал вовсе. Когда по тебе, словно по земле, расхаживают такие тяжеловесы, не проснуться просто невозможно.

Он понял, что подменыш затаился, и с отчаянием подумал: «Как же можно все время так жить? Постоянно тебя кто-то ловит, пытается засунуть в котел и слопать. Ведь в сказках всегда есть какой-нибудь Иванушка-дурачок, который побеждает нечистую силу.— И вдруг Филиппа осенило: — Да ведь это Кинтохо! Да, он и есть этот герой. Как мне раньше это не приходило в голову? Хитрый, ловкий... смелый,— немного поколебавшись, мысленно добавил Филипп.— А почему же я никогда ничего о нем не читал?»

— Я знаю, как их можно поймать,— пробасил здоровяк.— Идите ко мне поближе, я расскажу.

Четверо ночных преследователей сгрудились на самой середине кучи, и он басовито зашептал:

— Мы сейчас все берем палки, будем подходить к каждому дереву и стучать по нему. Если они залегли спать в дупле или забрались на макушку, обязательно отзовутся.

И тут, к величайшему ужасу Филиппа, подменыш из балоства, громко, с подвыванием прошептал:

— А если не отзовутся?

— Отзовутся, куда они денутся,— ответил басовитый, который принял Кинтохо за одного из своих.

— Я тоже думаю, что не отзовутся,— тоненько произнес визгливый.— Они давно ушли.

— Надо действовать не так,— снова из-под веток зашептал подменыш.

— А как?

— Нагнитесь пониже,— скомандовал Кинтохо, и все четверо склонили головы к ветвям.— Вы же знаете, что бродяга-подменыш самый умный в сказочном лесу. Значит, Кинтохо придумал какую-нибудь подлую хитрость. Уверен, они с чужаком нашли в лесу яму, укрылись ветками и спят сейчас без задних ног.

— А что, вполне может быть,— задумчиво произнес бас. Вдруг он спохватился и вежливо поинтересовался: — А кто это говорит?

— Это говорит дух земли, болван,— грозно проговорил Кинтохо.— Я темен, как сама ночь, страшен, как все ее кроважные обитатели вместе взятые, и силен, как тысяча троллей. Стоит мне только пошевелить пальцем, и от вас даже мокрого места не останется.

После этих слов нечисть словно ветром сдуло. Они отбежали подальше, а затем ребята услышали голос визгливого:

— Да кто он такой?! У духа не может быть пальцев! Это самозванец, шарлатан! Не знаю я никакого духа земли!

— А я знаю,— ответил ему хриплый.— И не буду с ним связываться.

— Нет, я хочу с ним разобраться,— продолжал вопить визгливый.— Держите меня трое, а то я...

Когда четверка преследователей удалилась настолько, что их голоса растворились в шелесте деревьев, Филипп с облегчением вздохнул и тихонько рассмеялся.

— Здорово ты их! Я думал, нам конец.

— Какой конец, это только начало,— ответил подменьш и повернулся к Филиппу спиной.— Нечисть, она глупая.

— Да они просто круглые дураки,— радовался Филипп.

— Точно,— зевая, согласился Кинтохо.— Давай спать. До рассвета осталось совсем немного.

Филипп еще долго не мог уснуть. Он вздрагивал от каждого крика птицы, замирал, когда рядом пробежал какой-нибудь ночной зверек. Ему все время казалось, что нечисть вот-вот вернется, чтобы разобраться с фальшивым духом земли. Но время шло, и никто не появлялся.

Наконец Филипп уснул, и приснился ему чудесный сон. Привиделось ему, будто и не проходил он всего этого трудного пути и начинает свое путешествие с самого начала. Только на этот раз оснащенным и вооруженным, как и полагается опытному землепроходцу. На голове настоящий пробковый шлем, а на ногах болотные сапоги до самого пояса. На левом боку висит здоровенная связка хлопушек и петард, топорик

и пневматический пистолет, который стреляет пластмассовыми шариками. Охотничий нож, конечно, фонарик, второй пистолет... За плечами у него большой рюкзак с продуктами и одеялом, в руках — пневматическое ружье с полной обоймой пулек...

Будто бы, не страшись нечисти, Филипп шел по тропинке, вдоль которой стояли кикиморы и упыри, лешие и оборотни. Все они приветливо улыбались, хлопали в ладоши и бросали отважному гостю под ноги полевые цветы.

Когда Филипп проходил мимо озер и болот, русалки ему кланялись и вслед с восторгом шептали: «Какой богатырь к нам пожаловал!»

На лес легла гигантская тень. Филипп посмотрел наверх и увидел тролля. Чудовище опустилось на четвереньки, положило свою страшную морду на тропинку и кротко поздоровалось. «Здравствуй-здравствуй, дружок, — ответил ему Филипп и благожелательно добавил: — Ступай себе. Я тебя сам навещу».

Наконец вышел Филипп на волшебную поляну, где бок о бок паслись самые разные животные: львы и олени, слоны и леопарды, волки и овцы. Он хотел было сказать животным проникновенные слова о том, что нельзя обижать друг друга, но тут почувствовал, что с него кто-то стягивает ветки... И проснулся.

Филипп услышал тихое похрустывание и открыл глаза. Сквозь листву было видно, что в лесу давно рассвело. Вспомнив ночное происшествие, Филипп тихонько толкнул Кинтохо в бок, и тот мгновенно откликнулся:

— Что, уже пора?

— Тихо, — прошептал Филипп. — Здесь кто-то есть.

— Какая ерунда! — ответил подменыш и раздвинул ветки. Этим он спугнул трех пятнистых оленей, которые паслись тут же. Олени отбежали подальше, остановились и стали смотреть, как из-под кучи ветвей выбираются два сонных человека.

— Какие красивые! — восхищенно проговорил Филипп.

— Обыкновенные олени,— буркнул Кинтохо, которого трудно было чем-то удивить в лесу.— Ну вот, тебе осталось здесь провести всего один день и одну ночь,— печально добавил он.

— А до Черного Камня еще далеко? — тревожно спросил Филипп.

— Рукой подать,— ответил подменыш.— Давай кто быстрее добежит до озера. Здесь недалеко. Напьемся воды и пойдем дальше.

Кинтохо рванулся с места, но успел пробежать только до ближайшего дерева. Из-за дерева выскочили четыре очень разных, но одинаково несимпатичных существа. Они с воем набросились на подменыша, скрутили его и быстро поволокли в лесную чащу. Филипп даже не успел сообразить, что произошло.

— Филя, помоги! — закричал Кинтохо.

— Сейчас! Сейчас я им покажу! — заорал Филипп.

Он сразу позабыл, что благодаря этой четверке похитителей целую ночь трясся от страха, и бросился вдогонку. Но они улепетывали с такой прытью, что скоро скрылись из виду.

— Кинтохо-о-о! — на весь лес завопил Филипп.— Ты меня слышишь?

Но лес безмолвствовал.

Отчаявшись догнать похитителей, Филипп остановился под деревом. Он не знал, где искать своего спутника, и от беспомощности злился.

— Дохвастался, «самый умный в сказочном лесу», — вслух проговорил он, имея в виду подменыша.— Да кто из нас здешний старожил — он или я?! — громко воскликнул Филипп.— Почему я должен все время спасать этого лоботряса?! Я же не успею добраться до Черного Камня! И вообще я не хочу оставаться в лесу на всю жизнь! Меня ждут родители! Я у них единственный ребенок! Что они будут делать, если я не вернусь?!

Чертыхаясь, как заправский обитатель сказочного леса, Филипп повернул назад к тропинке и зашагал дальше.

— Что, я ему нанялся бегать по всему лесу? — рассуждал он сам с собой. — Вчера говорил, что одному легче выпутаться. Вот и выпутывался бы. Даже если я их отыщу, что я один смогу сделать? Они меня схватят и, как колбасу, подвешат на крюк. Только этого мне не хватало. Нет уж, пусть сам себя спасает. А мне давно пора домой.

Выговорившись, Филипп неожиданно для себя развернулся и сломя голову побежал назад, выручать друга.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

По мере того как Филипп удалялся от тропинки, лес становился все гуще и мрачнее. Деревья здесь стояли так близко друг к другу, что их кроны переплетались и образовывали сплошной зеленый свод, который не пропускал солнечных лучей. От этого в лесу было сумрачно и душно, как в деревянной бане.

Филипп бестолково носился по лесу и не знал, что предпринять. Он лихорадочно перебирал в уме все способы отыскания и спасения Кинтохо. И тут вспомнил слова карлика, что если мантикоре наступить на хвост, она становится ручной и послушной как домашний котенок. Как бы в ответ на его мысли вдалеке закричала мантикора, и Филипп, более не раздумывая, бросился в чащу — приручать диковинного зверя. «Я заставляю ее найти их по следу, — на бегу думал он. — А потом натравлю чудовище на нечисть и освобожу Кинтохо. Я им покажу, как среди бела дня людей воровать! Я им покажу кузькину мать. Рабовладельцы несчастные! Ну, держись, нечистая сила!»

На поиски мантикоры Филипп потратил почти все утро. Сказочный зверь как будто избегал встречи с ним. Каждый раз Филиппу казалось, что он уже настиг мантикору, но она бесследно исчезала, и ему снова приходилось ждать ее отвратительного крика.

«Скорее, скорее, — подгонял себя Филипп. — Они же его сожрут или подвешат на крюке. Если эти чубрики с ним что-нибудь сделают, я не знаю, что я с ними сделаю!»

В очередной раз не застав мантикору, Филипп остановился, чтобы отдышаться. «А почему это я бегаю за ней? — подумал он. — В конце концов, она — кровожадный хищник, пусть она за мной охотится!»

Филипп выбрал дерево с надежной толстой веткой, растущей высоко, почти параллельно земле. Ловко вскарабкавшись на нее, он устроился поудобнее и завопил на весь лес: «А-а-а-а!» Он хотел привлечь внимание мантикоры и довольно быстро добился своего. Мантикора не заставила себя долго ждать. Филипп услышал треск веток, а затем между деревьями показалась рогатая голова огромного зверя.

— Эй, образина! — принялся дразнить ее Филипп. — Поди-ка сюда! Иди-иди, не бойся!

С голодным урчанием мантикора подошла к дереву, задрагла голову и плотоядно облизнулась. От желания поскорее добраться до легкой добычи мантикора нетерпеливо хлестала себя по бокам скорпионьим хвостом и скребла лапами по земле.

Разинув ужасную пасть с тремя рядами зубов, мантикора поднялась на задние лапы и едва не схватила Филиппа. Своими железными когтями она сорвала куски коры, легко достав передними лапами до ветки.

Филипп перебрался повыше и стал подзадоривать зверя: корчил страшные рожи, издевался над чудовищем:

— У, образина! Попробуй достань. Да я таких мантикор по десять штук в день голыми руками ловил! А ты вообще какая-то мелкая. Не мантикора, а мантикоришка...

Подпрыгивая на задних лапах, мантикора пыталась ухватить дерзкого мальчишку, но тому каждый раз удавалось избежать ее железных когтей. С яростью мантикора цеплялась за ветку, раскачивала ее и один раз даже получила по морде. Филипп треснул ее палкой, и она с диким воем обрушилась на землю.

Филипп ждал подходящий момент, чтобы спрыгнуть мантикоре на хвост. Но, разозлившись, чудовище вертелось как ужаленое. У Филиппа была всего одна попытка, и, если бы он промахнулся, Кинтохо некому было бы спасать.

Время шло, а Филипп все никак не мог прыгнуть. Решиться на это было невероятно трудно. «А что, если карлик наврал? — со страхом думал Филипп. — Что, если я оседлаю ее, а она ударит меня ядовитым жалом, а потом еще и сожрет? Тогда и сам погибну, и Кинтохо не спасу».

И все же Филипп отважился на этот «смертельный» номер. И помог ему счастливый случай. Неожиданно из норы под соседним деревом на поверхность выбрался крохотный гном. Заметив ужасную мантикору, вскрикнул и юркнул назад в подземелье, но этого оказалось достаточно. Чудовище опустилось на четыре лапы, на секунду замерло и повернуло голову в сторону гнома. Филипп тут же спрыгнул прямо на середину хвоста и вцепился в бока зверя. Если бы мантикора попыталась его схватить, ей пришлось бы покрутиться, чтобы сбросить седока. Но карлик сказал правду. Как только Филипп наступил на хвост, чудовище уgomонилось и стало послушным, как ягненок. Мантикора повернула к седоку усатую морду, с грустью оглядела его и пригнула голову к земле.

— Ур-ра! — крикнул Филипп и ловко перебрался к зверю на спину. — Получилось! Вот теперь я вам покажу, злыдни замшелые! Давай, мантикорушка, выручай! — Филипп уцепился за ее рога и, как заправский наездник, пришпорил мантикору.

Довольно много времени ушло на то, чтобы отыскать место, откуда украли подменыша. Здесь Филипп заставил зверя прыгнуть к земле и отыскать след.

Мантикора, обнюхивая траву, трусцой побежала в чащу.

— Давай, мантикорушка, быстрее, — торопил ее Филипп. — Полдня прошло. Эти чубрики, наверное, уже разожгли костер и посыпали Кинтохо солью с перцем.

Мантикора шла по следу, как хорошая охотничья собака.

Филиппу оставалось лишь следить, чтобы не упасть со своего скакуна. Никогда в жизни он не ездил верхом и сейчас удивлялся, как это у него так ловко получается. Он держался за витые рога чудовища и зорко смотрел вперед, не покажется ли какое-нибудь жилище нечисти. Иногда на пути им попадались обитатели сказочного леса. Завидев мантикору, они спешили поскорее убраться с дороги или спрятаться на дереве. Впервые за все путешествие Филипп чувствовал себя более-менее защищенным от нечистой силы. Но сейчас это его не радовало.

Укрощенное чудовище увозило Филиппа все дальше и дальше в лес. Подобные места ему до сих пор здесь не встречались. Толстые ветви деревьев, словно гибкие лианы, сплетались прямо над головой. И в этом верхнем этаже лесной чащобы бурлила невидимая жизнь. До Филиппа доносились крики, визг и даже рычание. Но все это было скрыто от его глаз непроницаемым пологом. «Хорошенькие дела! — с опаской поглядывая вверх, думал Филипп. — Сюда попадешь, ни за что не выберешься. На секунду зазеваешься и пиши пропало».

Внезапно мантикора остановилась у мощного дуба. Дерево было таким толстым, что внутри можно было выдолбить дупло с целую городскую квартиру.

Забраться верхом на мантикоре было невозможно. Лезть в эту черную дыру одному очень не хотелось. «Что же делать? — поеживаясь, думал Филипп. — Ничего у меня не получится. И Кинтохо не спасу, и сам погибну. Может, пока не поздно, вернуться на тропинку? Я же тороплюсь к Черному Камню. А на мантикоре я доберусь туда в десять раз быстрее, и никто не посмеет меня тронуть».

Развернуться и уехать — очень заманчивая мысль, и все же Филипп не сделал этого. Горестно вздохнув, он похлопал своего верного скакуна по загривку, уцепился за край дупла и полез внутрь.

— Подожди меня здесь, — сказал он мантикоре. — Ты мне еще очень понадобишься.

Очутившись в темноте, Филипп ощупал руками гладкие стены и обнаружил грубо вырубленные ступени, которые круто забирали наверх. Филипп сразу представил, что лестница ведет в огромное гнездо, похожее на птичье. В гнезде, конечно, живут ужасные существа с перепончатыми крыльями и длинными когтистыми лапами...

Ступеньки закончились у круглого выхода. Филипп осторожно ступил на толстую, в два обхвата, ветку и огляделся. Верхний этаж сказочного леса выглядел впечатляюще. Гигантский дуб оказался настоящей деревней и, вероятно, служил пристанищем многим жителям чащи. На его раскидистых ветвях располагались дома и домики. Перед каждым жилищем находилась небольшая площадка из плетеных настилов. Самая могучая ветвь вела наверх, в тоннель, как будто специально проделанный в густой листве.

Филипп двинулся было вперед и в нерешительности остановился. Далее на переплетенных ветвях лежали деревянные настилы, которые тремя дорожками расходились в разных направлениях. Все три воздушных тротуара поднимались к верхним этажам и скоро терялись в сплошной зелени.

«И куда мне идти? Здесь, как в сказке, не хватает только придорожного камня. И чтобы на нем было написано: «Пойдешь налево — как дыпленка изжарят на сковородке, пойдешь направо — сварят в котле, а если прямо пойдешь, из тебя сделают чучело для зоологического музея».

В этот момент в листве кто-то залился тихим звенящим смехом. Филипп задрал голову: над ним зависли три крохотных, почти прозрачных создания. У них были короткие стрекозиные крылья и нежно-зеленая кожа.

— Простите, — вежливо обратился к ним Филипп. — Вы не скажете, куда утащили мальчика, такого же как я? Сегодня утром четыре балбеса схватили его и унесли.

— Ему нужен Кинтохо, — пропищала одна из древесных дев.

— Он разыскивает этого шалолая, — кружась над Филиппом, пролепетала другая.

— Вы его знаете? — удивился Филипп.

— Он спрашивает, знаем ли мы его, — обратилась к своим подругам третья. Древесные девы рассмеялись и, не ответив, скрылись в листве.

«Какие странные существа здесь живут! — с досадой подумал Филипп. — То ли дикие, то ли бестолковые. Наверное, если подольше прожить на деревьях, можно разучиться отвечать на вопросы. Будешь только переспрашивать и хохотать. Ладно, пойду направо».

Филипп отправился по шатким мосткам на поиски подмеды. Поначалу идти было трудно и жутковато: все время на подъем, мостки пружинисто прогибались под ним, угрожающе скрипели и коварно норовили выскользнуть из-под ног. Поэтому приходилось балансировать, как во время качки на корабле. И все же он быстро приновился к такой ходьбе.

Миновав несколько могучих стволов, он увидел хижину, сплетенную из сучьев. Домишко покоился на развилке мощных ветвей и больше походил на скворечник-переросток.

Филипп и заглянул в незастекленное окошко. Внутри за маленьким столиком сидели два забавных существа с длинными носами и очень азартно играли в карты. На них были добротные зеленые курточки и огромные остроконечные колпаки, по которым Филипп и узнал их. «Кажется, это те самые пикси», — вспомнил он рассказ Кинтохо и поприветствовал хозяев:

— Здравствуйте.

От неожиданности пикси побросали карты и повскакали со стульев.

— Ой, кто это?! — вскрикнул один.

— Да вы не бойтесь, — как можно приветливее сказал Филипп. — Я ищу Кинтохо. Сегодня утром его...

— Знаем-знаем, — усаживаясь на свое место, не дал ему договорить один из пикси. — Из-за тебя я не выиграл.

Мантикора шла по следу, как хорошая охотничья собака. Филиппу оставалось лишь следить, чтобы не упасть со своего скакуна.

Нечистая сила окружала его со всех сторон, и тут Филипп сделал первое, что пришло ему в голову: он разжал кулак с цветком папоротника и вытянул руку вперед.

У меня были одни козыри. Где я теперь буду их искать? Только не вздумай входить в мой дом. Ты такой большой и тяжелый. У меня провалится пол.

— Я не буду входить,— успокоил его Филипп.— Скажите...

— А я что делаю? — снова перебил его хозяин хижины.— Я как раз и говорю. Кинтохо найти очень легко. Отсюда пойдешь прямо-прямо, до дома глупого ушастого фейри. Потом направо-направо, до дома этого сумасшедшего пузатого фейри. От него еще раз направо-направо, до дома злобного зубастого фейри. Он-то тебе и нужен. Постучишь в дверь, скажешь, что пришел от этого дурака — горбатого фейри — и попросишь колотушку. Ты меня слушаешь?

— Слушаю,— ответил Филипп.— А зачем мне колотушка?

— Чтобы лупить себя по башке,— быстро ответил хозяин дома, и оба пикси расхохотались, да так сильно, что попадали на пол и задрывали ногами.

— Болтуны,— разочарованно проворчал Филипп и отправился дальше. «Там человек погибает, а они... И зачем я сюда полез? — пробираясь по мосткам, думал он.— Теперь мне никогда отсюда не выбраться. Нечисть помогать мне не станет».

Мимо с визгом пронеслись два уродливых лохматых существа, и он едва успел посторониться. Встав на самый край зыбкого настила, Филипп почувствовал, как тот наклонился. Он стал размахивать руками, но не сумел удержать равновесие.

С жалобным криком Филипп полетел вниз, но в последний момент все же умудрился ухватиться за толстую ветку и повиснуть на ней.

Некоторое время Филипп приходил в себя от испуга. Под ногами у него была пустота, забраться назад требовало больших усилий, и он попытался подтянуться. Но это был не школьный турник, и влезть на качающийся настил оказалось не таким простым делом. Филипп пытался достать до ветки подбородком, дрыгал ногами и все старался найти хоть какую-то опору.

К нему подлетели несколько древесных дев. Они кружили над ним, словно стрекозы, и тонкими голосами между собой переговаривались.

— Кажется, он хочет залезть назад, — пропищала одна.

— Для этого он слишком слабый, — ответила ей другая.

— Похоже, что Кинтохо его не дождется, — сказала третья.

И Филипп не выдержал:

— Не можете помочь, так хотя бы не мешали. Жужжите здесь, как надоедливые мухи. Кыш отсюда!

— Он гонит нас с нашего дерева! — возмутилась одна из древесных дев.

— Фу, какой грубый, — фыркнула вторая. — Он обозвал нас мухами. И откуда только берутся такие противные мальчишки?

— Представляете, он хочет, чтобы мы ему помогли, — пропищала третья. — Можно подумать, что он в своей жизни посадил хотя бы одно дерево.

— А вы помогаете только тем, кто сажает деревья? — попытаясь подтянуться, с трудом проговорил Филипп.

— Да он совсем темный, — рассмеялась одна из древесных дев. — Он не знает, что мы — дриады и живем на деревьях.

Тем временем Филипп сумел рывком подтянуться. Затем он вполз на настил и, обессиленный, повалился навзничь. Когда он оказался на дорожке, любопытные дриады потеряли к нему всякий интерес и разлетелись в разные стороны.

«Наверху живут одни болтуны и болтушки, — отдуваясь, думал он. — Все знают Кинтохо, и никто не хочет сказать, где он. Наверное, где-то рядом».

Восстановив силы, Филипп продолжил свой путь. Он поднимался все выше и выше, и чем дальше он забирался, тем слабее становился его страх перед жителями сказочного леса. Он заглядывал почти в каждый дом и тихонько звал подменыша. Отвечали ему по-разному: кто бранью, кто смехом, а кто и угрозами. В конце концов, Филипп совсем осмелел и стал громко выкрикивать имя своего спутника:

— Кинтохо! — звал он. — Кинтохо, я здесь! Отзовись...

Вскоре посветлело, и в отдельных местах сквозь листву проглядывало голубое небо. Филипп понял, что направляется к вершине зеленой деревни. Он уже сообразил, что, скорее всего, центр и самая верхняя точка поселения находится на том самом гигантском дереве, с которого он начал свое восхождение наверх.

Последние несколько кругов Филипп плелся просто из упрямства. Сказочный лес остался внизу, и плетеная дорожка шла высоко над ним, огибая крону огромного дерева.

— Кинтохо здесь нет. Я напрасно проделал такой путь, — обреченно проговорил Филипп. Ему стало ужасно жаль и себя, и сгинувшего в дебрях подменыша. И тут его пронзила страшная мысль. Филипп понял, что Кинтохо был единственным живым существом в сказочном лесу, кто мог бы указать ему дорогу к Черному Камню.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дорожка из плетеных настилов сделала последний виток, и Филипп очутился на верхней площадке. На этом пятачке однако могло бы поместиться несколько человек. Венчал макушку дерева острый деревянный шпиль, уходивший в небо на несколько метров. Уцепившись за него, Филипп осмотрелся и на какое-то время позабыл о своем горе. От того, что он увидел, у него захватило дух. Гигантский дуб возвышался над остальными деревьями, словно небоскреб над двухэтажными домишками. Повсюду, насколько хватал глаз, до самого горизонта тянулась зеленая равнина леса. Огромное солнце только коснулось верхушек деревьев и окрасило их в оранжевый цвет. Едва это произошло, как снизу из густой листвы к шпилю стали подниматься сотни дриад. Крошечные зеленые лица древесных дев были повернуты к заходящему солнцу и выражали настоящее благоговение. Дриады взяли за руки, образовали большое кольцо и запели. Слившись воедино, их слабые, птичьи

голоса звучали совершенно по-иному. Это было похоже на хрустальный звон небес, и Филипп невольно заслушался. Пели дриады об уходящем дне, о том, чтобы на завтра солнце снова вернулось и так возвращалось каждый день до скончания века.

Раскаленный шар медленно погружался в зеленый океан, и от этого величественного зрелища у Филиппа на глазах выступили слезы. Не моргая, он смотрел на закат и не оторвал от него взгляда, пока солнце окончательно не скрылось за горизонтом.

На небе появились крупные звезды. Здесь, на открытом месте, они казались особенно яркими и освещали всё голубым мерцающим светом. Но Филиппа они больше не волновали. Он не знал, что делать дальше. Впереди была ночь, а после нее он должен был остаться в сказочном лесу навсегда.

— Солнце уже село, а он стоит, — услышал Филипп голос древесной девы.

— Он не хочет идти на праздник летнего солнцестояния, — ответила ей вторая.

— Да он, кажется, плачет, — пролетев прямо перед лицом Филиппа, пропищала третья дриада.

— Ну конечно, он же не знает самого главного, — сказала четвертая дева и пожалела Филиппа: — Бедненький, ему, наверное, очень одиноко в нашем лесу.

— Вместо того чтобы праздновать самую короткую ночь в году, он стоит как столб и проливает слезы, — сказала менее чувствительная дриада. Затем древесные девы рассмеялись, сделали вокруг головы Филиппа круг и разом упорхнули.

«Почему они все время говорят, что я ничего не знаю? — задумался Филипп. — Что я должен знать? Что больше никогда не попаду домой? Это я знаю». Филипп обхватил шпиль руками, прижался к нему лбом и вслух добавил:

— Я остаюсь. Пойду на этот дурацкий праздник. Будь, что будет.

Спускаться вниз Филипп начал по-другому. Это была дорожка, которая вначале пути уходила влево. Филипп внимательно

смотрел под ноги и ступал так осторожно, что продвигался вперед крайне медленно. В темноте зеленая листва сделалась совсем черной. От этого казалось, будто внизу расстилается бездонная пропасть. Глянув туда, Филипп ужаснулся.

Впереди показался оранжевый слабый огонек. Филипп добрался до хижины и заглянул в окно. В доме два пикси очень увлеченно обсуждали, какие бубенчики привязать к верхушкам колпаков.

— Простите, можно, я у вас переночую? — попросил Филипп. — Я лягу в углу и не буду вам мешать.

Пикси удивленно посмотрели на ночного гостя, а затем один сказал другому:

— Он сумасшедший. Все идут на праздник, а он собирается дрыхнуть.

— Это тот самый чужак, который ищет пройдоху подменыша, — ответил ему второй. — Видишь, какая у него заплаканная физиономия? Наверное, он думает, что его дружка уже съели.

— Ну так можно или нельзя? — спросил Филипп.

— У него такое лицо, что я сейчас заплачу, — проговорил первый и смешно сморщил длинный нос. Затем он открыл сундук, порывшись в нем и достал ярко-зеленый колпак. Пикси протянул его Филиппу и проговорил: — Надевай и ступай на землю. Никаких ночевок сегодня не будет. День летнего солнцестояния случается только раз в году. Будет так весело, что ты забудешь обо всем. Марш вниз!

— Мне сейчас не до веселья, — тихо проговорил Филипп и, не взяв колпака, пошел дальше.

Он успел сделать всего несколько шагов, когда услышал громкий голос пикси:

— Спорим, он свалится с мостков вниз?

— Спорим, — согласился второй. — Я тоже думаю, что свалится.

— Не дождетесь! — резко обернувшись, громко выкрикнул Филипп и тут же понял, что пикси были правы.

Настил под ним зашатался, он сделал неверное движение и повалился в черную бездонную пропасть.

Филипп не успел ни о чем подумать. Он лишь почувствовал, что камнем падает вниз, и замер от ужаса. Но он не успел долететь и до следующего этажа, как с двух сторон его подхватили невидимые сильные руки и остановили падение. Следом за этим Филипп услышал уже знакомые голоса.

— Он упал. Мы с тобой оба выиграли спор, — сказал первый пикси.

— Да, мы выиграли, а он проиграл, — согласился второй. — А ты не помнишь, на что мы спорили?

— Он так быстро нырнул вниз, что я не успел придумать, на что, — ответил первый пикси.

— Значит, мы оба выиграли, но ничего не получим? — разочарованно проговорил второй. — Надо было поспорить раньше.

Под этот разговор пикси плавно опускались на землю. За это время Филипп успел прийти в себя от испуга и поспешил поблагодарить своих спасителей.

— Б-большое спасибо, — немного заикаясь, проговорил он. — Я чуть было...

— Каков нахал! — перебил его первый пикси. — Он «чуть было»! Да ты не «чуть было», а прямо-таки бултыхнулся вниз. Кто тебя просил торопиться? Ох уж эти люди! Не успеешь придумать, на что поспорить, как они летят головой вниз. Делать нам больше нечего, кроме как всяких оболтусов спасать. И где только Кинтохо находит таких обормотов?

Миновав последние этажи зеленой деревни, пикси поставили Филиппа на землю и, ворча, улетели готовиться дальше к празднику.

Благополучное возвращение на землю не принесло Филиппу облегчения. В лесной чаще царил такая темень, что он не видел даже деревьев. Идти куда-то вслепую не имело смысла: только наставишь себе шишек и синяков. «И почему я не остался на самом верху? — запоздало пожалел Филипп. —

Там на площадке можно было отлично выспаться. А на рассвете я попробовал бы добраться до Черного Камня сам. У меня же еще будет немного времени. Кинтохо говорил, что Камень где-то совсем рядом».

Филипп вытянул вперед руки и сделал несколько шагов. Он наткнулся на шершавый ствол дерева, сел к нему спиной и закрыл глаза. «Сейчас появится какое-нибудь поганое чудовище и сожрет меня», — равнодушно подумал он.

Сверху, из зеленой деревни, еще долго доносились возгласы и смех. Иногда Филипп слышал, как рядом кто-то мягко плюхался на землю и тут же убегал в лесную чащу. Последней с дерева прыгнула целая компания, веселая и шумная, а затем наступила могильная тишина. Филипп сидел притаившись и желал только одного, чтобы до рассвета на него никто не наткнулся.

Кто-то похлопал Филиппа по макушке, рассмеялся звонким девичьим смехом и спросил:

— А ты почему скучаешь? Через несколько минут наступит полночь, пойдем к костру.

— Я не вижу в темноте, — ответил Филипп.

— Да? — притворно удивилась невидимая собеседница. — Может, ты и не слышишь в тишине?

— Не знаю.

— Так и быть, я научу тебя видеть ушами, — вдруг сказала она.

— А как это? — заинтересовался Филипп.

Если бы это было возможно, он смог бы отправиться к Черному Камню прямо сейчас. Надо было лишь узнать дорогу. «У кого здесь узнаешь? А эта сейчас наврет какой-нибудь ерунды и убежит. Она бы еще сказала, что можно видеть носом».

— Кстати, носом тоже очень хорошо все можно видеть, — словно прочитав его мысли, проговорила невидимка. — Но у тебя, похоже, плохой нюх. Поэтому начнем с ушей. Прислушайся. Хорошенько прислушайся и попробуй услышать все звуки леса. Слышишь шелест листьев?

— Да, — весь обратившись в слух, ответил Филипп.

— А скрип деревьев? — понизила голос невидимка.

— И скрип, — шепотом произнес Филипп.

— Скрипят только стволы, — тихим, проникновенным голосом сказала невидимка. — Их и надо обходить. Если ты научишься слышать все, что тебя окружает, а не только собственные всхлипывания, сможешь ходить в темноте. А сейчас попробуй расслышать, что делается на поляне. Она далеко отсюда, но если постарайся, сумеешь и это.

Филипп напряг слух, но сколько он ни прислушивался, ничего, кроме шелеста и поскрипывания, не услышал.

— Нет, я не могу, — наконец произнес он.

— А ты выйди на открытое место и поверти головой, — посоветовала невидимка. — Видел, как животные замирают и двигают ушами? Они ловят звуки.

Филипп послушно поднялся и отошел от дерева. Он словно обернулся зверем, стоял, медленно крутил головой и пытался выделить из общего оркестра лесных звуков то, что ему было нужно. Наконец уловил далекий-далекий крик.

— Там! — воскликнул Филипп и ткнул пальцем в непроглядную темень. — Я услышал, это там! — Но ему никто не ответил, и тогда он тихонько позвал: — Эй, вы где?

Невидимка исчезла, и Филипп снова остался в одиночестве. Постояв немного, он двинулся в сторону поляны. У него снова появилась слабая надежда, что кто-нибудь из тех, кто гуляет на празднике, сжалится над ним и покажет дорогу к Черному Камню.

Шел он очень медленно, до рези в глазах всматривался в темень и прислушивался к потрескиванию деревьев. Начал даже принюхиваться и вскоре почувствовал запах дыма. «Я уже вижу носом, — обрадовался Филипп и мысленно пошутил: — Еще немножко, и у меня появятся глаза на коленках».

Неожиданно чуть в стороне между деревьями мелькнул огонек, как будто на земле кто-то установил зажженную свечку.

Филипп свернул со своего пути и пошел на свет. Ему уже начало казаться, что сейчас он встретит своего пропавшего друга. Затем он с трепетом подумал, что, может быть, это и есть Черный Камень. Что по ночам у его подножия кто-то специально зажигает для путников светильник. Филипп шел все быстрее и в конце концов бросился бежать. Добравшись до источника света, он замер от удивления. Огонек оказался невиданным цветком, который рос прямо на резном листе папоротника. Он излучал мягкий розоватый свет, а вокруг него кружилось целое облако мелких насекомых.

Филипп сразу вспомнил и сказку, в которой говорилось о редчайшем цветке папоротника, и рассказ Кинтохо. «Если он волшебный, — волнуясь, подумал Филипп, — наверное, он может отправить меня к Черному Камню. Точно! Только бы получилось! Только бы получилось!»

Затаив дыхание, он очень бережно сорвал цветок и с дрожью в голосе попросил:

— Цветок, цветок, пожалуйста, отправь меня к Черному Камню.

Филипп ждал долго, но ничего не произошло, и он разочарованно вздохнул.

— Красивый, — любуясь бесполезной находкой, с грустью проговорил он. — Только что от тебя толку? — Филипп осторожно зажал цветок в кулаке и пошел к костру.

Праздничный гомон был уже хорошо различим, и Филипп прибавил шагу. Он видел отблески огня на стволах деревьев и больше не боялся заблудиться.

Филипп без приключений добрался до праздничной поляны и спрятался за раздвоенной сосной. Прежде чем выйти на открытое место, он хотел посмотреть, стоит ли это делать. Нечисть могла встретить его враждебно. Но Филипп не переставал надеяться на встречу с Кинтохо. Ему не верилось, что этот опытный, хитрый проныра так легко дал себя погубить.

Поляна была огромной и круглой, как будто ее обвели циркулем. В центре находилось такое же правильное круглое озеро, а посередине возвышался остров, на котором пылал праздничный костер, сложенный из стволов деревьев. Пламя костра поднималось выше леса, а столб искр растворялся где-то далеко в небесах. Здесь собрались, пожалуй, все обитатели сказочного леса. Это напоминало фантастический карнавал. Филипп во все глаза смотрел на них. Каких только существ здесь не было! Многих из них он видел впервые, но были и уже знакомые: ведьмы, карлики, гномы, гоблины, эльфы, дриады и пикси. Среди лилипутов, которые могли бы поместиться на ладони у человека, лихо отплясывали настоящие гиганты размером с каланчу. И Филипп удивлялся, где они до сих пор скрывались.

Филипп все еще решал, выходить из укрытия или нет, когда среди нечисти показалась обыкновенная девочка. Она была примерно одного с ним возраста, как Кинтохо носила набедренную повязку, а за спиной — лук и колчан со стрелами. От подмеша ее отличали только длинные, до пояса, рыжие волосы.

Некоторое время Филипп с большим интересом наблюдал за охотницей. Девочка прекрасно чувствовала себя среди нечисти и, похоже, была на этом празднике своей. «Она такой же человек, как и я, — размышлял Филипп. — Наверное, ее, как и Кинтохо, украли в детстве, и она выросла в лесу. Знает, девчонка знает дорогу к Черному Камню».

Филипп вышел из-за дерева и направился к девочке. Первое время на него никто не обращал внимания. Все были настолько увлечены пляской, что Филиппу удалось пройти незамеченным почти до самого озера. Но вдруг музыка разом прервалась, и музыканты опустили инструменты. Тут Филиппа и заметили. Здоровый, как медведь, кривоногий фейри с клыками наружу ткнул в его сторону пальцем и громогласно объявил:

— К нам пожаловал чужак! Я целых полдня искал его по всему лесу, а он сам пришел.

Смех и вопли сразу прекратились, на поляне воцарилась тишина, и все повернулись к Филиппу.

— Милости просим к нам на праздник, — проскрипел близко стоящий карлик и потер руки, — давненько у нас не было человечков.

— Это мой человечиска! — зловеще проговорил страшный фейри. — Я его никому не уступлю.

У Филиппа над головой закружились перепончатокрылые вампиры. Два из них, со свистом рассекая воздух, спикировали вниз и пронеслись всего в сантиметре от лица. Филиппу сделалось настолько страшно, что у него отнялся язык. Бежать было поздно и бесполезно. Нечистая сила окружала его со всех сторон, кривоногий фейри уже протягивал к нему лохматую лапу, и тут Филипп сделал первое, что пришло ему в голову: он разжал кулак с цветком папоротника и вытянул руку вперед.

Вокруг разлилось нежно-розовое сияние, и ужасный фейри остановился как вкопанный. Все, кто был на поляне, ахнули, и по толпе пробежал громкий шепот: «У него волшебный цветок!», «У чужака цветок папоротника!», «Он нашел цветок!».

Толпа нечисти расступилась перед Филиппом и образовала коридор, который вел на берег озера, в самый центр праздника. По проходу к Филиппу подошла девочка-охотница. Она была такой стройной и сильной, что Филипп невольно позавидовал ее осанке и умению держаться.

Девочка опустила перед ним на одно колено и торжественно произнесла:

— Приветствую тебя, повелитель! Уважь жителей сказочного леса, займи свое место на празднике.

Филипп сразу узнал голос охотницы. Это была та самая невидимка, которая научила его видеть ушами. Он хотел было сказать ей об этом, но при нечистой силе не решился и только согласно кивнул головой. А девочка поднялась и пошла, приглашая Филиппа последовать за ней.

Пока что Филипп понял одно: цветок папоротника спас ему жизнь. Он видел, какими серьезными и почтительными стали лица у обитателей леса. Даже самые свирепые и кровожадные из них смотрели на чужака как на своего господина.

Филипп пошел за девочкой, и, когда он проходил по живому коридору, все замолкали и склоняли головы. Охотница провела его до берега, и Филипп увидел, что на небольшом возвышении установлен тяжелый дубовый трон. На его высокую резную спинку была небрежно брошена ярко-красная бархатная мантия, отороченная мехом.

Юная охотница ловко сняла мантию, накинула ее Филиппу на плечи и предложила сесть.

— Сегодня это ваше место, повелитель, — серьезно сказала она. — Тот, кто нашел цветок папоротника, на всю праздничную ночь становится Властителем сказочного леса.

— Только на одну ночь? — вырвалось у Филиппа, и он заметил, каким озорным блеском сверкнули глаза охотницы.

— Только на одну праздничную ночь, — членораздельно повторила девочка.

Филипп поправил сползшую с голого плеча мантию, сел на трон, и охотница заняла место сзади, по правую руку.

— Прикажете продолжать праздник? — наклонившись к нему, спросила девочка.

— Да, пожалуйста, продолжайте. — Быстро войдя в роль Властителя леса, Филипп царственно взмахнул рукой и добавил: — Танцуйте-танцуйте, я разрешаю.

И тут же заиграла музыка, и все, кто был на поляне, пустились в пляс. В озере заплескались русалки и водяные, в воздухе под музыку закружились летучие мыши, эльфы, нимфы, розовощекие амуры. И лишь Филипп с юной охотницей не принимали участия в танцах. Укутавшись в дорогую мантию, Филипп задумался и в свете пламени и впрямь стал похож на мудрого властителя сказочной страны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На самом деле Филипп чувствовал себя в роли Властителя леса очень неудобно. Такое количество нечисти на одной поляне вызывало у него внутреннюю дрожь. От одного взгляда на некоторых у Филиппа по спине начинали ползать мурашки. Но он старался не показывать своего страха, держался с редким достоинством. Однако размышлял, как извлечь пользу из своего положения. Сидеть на троне до утра было нельзя. С восходом солнца он переставал быть повелителем для нечистой силы. Это значило, что любое из чудовищ могло напасть, утащить его к себе в подземную нору.

Десятка два древесных дев подлетели к трону, окружили Филиппа и, бесцеремонно разглядывая его, запищали.

— Это тот самый, который плакал на верхушке дуба, — сказала одна.

— Нет, тот был какой-то лохматый и грязный, а наш повелитель пригожий и очень симпатичный, — смеясь, проговорила другая.

— Кыш отсюда, мухи зеленые, — не выдержал Филипп.

Древесные девы разболтали, что он плакал, и ему стало стыдно перед охотницей.

— Это он! Это он! — обрадовались дриады.

— Он и тогда обзывал нас мухами!

Они стайкой взмыли вверх и растворились в темноте. А Филипп повернулся к девочке и, смущаясь, сказал:

— Я не плакал. Мне в глаз залетела мошка, а они подумали...

— Дриады не умеют думать, — спокойно ответила девочка. — Они говорят только о том, что видели.

Некоторое время Филипп обиженно молчал, но потом все же поманил охотницу, она тут же наклонилась к нему, и он поинтересовался:

— А что мне делать с цветком?

— Что пожелаешь,— ответила девочка.— Ты можешь получить все клады, скрытые в земле. Можешь поселиться в сказочном лесу и стать одним из нас.

— И все? — спросил Филипп, когда охотница сделала паузу.

— Нет, не все,— ответила девочка.— Любому жителю леса ты можешь приказать все, что угодно, и он обязательно выполнит твое желание. Например, построить за ночь дом и даже крепость. Вырыть новое озеро или осушить старое. Можешь приказать, чтобы все встали на головы или остаток ночи танцевали на руках. Можешь даже приказать достать тебе с неба луну.

— Достанут?! — изумился Филипп.

— Нет, это невозможно, но стараться будут,— ответила охотница.

— Представляю, как они всей компанией начнут здесь подпрыгивать,— ни к кому не обращаясь, произнес Филипп.— Только зачем мне луна?

— Властители любят, когда исполняют их глупые желания,— пояснила девочка.

— Значит, если я попрошу отвести меня к Черному Камню, они это сделают? — обрадовался Филипп.

— Нет,— сразу сделавшись рассеянной, ответила юная охотница.

— Почему? Ты сама сказала, все что угодно,— озадаченно сказал Филипп.

— Позже узнаешь,— терпеливо продолжала объяснять девочка.

— Ты тоже не можешь мне помочь? — цепляясь за последнюю надежду, спросил Филипп.

Охотница немного помолчала, и Филипп уже решил, что она не расслышала вопроса. Он заглянул девочке в глаза.

— Я могу,— наконец ответила охотница, и Филипп снова увидел, как блеснули ее глаза.— Слово повелителя для меня закон.

— Мы можем пойти прямо сейчас? — оживился Филипп.

— Не торопись, — ответила девочка. — Ты — Властитель сказочного леса и не должен уходить с праздника. Твои подданные этого не поймут. Потерпи до утра.

Филиппа так и подмывало подробнее расспросить охотницу, точно ли она знает дорогу к Черному Камню, успеют ли они дойти до него и не помешают ли им утром кровожадные монстры? Но в то же время ему не хотелось выглядеть назойливым и тем более трусливым. Поэтому он задал только один вопрос:

— Ты не знаешь, Кинтохо жив?

— Живехонек! — со смехом ответила девочка. — Ты за него не беспокойся. Этот пройдоха нигде не пропадет.

— А я и не беспокоюсь, — легко соврал Филипп. — Просто мы вместе собирались вернуться в тот мир. А он опять меня обманул.

Никакой реакции на его слова не последовало.

Праздник был в самом разгаре, когда над поляной появилась черная туча и загородила собой ночное светило. Филипп глянул наверх и увидел того самого тролля, которого он обвел вокруг пальца. Сердце у Филиппа провалилось в пятки, но чудовище с детским любопытством разглядывало танцующих и в такт музыке слегка покачивало головой.

— А тролль тоже подчиняется мне сегодня ночью? — тихонько спросил Филипп у охотницы.

— Конечно, — ответила девочка.

И все же Филипп не сразу решился обратиться к великану.

— Эй, тролль! — наконец крикнул он, и чудовище приблизилось к нему свою ужасную морду. — Я, Властитель сказочного леса, приказываю тебе вернуться к себе в пещеру. Ложись спать. Все равно ты не поместишься на поляне. — Сказав это, Филипп предъявил троллю цветок папоротника, и чудовище послушно кивнуло головой.

— Слушаюсь, повелитель.— Словно небесный гром, прозвучал его голос, и через мгновение над танцующими вновь засветила луна.

— А то он не даст нам убежать,— виновато пояснил Филипп.— Ему сверху все видно.

— Не оправдывайся, повелитель,— сказала охотница.— Сегодня ты Властитель леса.

Бревна в праздничном костре медленно, но неуклонно догорали, и оранжевое пламя становилось все слабее и слабее. Окраины поляны, куда уже не доходили теплые отблески костра, погрузились в тень. Зато огромная летняя луна выкатилась на самую середину небосвода и своим холодным стальным светом залила всё вокруг.

Те, кто уже наплясались, рассаживались поближе к озеру, прямо на земле, и приступали к долгожданной трапезе.

Только самые стойкие продолжали танцевать и веселиться.

— Я очень хочу есть и пить,— глядя на то, как лакомятся праздничная толпа, сказал Филипп.— За весь день не съел ни одной ягоды. Я бы, наверное, сейчас проглотил целое ведро земляники и столько же орехов. А потом выпил бы целое ведро воды.

— Так в чем же дело? — спокойно ответила охотница.— Прикажи, и тебе принесут сколько угодно ягод и воды.

И действительно, через минуту возле повелителя появились сразу три берестяных ведерка. Впервые за праздник он по-настоящему ощутил себя Властителем сказочной страны. И это обстоятельство не позволило ему наброситься на еду, как какой-нибудь нечисти. Филипп ел по-царски, с достоинством и неторопливостью. Ягоды забрасывал в рот небольшими горстями и жевал не чавкая. Воду пил не из ведра, как обитатели леса, а черпал ладошкой. Затем Филипп вспомнил о девочке, и ему стало стыдно за свою забывчивость.

— Хочешь землянички? — предложил он.

— С Властелином?! Нельзя,— наотрез отказалась она.— Я простая охотница.

— Да, пожалуйста, продолжайте праздник.— Быстро войдя в роль Властителя леса, Филипп царственно взмахнул рукой и добавил: — Танцуйте-танцуйте, я разрешаю.

Филипп зажмурился от страха, а потом крикнул на весь замок:

— Хрямли, брямли, дрямли! Хочу домо-о-ой!!!

Филипп хотел было уговорить ее поесть вместе, но неожиданно кто-то подергал Филиппа за край мантии, и перед троном возникли два пикси в огромных колпаках с бубенцами.

— Повелитель, — подобострастно проговорил один из них, — ты нас не узнаешь? Это мы спасли тебе жизнь, когда ты падал.

— Да, большое вам спасибо, — принялся благодарить Филипп, и на этот раз пикси не стал его одергивать.

— Ерунда! — Он махнул рукой. — Падай сколько влезет. Мы хотели попросить.

— Просите, — милостиво разрешил Филипп.

— Вон там у озера сидит очень злобный фейри, — трусливо озираясь, горячо зашептал пикси. — Он все время нас обижает. То треснет по уху, то по затылку, а бывает, и в глаз. Можно, мы набьем ему морду? Хотя бы один раз в жизни.

— А что я могу сделать? — опешил Филипп.

— Приказать ему, чтобы он не сопротивлялся, — зашептал второй пикси. — А остальное мы сделаем сами.

Просьба была настолько необычной, что Филипп растерялся. Но затем он все-таки ответил:

— Нет, я не буду ему приказывать. Разбирайтесь сами.

— Я же тебе говорил, — уходя, с досадой сказал один другому. — Властитель знает, что делает.

К Филиппу еще много раз подходили с самыми нелепыми просьбами, и все они были очень похожи на первую. В конце концов, Филипп поднялся и на всю поляну объявил:

— Жители сказочного леса! Если кто-то хочет кому-то надавать по физиономии, не надо спрашивать у меня разрешения. А еще лучше, если вы не будете ссориться и драться. Сегодня же праздник. Я приказываю всем не обижать друг друга и веселиться. Хотя бы одну ночь.

Обращение к нечистой силе подействовало, и от Филиппа отстали. Он сидел на троне и от нечего делать рассматривал цветок папоротника, который уже начал терять свою красоту.

Филиппу давно надоело изображать из себя Властителя, и он с грустью думал о том, как же скучно и противно повелевать глупыми и злыми подданными. Ни поговорить по душам, ни сделать что-то значительное и интересное. Зато, как только взойдет солнце, все эти почтительные и сладкоречивые жители сказочного леса тут же набросятся и, не раздумывая, слопают своего Властителя за милую душу.

Наигравшись цветком, Филипп протянул его охотнице и сказал:

— Возьми, ты же девчонка.

— Не торопись расставаться с ним, — посоветовала охотница. — Это символ власти. Он тебе еще пригодится.

— И что, я так и буду сидеть всю ночь и смотреть, как они едят? — снова обратился он к девочке и зевнул. — Уфф, умираю, хочу спать. И кто это придумал по ночам устраивать праздники? Поплясали бы днем.

— Ты забыл, что можешь повелевать, — сказала охотница. — Придумай для них какое-нибудь развлечение или заставь всех считать звезды.

Филипп задумался. Он не представлял, чем можно занять такую ораву нечисти. Он перебрал в уме все игры, все свои заветные желания и пришел к выводу, что сейчас хочет только одного — вернуться домой целым и невредимым.

В бархатной мантии с меховой оторочкой было тепло, как в шубе, и Филипп начал клевать носом. Наконец он устал бороться со сном, закрыл глаза и задремал.

Костер почти совсем догорел, и луна начала клониться к горизонту, когда девочка сама обратилась к Филиппу.

— Хватит дрыхнуть. Это самая короткая ночь в году, — растормошив его, тихо произнесла она. — Скоро начнет светать. Пора сматываться, повелитель. Только я не знаю, как это сделать. Придумай что-нибудь. Ты же умный.

Филипп протер глаза и недоумевающе посмотрел на юную охотницу. Последние слова она произнесла так, как это делал

Кинтохо. Девочка лукаво улыбалась. Даже в темноте было видно, как в глазах у юной охотницы пляшут веселые чертеньята. Сейчас она очень походила на подменыша.

Не переставая удивляться, Филипп встал с трона, три раза хлопнул в ладоши, и все повернули головы к Властителю.

— Жители сказочного леса! — крикнул он. — Хватит обжираться. Это вы и так делаете каждый день по несколько раз. Все-таки сегодня праздник. Поэтому я хочу научить вас одной интересной игре. Она называется «жмурки». Сейчас мы будем в нее играть. Все, кто здесь есть, летающие, плавающие, прыгающие и бегающие, все должны завязать глаза. У кого нет тряпки, тот может натянуть пониже колпак или шляпу. Только подглядывать нельзя. Кто будет жульничать, того я накажу. Заставлю до самого восхода солнца стоять на одной руке или лапе.

Обитатели леса тут же повскакали с мест, послушно завязали глаза и замерли в ожидании следующей команды.

— Все вы водите, — продолжал Филипп объяснять правила игры. — Это значит, что вы с завязанными глазами должны отыскать на поляне меня и охотницу. А мы будем прятаться. Это необычайно веселая игра. Только осторожней, не оттопчите друг другу ноги. Начинайте нас ловить, когда я скажу: «Раз, два, три».

— Повелитель, а как же мы будем вас ловить? — томно спросила одна из русалок.

— Я обязательно на минутку прыгну в озеро, — пообещал Филипп. — А сейчас ныряйте поглубже и ждите команды.

— А мы? — поинтересовался перепончатокрылый вампир.

— Будете ловить нас сверху, — ответил Филипп. — Вы что, никогда не охотились на животных? Ну и балбесы! В общем, ждите команды и не подглядывайте. Нам тоже надо подготовиться. — Филипп сбросил с себя мантию, жестом показал девочке, что пора бежать, и они на цыпочках пошли к лесу.

Ребята бесшумно пробрались мимо нечисти, и, когда поляна осталась далеко позади, Филипп радостно закричал:

— Они что, правда будут так стоять до самого восхода?

— Конечно, — ответила охотница. — Им же приказал Властитель леса.

— Вот дураки! — расхохотался Филипп. — И праздник у них дурацкий. Надо было заставить всех залезть в озеро и до утра петь песни. Вот бы была потеха.

— Не стоит смеяться над чужими праздниками, — неожиданно серьезно сказала девочка. — Ты же на этом торжестве был Властителем леса. Тебя накормили, напоили, оказывали тебе почести. К тому же праздник летнего солнцестояния и мой праздник. Ты забыл, что я тоже жительница сказочного леса.

Филипп смутился и на некоторое время замолчал, но эта маленькая размолвка длилась недолго. Очень скоро он должен был вернуться домой, и это так радовало его, что он просто физически не мог хмуриться и молчать.

Восход солнца застал ребят далеко от поляны. Филипп без умолку болтал. Он во всех подробностях поведал охотнице, как приручил мантикору и как потом блуждал по гигантскому дереву в поисках Кинтохо. Как на обратном пути сорвался вниз, а после встречи с ней нашел цветок папоротника. Девочка слушала его не перебивая и загадочно улыбалась.

Лесные дебри давно сменил редкий, прозрачный лес. Рассвет в таком лесу выглядел особенно красиво. По траве волнами стелился розовый туман, и там, где пробивался солнечный луч, он быстро таял. Крикливых ночных птиц сменили утренние, и те заливались, оповещая все живое о приходе нового дня.

— Далеко еще до Камня? — закончив историю своих злоключений, спросил Филипп. — Я попал сюда утром. Так ведь можно и не успеть.

— Не беспокойся, — ответила девочка. — Все твои неприятности позади. Осталось последнее испытание. Но ты не волнуйся, оно совсем простое.

— Какое еще испытание? — насторожился Филипп. — Я так устал. Мы ведь не спали всю ночь.

— Я хочу проверить тебя в схватке,— сказала охотница.— Попробуй победить меня.

— Тебя? — Филипп даже остановился, оценивающе оглядел девочку с ног до головы и добавил: — Я не дерусь с девчонками.

— Ты боишься проиграть? — подзуживая его, насмешливо проговорила охотница.— Ну конечно, оказаться слабее девчонки — такой позор.

— Отстань,— раздраженно сказал Филипп и пошел дальше.

Ему очень хотелось доказать этой лесной дикарке, что он не слабее ее, но что-то мешало ему согласиться на поединок. А охотница на ходу продолжала над ним издеваться:

— Я-то думала, ты сильный и смелый. Впрочем, откуда в вашем мире сильные и смелые ребята? Одни слюнтяи.

— Я не дерусь с девчонками,— от злости сжав кулаки, еще раз твердо повторил Филипп. Он шел впереди и обращался к охотнице, не оборачиваясь: — Если хочешь, давай посмотрим, кто лучше стреляет из твоего лука. Правда, я никогда не пробовал из такого. Зато я стрелял в тире из духового ружья. А еще я могу сделать колесо. Между прочим, в школе на физкультуре я десять раз подтягиваюсь на турнике. Точно, давай посмотрим, кто больше подтянется.— Филипп обернулся и едва удержался на ногах от удивления.

Вместо охотницы за ним шел Кинтохо и гримасничал.

— А... а... а... — начал Филипп, но от удивления позабыл, что хотел сказать.

— Дальше что? — хитро улыбаясь, спросил подменш.— Наверное, б... б... б?..

— Это ты?! — наконец спросил Филипп.— А где девчонка?

— Нет никакой девчонки. И не было,— хохоча, ответил Кинтохо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сколько Филипп ни пытался узнать, как подменыш вырвался из лап нечисти, тот ему ничего не рассказал. Кинтохо лишь посмеивался и все время повторял:

— Потом, потом, потом...

— Да когда потом? — возмутился Филипп. — Мне осталось не больше часа.

— А мы уже пришли, — кивнул подменыш вперед.

Филипп повернулся и увидел, что тропинка вывели их из леса и пошла в гору.

Мальчишки поднялись на холм, и оттуда им открылась удивительная панорама. В окружении девственного леса на возвышении стоял средневековый замок из грубого нетесаного камня с круглыми островерхими сторожевыми башнями и подъемным мостом. Тропинка вела прямо к воротам замка. Утреннее солнце отражалось от витражных стекол на окнах, играло на медных шпилях и флюгерах.

Невесть откуда взявшиеся чайки с жалобными криками кружили над рвом и высматривали добычу. Изредка одна из них стремительно падала в воду и, схватив рыбу, взмывала вверх.

— Черный Камень внутри замка, да? — спросил Филипп и обернулся.

Позади никого не было. На этот раз пропал и Кинтохо.

Сообразив, что подменыш снова морочит его, Филипп самостоятельно отправился к замку. Шел уверенно: сейчас Филипп ни секунды не сомневался, что его опасным приключениям пришел конец. Он радовался скорому возвращению домой, но в то же время испытывал какое-то щемящее чувство сожаления. Сказочный лес с его жестокими законами остался позади, и, несмотря на пережитое, Филиппу было жалко покидать его, не попрощавшись.

Филипп остановился и посмотрел назад. Вдалеке над лесом кружили то ли очень крупные птицы, то ли перепончатокрылые

вампиры. Скорее всего, там и находится поляна, где он провел самую короткую ночь в году. Затем из-за деревьев поднялась огромная лохматая голова тролля. Глупое чудовище подслеповато щурилось, и Филипп помахал ему рукой.

— Я еще вернусь,— тихо сказал он и, подумав, добавил: — Мы еще вернемся.

У моста Филипп на секунду задержался. Наконец, решившись, взошел на мост. И тут в воротах показался статный, высокого роста незнакомец в замшевой охотничьей куртке и в шляпе с пером. На ногах у него были ботфорты, за плечами висел лук, да не такой, как у Кинтохо и девчонки, а настоящий. Из колчана, украшенного серебром, торчали оперенные стрелы.

Охотник приветливо улыбался, и Филипп снова обратил внимание на то, что в его облике было что-то знакомое.

— Здравствуйте,— поприветствовал его Филипп.

— Привет, Филя, милости прошу в мой замок.— Охотник повел гостя через широкий двор.— Я тебя давно дожидаясь.

— Вы здесь все время живете? — во все глаза разглядывая древний замок, спросил Филипп.

— Не совсем,— посмеиваясь, ответил незнакомец.— Наша сказочная страна появилась гораздо раньше вашего мира городов и не изменилась за последние несколько тысяч лет. Ваш мир постоянно преобразается вместе с человеком, хотя когда-то он был таким же, как наш. Сказочный мир надо охранять, чтобы люди знали, каким он был и откуда они вышли. Вот я, охотник, и оберегаю его.

— Вы с Кинтохо и охотницей родственники? — набравшись смелости, спросил Филипп.— Вы очень похожи.

— Я герой всех событий, которые происходят в сказочном лесу. А значит, я и Кинтохо, и охотница, и старый алхимик, который рассказал тебе о Черном Камне. Кто-то же должен был встретить тебя и объяснить, куда ты попал. Иначе ты подумал бы, что это обыкновенный лес. Пока разобрался бы, влип бы в какую-нибудь очень неприятную историю. А то, чего доброго,

встретился бы с нечистью и со страху тронулся умом. Вот я и подготовил тебя. А дальше все просто: если бы ты был девочкой, я бы встретил тебя в начале пути в облике девчонки. Был бы ты взрослым, я предстал бы перед тобой таким, какой я сейчас. А поскольку ты мальчишка, я принял вид подменыша Кинтохо. Чтобы тебе удобнее было со мной общаться, я снова на время стану им.

Охотник обернулся вокруг себя, и перед Филиппом появился хитрый лесной бродяга Кинтохо.

— Ух, ты! — восхитился Филипп. — Здорово! Настоящее волшебство! А почему ты не превратился во взрослого, когда тебя украли? — спросил Филипп.

— Меня никто не крал, — ответил подменыш.

— Как? Я же сам видел, — удивился Филипп.

— Да, ты действительно видел, как меня схватили. Я сам попросил об этом своих друзей.

— Попросил?! — ничего не понимая, переспросил Филипп. — Значит, ты меня опять обманул? А я потом весь день искал тебя, рисковал своей жизнью, ловил мантикору...

— Знаю-знаю, — перебил его Кинтохо. — Ты мне обо всем рассказал, когда я был девочкой. Не надо пересказывать во второй раз.

— Ты что, издевался надо мной? — обиженно воскликнул Филипп.

— Ни в коем случае, — ответил подменыш. — Как бы тебе лучше объяснить?

— Да уж так и объясни, не дурак, пойму, — продолжал горячиться Филипп.

— Все, что с тобой произошло, это было всего лишь испытанием, — серьезно, по-взрослому ответил Кинтохо. — Откровенно говоря, меня восхитило твое великодушие. Ты все время спасал меня, прощал мне предательства, не бросил друга, когда меня украли злые фейри. А как ты достойно вел себя на празднике летнего солнцестояния! Не струсил и держался как настоящий Властитель. А потом очень остроумно оттуда сбежал.

— А что мне оставалось делать?

— Ты мне понравился, Филя, — сказал Кинтохо и похлопал его по плечу. — Ты добрый, смелый и находчивый парень. Мне было очень интересно и приятно провести с тобой эту неделю.

После таких слов у Филиппа не повернулся язык дальше упрекать подменыша. Он покраснел от смущения, потупил взгляд и лишь мямлил какую-то ерунду: «Да чего там? Да я не то. Да это так». Затем он вздохнул, неопределенно пожал плечами и признался:

— Мне было тоже интересно. Только очень страшно. Как вспомню, мороз по коже. Так, значит, ты не обманывал меня, а испытывал?

— Да, — ответил Кинтохо. — И ты выдержал все испытания. Честно говоря, не ожидал.

— Значит, ты все время притворялся, — все еще сомневаясь, сказал Филипп.

— Можно и так сказать. Я был подменным и должен был играть эту роль. Вот и все. Ну пойдем, пойдем ко мне в замок. Не можешь же ты уйти отсюда, не побывав у меня в гостях.

— А время? — вспомнил Филипп.

— Время еще есть, — сказал подменыш и по-хозяйски повел гостя в покои замка.

Несмотря на внешний вид маленького лесного бродяги, Кинтохо сейчас выглядел солидно. Куда-то исчезла его суетливость и дикарские ужимки. Изменилась даже походка подменыша. Он шел степенно и даже величаво, как и подобает хозяину огромного сказочного дома. И все же подменыш смотрелся здесь неестественно, словно забрел в замок случайно.

Они вошли в просторный зал из редкой светло-зеленой яшмы. Посреди зала стоял длинный овальный стол. Он был уставлен яствами, и Филиппу подумалось, что за таким столом вполне могли бы поместиться человек сорок, а то и пятьдесят. Но стульев было всего два.

— Неужели это все твое? — осматриваясь, спросил Филипп.

— Мое,— смеясь, подтвердил Кинтохо.

— И ты здесь живешь совсем один? — не переставал удивляться Филипп.

— Нет, нас здесь много,— сказал подменыш и вдруг закричал: — Э-ге-гей! — И тут же освещение и интерьер зала начали меняться. Он стал мрачным, как жилище злого колдуна. Потухший камин затянуло паутиной, стены из живой зеленой яшмы сделались черными, а из дверей потянуло сыростью. Высоко под потолком громко забили крыльями какие-то темные существа, из углов полезли безобразные монстры, персонажи самых кошмарных историй...

И Филипп испуганно воскликнул:

— Прошу тебя, не надо. Я уже насмотрелся на них. Больше не хочу.

Кинтохо взмахнул рукой, и стены зала начали светлеть. В витражные окна хлынуло солнце и осветило зал разноцветными пятнами. Сверху к мальчишкам начали слетаться крошечные эльфы. Полилась тихая музыка, и подменыш жестом пригласил гостя к столу.

— Фантастика! — восхищенно проговорил Филипп.

— Нет, сказка,— поправил его Кинтохо и добавил: — Позавтракай со мной. А то ведь на лесных ягодах и орехах ты совсем отощал.

— А арбуз? — напомнил Филипп.

— Ах да, был еще и арбуз,— улыбнулся подменыш. — Располагайся. Вряд ли мы скоро увидимся. Я хочу, чтобы ты запомнил не только ужасы, но и что-нибудь приятное. Хотя бы вот этот завтрак.

— Попробуй такое забудь,— устраиваясь за столом, проговорил Филипп, и оба мальчишки рассмеялись.

И все-таки какой-то вопрос не давал Филиппу покоя. Он вертелся у него в голове, но никак не облекался в слова.

— А нечистая сила? — наконец вспомнил он, о чем хотел спросить. — Они что, тоже притворялись?

— Нет,— принимаясь за еду, ответил Кинтохо.— Нечистая сила никогда не притворяется. Но иногда...

— Значит, меня могли по-настоящему сожрать?! — воскликнул Филипп.

— Ну где ты видел сказку, в которой главного героя съедают, да еще в начале пути? — ответил подменыш.

— Какой же я главный герой? — спросил Филипп.

— Самый настоящий,— сказал Кинтохо.— Прodelав этот нелегкий путь, ты стал сказочным персонажем, как и я. Только твой дом там, в том мире,— подменыш махнул рукой в сторону выхода.— А мой здесь. Ты ешь-ешь, скоро возврататься.

После этих слов Филипп налег на угощение и оторвался, только когда почувствовал, что больше не может съесть ни одной даже самой маленькой виноградины.

— Ф-фу... — Он отвалился от стола.— Больше не могу. Ну что, пойдем к Черному Камню? Чего тянуть? Вдруг там стоит очередь или что-нибудь сломается. Придется чинить.

— Нет никакого Черного Камня,— спокойно ответил Кинтохо и, по своему обыкновению, весело сверкнул глазами.

— Как нет? — опешил Филипп.

— Нет, и все,— явно желая напоследок попугать гостя, проговорил подменыш.

— Зачем же я так долго шел к нему? — начиная паниковать, спросил Филипп.— И зачем я вообще куда-то шел?

— Для того чтобы узнать себя получше,— ответил Кинтохо.— А Черный Камень — это всего лишь проверка. В вашем мире считается, что злой человек носит такой камень за пазухой. В общем, это символ злобы и коварства. Мы с тобой шли к этому «камню», но, к счастью, у тебя его не оказалось. Так что теперь ты свободен и можешь возвращаться домой.

— А как я вернусь? — спросил Филипп.

— Очень просто,— ответил подменыш и рассмеялся.—

Это же сказка. Пройдись колесом, покажи язык и крикни какую-нибудь ерунду: «брюхли, крюхли, дряхли». И ты окажешься в своем мире.

— Ври больше! — не поверив Кинтохо, возмутился Филипп. — Ты опять издеваешься надо мной!

— Как хочешь. — Подменыш пожал плечами. — У тебя осталась всего одна минута. Не поверишь — останешься здесь.

— Одна минута?! — ужаснулся Филипп. — Что надо говорить?

— Что хочешь, — ответил Кинтохо. — Можешь прочитать считалочку, но не очень длинную. Осталось сорок секунд.

— Считалочку?! — воскликнул Филипп. От волнения он все перезабыл и, едва не плача, закричал: — Я не помню ни одной считалочки! Как ты сказал: «хрюбли, хрябли, хрюк»?

— Можно и так, — сказал подменыш и добавил: — Осталось двадцать пять секунд.

Насмерть перепугавшись, Филипп попытался сделать колесо, но после такого плотного завтрака у него ничего не вышло. Он упал и на всякий случай перекувырнулся через голову. Растянувшись на полу, зажмурился от страха, показал кому-то язык, а потом крикнул на весь замок:

— Хрямли, брямли, дрямли! Хочу домо-о-ой!!!

ЭПИЛОГ

Открыл глаза Филипп в крошечной темноте, лежа на железобетонном грязном полу. Он поднялся и пошарил впереди себя руками. Он уже понял, что оказался в башне, с которой начались все его приключения, и все же немного опасался: вдруг это очередная шутка подменыша.

«А с Кинтохо я так и не попрощался, — вспомнил Филипп. — Не успел. Ладно, еще увидимся».

Нашупав перила, он стал подниматься по крутой винтовой лестнице. Вскоре наверху забрезжил свет, и Филипп от радости даже вскрикнул:

— Получилось! — Он побежал по ступенькам, выскочил на смотровую площадку и только после этого с облегчением вздохнул.

На улице было летнее утро, ярко светило солнце. В песочнице уже строили свои замки малыши, а их мамы сидели неподалеку и разговаривали. Все выглядело так, будто он отсутствовал каких-нибудь несколько минут. О неделе, проведенной в сказочном лесу, напоминал только его внешний вид.

Филипп сверху смотрел на родные многоэтажки, на дорогу и деревья и не мог насмотреться, как будто отсутствовал дома много лет. Только сейчас он понял, как любит своих родителей, дом, город и даже вот эту башню, которая напоминала людям о былых временах.

На дорожке показался Петька. Он возвращался из магазина, и Филипп вспомнил, что мама отправила его за молоком.

— Петька! — закричал Филипп и смело полез на шаткие перила. После стольких злоключений этот опасный трюк показался ему пустяшным.

Схватившись за ветку, Филипп, как обезьяна, добрался до ствола дерева и в какие-то секунды оказался на земле.

Когда Петька увидел своего друга, лицо у него сделалось таким, будто перед ним появился динозавр. За несколько минут, пока он ходил в магазин, Филипп успел сильно измениться. Футболки на нем не было, от джинсов остались короткие дражные шорты, сам он был весь грязный и исцарапанный, а волосы на голове стояли дыбом.

— Что это с тобой? — тихо сказал Петька.

— Ох, Петька! — радостно заговорил Филипп. — Эх, Петька! Петька, что я видел! Я такое видел! Мы пойдем туда вместе...

— Я в башню не полезу, — ответил друг и машинально оглядел свои идеально чистые футболку и джинсы.

— Дурак ты, Петька! — ласково сказал ему Филипп. — Ты ничего не понимаешь!

— Все я понимаю, — ответил Петька, скосив глаза на грязную голую грудь Филиппа, — поэтому и не полезу. Меня мама за такое убьет.

— Мама-то тебя не убьет, — стал горячо убеждать его Филипп. — А вот там, где я был, запросто могут.

— Ну тогда я точно не полезу, — испуганно пробормотал Петька. — Я пошел. Мама молоко ждет.

Проводив друга взглядом, Филипп с сожалением вздохнул и подумал, что ему тоже пора идти домой. Он попытался привести себя в порядок: поплевал на руки и пригладил волосы. Затем осмотрел себя и махнул рукой. Больше ничего сделать было нельзя.

Дверь ему открыла мама. Она увидела Филиппа и остолбенела. Всего за двадцать минут он умудрился превратиться из чистенького мальчика в лесного дикаря.

— Ты где был? — прижав руки к груди, шепотом спросила она. — Что с тобой случилось?

— Мамочка, прости, пожалуйста, — кинулся к ней Филипп. — Я потом тебе все расскажу.

— А где твои футболка и джинсы? — отстраняя его от себя, еще тише проговорила мама.

— Джинсы — вот, — Филипп показал на шорты. — Понимаешь, мамочка, главное, что я вернулся живой.

— Живой, — повторила она и наконец заключила сына в объятия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	1
Глава первая	2
Глава вторая	11
Глава третья	22
Глава четвертая	31
Глава пятая	41
Глава шестая	51
Глава седьмая	61
Глава восьмая	72
Глава девятая	83
Глава десятая	93
Глава одиннадцатая	103
Глава двенадцатая	113
Глава тринадцатая	123
Глава четырнадцатая	131
Глава пятнадцатая	141
Глава шестнадцатая	150
Эпилог	156

Серия «Новые сказочные повести»

Саломатов Андрей Васильевич
В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНОГО КАМНЯ

Для среднего школьного возраста

Художник
Пушкарёв Борис Семёнович

Главный редактор А. Алир
Литературный редактор И.Ф.Скороходова
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Сертификат соответствия
РОСС RU. АЕ 51. Н 15427 № 0305667 от 08.06.2011
Подписано в печать 15.11.2011. Формат 70х90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 11,7. Гарнитура «Академия».

Тираж 18 000 экз. Заказ № 4437.

Издательство «Самовар»
125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»
(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного

Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-9781-0260-4

© А.В.Саломатов, текст.

© Издательство «Самовар»,

серийное оформление.

© РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

Мальчик Филипп неожиданно для себя попадает в удивительный сказочный мир. Чтобы вернуться в реальность, ему нужно пройти через всю сказочную страну и найти Черный камень. А сделать это очень непросто, потому что на пути встречаются не только леший с кикиморой, русалка с лесовиком, но и разные тролли, нетопыри и целые стаи анчутков. Погони, засады, ловушки и другие трудности пришлось преодолеть Филиппу, чтобы найти заветный камень и вернуться домой.

САМОВАР

9 785978 102604 >